

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

**«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 4 (32)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2018**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

**PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 4 (32)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2018**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
Рябов В.В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е.Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д.Л.	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В. главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
Викулова Л.Г. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Смирнова А.И. заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Алмазова Н.И.	доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
Афанасьева О.В.	доктор филологических наук, профессор
Беляева И.А.	доктор филологических наук, профессор
Бубнова И.А.	доктор филологических наук, доцент
Борботько Л.А. ответственный секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Геймбух Е.Ю.	доктор филологических наук, профессор
Джанумов С.А.	доктор филологических наук, профессор
Кафтанджиев Христо	доктор филологии, почетный доктор, профессор (Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария)
Курдюмов В.А.	доктор филологических наук, профессор
Матвеева И.И. секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Поршинева Е.Р.	доктор филологических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова)
Прохоров Ю.Е.	доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Радченко О.А.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина)
Романова Г.И.	доктор филологических наук, доцент
Сагаз Мицунори	доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)
Собянина В.А.	доктор филологических наук, профессор
Судейманова О.А.	доктор филологических наук, профессор
Сурьянараян Нилакши	доктор филологии, профессор (Делийский университет, Индия)
Тарева Е.Г.	доктор педагогических наук, профессор
Тышковска-Каспиак Эльжбета	доктор филологии, доцент (Вроцлавский университет, Польша)
Чернявская В.Е.	доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
Чупрына О.Г.	доктор филологических наук, профессор
Языкова Н.В.	доктор педагогических наук, профессор
Ярыгина Е.С.	доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

<i>Смирнова А.И.</i> Интертекстуальность художественного дискурса как реализация культурно-интеграционных процессов	8
<i>Тимашева О.В., Тищенко М.В.</i> Эссеистика Шарля Пеги в свете прагматики текста	16
<i>Кольцова Н.З., Шестакова Ю.Ю.</i> «Неслучайный метр» в прозе В. Казакевича (на примере книги «За мной придет единорог»).....	23
<i>Фесенко Э.Я.</i> «Берлинский дневник» Марии Васильчиковой.....	33
<i>Меркулова М.Г., Шишкина О.В.</i> Пространственный аспект оппозиции <i>свет – тьма</i> в романе У. Голдинга «Повелитель мух».....	41

Русистика. Германистика. Романистика

<i>Ярыгина Е.С.</i> Структура, семантика и синтаксические функции фразеологизированных конструкций в аргументативном дискурсе	46
<i>Рыжова Л.П., Богданова В.Р.</i> Выражение позиции автора в политических газетных текстах (на материале французской прессы)	56
<i>Бирюкова Е.В., Гришина Д.Д.</i> Социолингвистический статус группы «русские переселенцы» в Германии.....	61

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

<i>Грушевская Е.С.</i> Актуализация субъектного фокуса как основание интерпретации адресатной специализации в рекламном дискурсе	69
<i>Бузинова Л.М.</i> Фразеологические особенности французской педагогической коммуникации	78

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Гавриленко Н.Н.* Особенности поэтапной подготовки отраслевых переводчиков 86
- Бубнова И.А.* Проблемы современного образования: психолингвистический аспект 94

Слово молодым ученым

- Малюка А.А.* Вербальное оскорбление: признаки и методы выявления 104
- Томская Н.Н.* Особенности и функции паузации в тексте пьес британского театра абсурда..... 110

Критика. Рецензии. Библиография

- Романова Г.И.* Рецензия на книгу «Литературный энциклопедический словарь Ярославского края (XII – начало XXI века)» (сост. и общ. ред. О.Н. Скибинской. Ярославль: Академия 76, 2018. 680 с.)..... 122
- Ладохина О.Ф.* Рецензия на книгу В.И. Новикова «Любовь лингвиста» (М.: Изд-во «Э», 2018. 512 с.) 126

Научная жизнь

- Викулова Л.Г.* Взаимодействие языков и культур: интегральность, диалогичность или мифологизация? Информационно-аналитический обзор материалов Международной научной конференции (Челябинск, 28–30 мая 2018 г.)..... 129
- Поздравляем с юбилеем Ольгу Васильевну Афанасьеву 134

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2018, № 4 (32)..... 136

Требования к оформлению статей..... 142

CONTENTS

Literary Science

<i>Smirnova A.I.</i> Intertextuality of Fiction Discourse as Realization of Cultural-Integration Processes	8
<i>Timasheva O.V., Tishchenko M.V.</i> Sh. Pegi's Essays in the Light of Text Pragmatics	16
<i>Koltsova N.Z., Shestakova Y.Y.</i> Nonrandom Meter in V. Kazakevich' Prose on the Example of «Unicorn Will Come for Me»	23
<i>Fesenko E.Y.</i> «Berlin diary» by Maria Vasilchikova	33
<i>Merkulova M.G., Shishkina O.V.</i> Space Aspect of the Opposition <i>Light – Darkness</i> in «Lord of the Flies» by W. Golding	41

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

<i>Yarygia E.S.</i> Structural, Semantic and Syntactic Functions of Phraseological Constructions in Argumentative Discourse	46
<i>Ryzhova L.P., Bogdanova V.R.</i> Representation of the Author's Position in Political Newspaper Texts (Based on the French Press)	56
<i>Biryukova E.V., Grishina D.D.</i> The Sociolinguistic Status of «Russian Immigrants» Group in Germany	61

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

<i>Grushevskaya E.S.</i> Actualization of Subject Focus as the Basis for Interpretation of Address Specialization in Advertising Discourse	69
<i>Buzinova L.M.</i> Phraseological Features of French Pedagogical Communication	78

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Gavrilenko N.N.* Specific Features of Stepwise Industrial Translators' Training86
- Bubnova I.A.* The Problems of Modern Education: Psycholinguistics Aspect94

Young Scientists' Platform

- Malyuka A.A.* Verbal Insult: Characteristics and Methods of Delineation 104
- Tomskaya N.N.* Peculiarities and Functions of Pausatation in the Plays of the British Theater of the Absurd 110

Criticism. Reviews. Bibliography

- Romanova G.I.* Review of the Book «Literary Encyclopaedic Dictionary of Yaroslavl' Region (XII – the Beginning of XXI Century)» (Ed. by O.N. Skibinskaya. Yaroslavl': Akademiya 76, 2018. 680 p.)122
- Ladoghina O.Ph.* Review of the Book «The Linguist's Love» by V.I. Novikov (M.: Izd-vo «E», 2018. 512 p.)126

Scholarly Events

- Vikulova L.G.* Language Culture Interrelation: Integrality, Mythologization or Dialogue? Analytical Review of the Internatoinal Conference Proceedings «Language Culture Interrelation» (Chelyabinsk, May 28–30, 2018)129
- On Olga Vasil'evna Afanas'yeva's Jubilee134

Authors of «MCU Vestnik», Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education», 2018, № 4 (32)139

Style Sheet142

А.И. Смирнова

Интертекстуальность художественного дискурса как реализация культурно-интеграционных процессов

В статье определяется функциональное значение интертекстуальности как литературного приема, анализируются различные типы взаимодействия текстов. Рассматриваются произведения русских прозаиков, принадлежащие к различным направлениям современной литературы. В ходе анализа текстов выявляются разные формы интертекстуальности: паратекстуальность («Последняя пастораль» Адамовича), соприсутствие нескольких текстов в одном («Печальный детектив» Астафьева, «Голова Гоголя» Королева).

Ключевые слова: современная проза; интертекстуальность; диалог; культурно-интеграционные процессы.

Несмотря на достаточно основательную филологическую разработку проблем интертекста и интертекстуальности, еще остаются непроясненные вопросы, нуждающиеся в осмыслении. Среди них такие, как корреляция интертекстуальных теорий и их практическое применение при анализе конкретных художественных произведений, определение особенностей интертекстуальных стратегий текстопорождения и выявление степени нарастания или ослабления интертекста в современном художественном дискурсе.

Наша цель заключается в выявлении различных типов интертекстуальных связей в современных литературных произведениях, фиксирующих нарастание культурно-интеграционных процессов в художественном дискурсе. Анализируемый материал демонстрирует различные типы межтекстового взаимодействия в произведениях реалистической и постмодернистской направленности.

Г.К. Косиков вслед за Лораном Женни (статья «Стратегия формы») указывает на три задачи, которые необходимо решить теории интертекстуальности: «1) ограничить сам предмет интертекстуальной теории, которая должна

заниматься не выявлением субъективно-ассоциативных переключек смыслов, но обнаружением непосредственных, бесспорных и доказуемых связей между текстами, то есть теми случаями, когда имеет место более или менее прямой перенос одного текста в другой <...>; 2) проработать реляционный аспект интертекстовой теории; интертекстуальность — это “совокупность отношений с другими текстами, обнаруживающаяся внутри текста” (проблематика “текста в тексте”); 3) выдвинуть на первый план творческое, “трансформационное” измерение интертекста: выражение “совокупность отношений с другими текстами” станет обозначать в этом случае не их механическое соположение или суммирование, но активную переработку: произведение-интертекст стягивает все множества впитанных им текстов в единый смысловой узел — так, чтобы, с одной стороны, они не уничтожили друг друга, а с другой — чтобы произведение не распалось как структурированное целое...» [7: с. 39]. В таком виде задачи, решаемые теорией интертекстуальности, представляются, скорее, прикладными и необходимыми прежде всего методически, как принципы анализа текста в избранном аспекте.

Наряду с постструктуралистским пониманием интертекстуальности как фактора своеобразного коллективного бессознательного в настоящее время получило распространение и иное ее толкование, связанное с функциональным значением интертекстуальности как литературного приема, сознательно используемого писателями. Для выявления разных типов взаимодействия текстов в художественном произведении обратимся к классификации, предложенной Жераром Женеттом. Ученый выделяет пять основных типов связи между текстами: соприсутствие в одном тексте двух и более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.); паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу и т. д.; метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст; гипертекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого; архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов.

Определяя тип межтекстового взаимодействия, важно разграничивать теорию интертекстуальности и теорию источников, которая «описывает историю литературы в терминах “традиции” и “новаторства”» [7: с. 40]. Без этого предмет научного описания размывается, утрачивая четкие контуры. Г.К. Косиков совершенно справедливо подчеркивает принципиальное различие между двумя теориями: «Располагая добротной методикой, источниковедение отнюдь не представляет собой какой-либо самостоятельной методологии, которую вырабатывает *история литературы*; “теория источников” — это *историко-литературная дисциплина*» [7: с. 41] (курсив автора. — А. С.).

Интертекстуальность как литературный прием, сознательно используемый писателями, находит наиболее частое применение в реалистической прозе конца XX в., а также в пограничных текстах, относящихся ко вторичным художественным системам (неореализм, неосентиментализм и др.). Из писателей-традиционалистов к этому приему довольно часто обращается В. Астафьев, начиная

с ранних произведений («Звездопад») и заканчивая прозой 1990-х гг. («Обертон»). На два текста писателя повлияли произведения французской литературы: толчком к созданию современной пасторали «Пастух и пастушка» послужила повесть аббата Прево «Манон Леско», а роман «Печальный детектив» был задуман под впечатлением от произведения Г.-Ж. Гийерага «Португальские письма» [4]. В одном из интервью Астафьев указал на связь своего романа с книгой Гийерага, которая выражена в произведении в реминисценциях и в первоначальном заголовке «Печальный детектив и *одинокая монашка*». «...Проходили годы, я перечитывал и перечитывал письма беззаветно, “до конца”, до самозабвения любящей женщины-монашки, и снова (как и в случае с повестью “Пастух и пастушка”. — А. С.) что-то ныло и болело в сердце об утраченном нами навсегда. Снова хотелось воскресить на бумаге что-то похожее на несбыточную любовь...» [2: с. 4]. Цитаты из книги Гийерага вошли в пятую, центральную, главу «Печального детектива». Современный писатель выбирает из книги автора XVII в. первое из пяти писем героини к ее возлюбленному. В нем Мариана признается в любви и пишет о страданиях, вызванных расставанием с любимым, она жалуется на «непереносимую разлуку», которая в недолгий срок может привести к могиле. «Я тешила себя сознанием, что умираю от любви...» [3: с. 480]. «...Я решила обожать вас всю жизнь и никогда ни с кем не видеться... Прощайте. Любите меня всегда и заставьте меня выстрадать еще больше мук» [3: с. 481]. Реминисценции из «Португальских писем» инкорпорированы в ткань повествования «Печального детектива» *по контрасту* с линией жизни главного героя и его нескладывающимися семейными отношениями.

Вчерашний оперуполномоченный Леонид Сошнин после ранения оставляет службу из-за инвалидности. Начинаящий писатель, он занимается самообразованием, знакомится с книгой Гийерага, «которая не то, чтобы ошеломила, или обрадовала его, она подняла его над землей, над этим слишком грохочущим, слишком ревушим современным миром» [3: с. 481]. «Печальный детектив» представляет собой уголовную хронику города Вейска, и герой в силу профессии каждый день имеет дело с преступниками и уголовными происшествиями, именно поэтому письма одинокой монашки потрясают его силой и красотой чувства, которому нет места в жизни героя. После публикации романа писателя критиковали за то, что он сгустил краски и очернил народ, что роман социально заострен и излишне публицистичен. Прикоснувшись к «*болевым точкам нашей жизни*» [2: с. 4], Астафьев остается верен себе, стремясь выразить и противопоставить реальности свой эстетический идеал. Именно поэтому отрывки из книги Гийерага располагаются в центральной главе романа, занимая сильную позицию, что позволяет писателю композиционно подчеркнуть их значимость. В прозе писателя используются такие типы интертекстуальности, как соприсутствие двух и более текстов, паратекстуальность («Пастух и пастушка»).

В русской реалистической прозе конца XX в. различными межтекстовыми связями насыщены и условно-метафорические произведения. В качестве

примера можно назвать полузабытую антиутопию о ядерном апокалипсисе А. Адамовича «Последняя пастораль» [1], представляющую интерес с точки зрения последовательно формируемого автором с помощью эпиграфов диалогического пространства. Повесть состоит из 16 глав, и все они открываются эпиграфами, создающими широкий культурный контекст произведения, отличающийся разнообразием и широтой временного охвата. Так, из наиболее древних памятников словесного творчества в повести упоминается «*Эпос о Гильгамеше*» (IV–III вв. до н. э.), священный трактат «*Шатапатха-Брахмана*» (VIII–VI вв. до н. э.), наиболее почитаемая книга индийского народа «*Бхагават-гита*» III в. до н. э.). Именно эти тексты актуализируются в антиутопии в соответствии с наступившими последними временами, запечатленными в ней, как и Ветхий, и Новый Завет. Особая роль принадлежит тем эпиграфам, содержание которых антитетично смыслу глав. Все они расположены в первой части повести. В частности, отрывки из поэмы Янки Купалы «Она и я» включены автором в текст в качестве эпиграфов к четырем главам. Но если поэма «Она и я» как лиро-эпическое произведение представляет собой торжествующую песнь «земли и жизни», то антиутопия современного автора со знаковым заглавием «Последняя пастораль» — это реквием «по земле и жизни». Тексты, объединенные общей темой любви извечных Адама и Евы (и в поэме, и в повести главные герои — Он и Она), полярно расходятся в существенно важном: в поэме влюбленные составляют единое целое с природным миром, являясь его продолжением, в «Последней пасторали» окружающий героев мир смертельно опасен, природа, «пропитанная» радиацией, уродлива и разрушительна.

Интертекстуально повесть А. Адамовича связана с произведением античной литературы — повестью Лонга «*Дафнис и Хлоя*», цитаты из которой предваряют четвертую и шестую главы «Последней пасторали». Эпиграфы в одном случае, при сходстве сюжетов, антитетичны содержанию глав, в другом — углубляют философский смысл повести, подчеркивают неотвратимость трагической развязки, предрекают ее («*Эпос о Гильгамеше*», «*Сатапатха-Брахмана*», «*Бхагават-гита*», «*Книга Иова*», «*Евангелие от Матфея*», «*Уолден, или Жизнь в лесу*» Генри Торо). В повести «Последняя пастораль» наиболее последовательно реализуется паратекстуальность как один из типов межтекстового взаимодействия.

Интертекстуальные стратегии текстопорождения реализуются в повести Вяч. Пьецуха «*Новая московская философия*». Ее сюжет в пародийном ключе ассоциируется с событиями романа Ф.М. Достоевского «*Преступление и наказание*». Уже в самом начале повести приводится реминисценция из «*Преступления и наказания*» — сцена гибели старухи-ростовщицы. События петербургского текста Достоевского и московского текста Пьецуха постоянно «рифмуются»: параллелизм образов старухи-ростовщицы и Александры Сергеевны Пумпянской, сцены поминок, сравнение героев двух текстов, появление в московской коммунальной квартире № 12 Петра Петровича Лужина,

принимающего участие в поминках Александры Сергеевны Пумпянской. На протяжении всего произведения автор акцентирует внимание на двух вариантах одной и той же истории — санкт-петербургском и московском. В повести Пьецуха жизнь коммунальной квартиры пародируется, раскрывается как абсурдная и в то же время «упорядоченная» в своем падении и шизофрении.

В постмодернизме интертекстуальные стратегии текстопорождения формируют картину мира, что проявляется и в прозе А. Королева. Рассмотрим в качестве примера повесть «Голова Гоголя», которую Г.Л. Нефагина называет коллажем, поскольку в ней «смешиваются эпохи, стили, реальные исторические лица и вымышленные, но в какой-то мере даже архетипичные герои» [8: с. 287]. Игровое начало в произведении выражается в том, что автор легко и непринужденно вплетает в повествование другие литературные тексты — Гоголя, Тургенева, Достоевского, Булгакова. «Ткань всего повествования пронизана цитатами, явными и скрытыми литературными намеками и реминисценциями, задающими тональность фрагментам» [8: с. 287].

В повести гоголевский текст коррелирует с остальными, но выполняет ведущую роль. Это не только подчеркивается названием, связанным с одной из легенд об авторе «Мертвых душ», но и проявляется в концептуальном плане, на что указывает и эпиграф к повести из Василия Розанова: «Гоголь отвинтил какой-то винт внутри русского корабля, после чего корабль стал весь разваливаться. Он “открыл кингстоны”, после чего началось неудержимое, медленное, год от году, потопление России. После Гоголя Крымская война уже не могла быть выиграна» [5: с. 7]. Слова эпиграфа подтверждаются событиями XX в., о которых речь идет в повести. Автор «Мертвых душ» представлен в повести как действующее лицо, ведущая тема и связанные с его творчеством интенции. Основные мотивы произведения также в большей или меньшей мере навеяны творчеством автора «Мертвых душ» — это мотивы сапог, носа, мертвеца, чёрта и чертовщины, оборотничества (перевоплощения). Несмотря на то что фантазмагория написана в форме коллажа, он мастерски выстроен, ни один его фрагмент не выпадает из общей картины, целостность которой обеспечивается мотивом головы, гоголевскими интенциями и образом чёрта в разных его воплощениях и разнообразных обозначениях.

Фантазмагория в гоголевском духе начинается с самого факта вскрытия могилы писателя, на котором присутствуют «уполномоченные» товарищи: один — «человек из органов власти, как бы комиссар над московскими кладбищами, а второй оказался каким-то литератором» [5: с. 14]. Оба они, каждый по-своему, «рифмуются» с покойником: фамилия «кладбищенского комиссара была самая что ни на есть гоголевская — Носов, а звали его точно так же, как и классика, только шиворот-навыворот — Василий Николаевич» [5: с. 15]. Литератор же по фамилии Лялин хотя и был «беллетристом самого скверного толка», зато сатириком. В изложении этих событий ощущается авторская

стилизация «под Гоголя», как и юмор в гоголевском духе. А. Королев обращается к «Мертвым душам», замечая, что сапоги — один из лейтмотивов произведения, и в качестве примера приводит цитату о том, как поручик любит сапогом и разглядывает «бойко и на диво *стачанный каблук*» [5: с. 20]. Королев вкладывает особый смысл в этот образ, выявляет гоголевскую мифологию. Характеризуя «онтологию гоголевского мироздания», автор замечает, что «сапог — дно человека — душа грешника, мертвая и падшая душа, которую примеривает Сатана на полных правах владельца. Стать сапогами чёрта — вот, по Гоголю, крайность отпадения от Бога» [5: с. 20]. В изображении чёрта, Сатаны «просвечивает» текст не только автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», но и Гете (на что указывают и реминисценции из него). В повести по-своему интерпретируются образы и сюжеты гоголевских произведений, приводятся реальные биографические факты из жизни писателя и воскрешаются мифы, связанные с ним. «Герои “Мертвых душ” действительно становятся мертвыми душами, попадая в списки приговоренных к расстрелу» [5: с. 292] в 1937 г. В тексте получает развитие также мотив живого мертвеца, актуальный и для Гоголя. Так, комиссар Носов при общении с «маской» на кладбище переживает «удивительную метаморфозу рождения»: Он «уже не был прежним “носовым”, зародышем человека» [5: с. 29], и испытывает озарение, осознав, что ему «не было суждено играть никакой роли в исторических событиях, потому что не дано было играть хоть какую-то роль в собственной судьбе» [5: с. 30].

В постмодернистском произведении автору удалось, ориентируясь на Гоголя, создать образ-символ реального мира, несущегося, подобно запущенному «дьявольскому шару», о котором речь идет в повести, к катастрофе. «Прозе Королева свойственны многие приемы постмодернистской поэтики (интертекстуальность, столкновение дискурсов, многовариантность его экспериментов), но при этом его творчество направлено на интерпретацию реальности, не только на деконструкцию текстов, но на их взаимопроверку...» [6: с. 161]. В отличие от двух рассмотренных выше произведений повесть А. Королева «Голова Гоголя» являет собой образец гипертекстуальности.

Анализ межтекстовых связей в современной русской прозе позволил выявить, с одной стороны, функцию интертекста как литературного приема, с другой — раскрыть специфические свойства интертекстуальности как основной стратегии текстопорождения в постмодернизме. Активное использование интертекста современными авторами свидетельствует об усиливающихся культурно-интеграционных процессах в художественном дискурсе. Значение концепции интертекстуальности, по словам И.И. Ильина, «выходит далеко за рамки чисто теоретического осмысления современного культурного процесса, поскольку она ответила на глубинный запрос мировой культуры XX столетия с его явной или неявной тягой к духовной интеграции. Приобретя необыкновенную популярность в мире искусства, она, как никакая другая категория, оказала влияние на саму художественную практику, на самосознание современного художника» [9: с. 221].

Библиографический список

Источники

1. *Адамович А.* Последняя пастораль // Новый мир. 1987. № 3. С. 3–60.
2. *Астафьев В.* В этой книге странно все // Сов. Россия. 1987. 19 июля. С. 4.
3. *Астафьев В.П.* Печальный детектив. Роман // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 417–537.
4. *Гийераг Г.* Португальские письма. М.: Наука, 1973. 288 с.
5. *Королев А.* Голова Гоголя. М.: XXI век – Согласие, 2000. 317 с.

Литература

6. *Климутина А.* Этика и онтология в романе А. Королева «Человек-язык». Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2006. С. 161–180.
7. *Косиков Г.К.* Текст / Интертекст / Интертекстология // Пьеге-Гро Натали. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 8–42.
8. *Нефагина Г.Л.* Русская проза конца XX века: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука. 2003. 320 с.

Справочные и информационные издания

9. *Ильин И.П., Цурганова Е.А.* Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: энциклопедич. справочник. М.: Интрада – ИНИОН, 1996. 319 с.

References

Istochniki

1. *Adamovich A.* Poslednyaya pastoral' // Novy'j mir. 1987. № 3. S. 3–60.
2. *Astaf'ev V.* V e'toj knige stranno vse' // Sov. Rossiya. 1987. 19 iyulya. S. 4.
3. *Astaf'ev V.P.* Pechal'ny'j detektiv: roman // Sobr. soch.: v 6 t. T. 1. M.: Molodaya gvardiya, 1991. S. 417–537.
4. *Gijerag G.* Portugal'skie pis'ma. M.: Nauka, 1973. 288 s.
5. *Korolev A.* Golova Gogolya. M.: XXI vek – Soglasie, 2000. 317 s.

Literatura

6. *Klimutina A.* E'tika i ontologiya v romane A. Korolyova «Chelovek-yazy'k». Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy', kul'turny'j dialog. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta, 2006. S. 161–180.
7. *Kosikov G.K.* Tekst / Intertekst / Intertekstologiya // P'ege-Gro Natali. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti / per. s fr., obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Izd-vo LKI, 2008. S. 8–42.
8. *Nefagina G.L.* Russkaya proza koncza XX veka: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka. 2003. 320 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. I'in I.P., Czurganova E.A. *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany' Zapadnoj Evropy' i SShA): koncepcii, shkoly', terminy': e'nciklopedich. spravochnik.* M.: Intrada – INION, 1996. 319 s.

A.I. Smirnova

**Intertextuality of Fiction Discourse as Realization
of Cultural-Integration Processes**

The article reveals the functional significance of intertextuality as a literary device, analyzes various types of texts' interrelations. The selection of works of Russian prose-writers was due to them belonging to different literary trends in contemporary literature. The analysis prompted identification of various forms of intertextuality: paratextuality (*Last Pastorale* by Adamovich), «co-presence» of several texts in one (*Sad Detective* by Astafyev, *Gogol's Head* by Korolyov).

Keywords: modern prose; intertextuality; dialogue; cultural integration processes.

УДК 821.133.1-4

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.02

О.В. Тимашева,
М.В. Тищенко

Эссеистика Шарля Пеги в свете прагматики текста

Статья посвящена рассмотрению прагматики текста литературно-художественного эссе. Анализируется сила воздействия текста на читателя, имеющего свое понимание, видение, осмысление, свой кругозор. Доказывается антропоцентризм и многозначность жанра эссе.

Ключевые слова: прагматика текста; читатель в социокультурной практике; типология читателя; силовое воздействие текста; нарративность.

Прагматически ориентированный дискурс художественной эссеистики имеет большую силу воздействия на читателя. Параметры такого типа дискурса, определяемого нами как научный, заданы еще и художественным началом. Сущность эссе, по М. Эпштейну, заключается в совмещении различных способов миропостижения. Взаимные переходы, переключения из образного ряда в понятийный, из понятийного — в бытовую являются характерной чертой эссе. Без них эссе распадется и может превратиться в обыденное философское рассуждение [9: с. 235]. Эссе присущ также особого свойства *антропоцентризм* (с точки зрения содержания), *нарративность* (с точки зрения формы), *многозначность* и *событийность* (с точки зрения мировосприятия). Наше рассуждение о тексте литературно-художественного эссе ставит целью раскрыть силу воздействия жанра на читателя, в частности показать общественный резонанс эссеистики Ш. Пеги, который создавал в конце XIX в. рассудочно-христианские, социально продуманные тексты.

Адресат литературно-художественного эссе — читатель с коммуникативным ресурсом сознания — играет важную роль в судьбе литературного произведения. Речь идет о репродуктивности (накоплении знаний), регулятивности (получении для себя сведений или инструкций) и критической самостоятельности мышления. Для освоения предполагаемой теории некоторого объекта необходимо разделить ее с теоретизирующим субъектом, зная его миропонимание (в пределах коррелятивности данной теории). От теоретизирующего сознания требуется способность мыслить в разных логиках. Однако не всегда читательская логика совпадает с авторской. Согласимся с мнением И.П. Хутыз, которое актуально и для текста в литературном дискурсе:

«Если дискурс ориентирован на читателя, то автор должен сделать все возможное, чтобы предвидеть вопросы читателя, пробелы в фоновой информации» [6: с. 64]. Важным считаем своеобразное предупреждение читателя о том, что чужое слово надо воспринимать без благоговейного приятия, это и будет, по мнению М.М. Бахтина, условием адекватной рецепции теоретического дискурса [2: с. 273].

Понимание текста (правильное интерпретирование) зависит от многих факторов, которые прежде назывались экстралингвистическими, а теперь чаще — прагматическими. Полагаем, что для понимания эссеистического текста читателю важны не только определенные научные знания, эстетическая чувствительность, владение языком искусства и литературы, но и способность воображать, дополнять, конкретизировать абстрактные образы, соединять разнородные части в единое целое, сопоставлять смысловые единицы.

Текст и только текст служит гарантом интерпретации. Итальянский семиотик У. Эко [8] был одним из первых, кто открыл перспективу для разговора об участии читателя в порождении текстуального смысла. Впоследствии, когда идею активно использовали другие исследователи, ученый заявил, что права интерпретации могут быть несколько гипертрофированными, а текст оказывается слишком открытым. Эту тенденцию он называет гиперинтерпретацией. Индивид не может прочесть текст так, как ему будет угодно, он всегда ограничен правилами чтения и интенцией текста. В случае с эссеистикой Ш. Пеги интенции аудитории и активных читателей совпадают с пределами текста.

Литературно-художественное эссе всегда направлено на читателя. Акт чтения — диалог, встреча опыта читателя с опытом автора литературного произведения. Для эссе, которое имеет научную направленность, важна «ориентация на читателя/автора», она «определяет, какая из сторон, т. е. читатель или автор, несет ответственность за понимание информации и адекватную интерпретацию идей» [6: с. 64]. Сегодня в литературоведении читающую аудиторию типологизируют следующим образом: 1) читатель рассматривается как инструмент понимания текста; 2) читательская активность объявляется идентичной по своей значимости тексту. Обладая лингвистической и литературной компетенцией, читатель выступает как носитель совокупности социально-культурных практик, обуславливающих процесс чтения. Аудиторию Ш. Пеги мы относим ко второму типу читателей печатного текста.

В свою очередь, французский литературовед Д. Кост [10] представляет иной подход к термину *читатель*. Для него это прежде всего *читатель эмпирический*, тот, на которого, как правило, обращают мало внимания. Он судит и воспринимает текст *по-своему* и потому неподвластен теоретическому программированию. Его полная противоположность — *идеальный читатель*, которого создают или автор, или критик, не учитывая его возможного реального воплощения в тексте. Наиболее перспективен в теоретическом отношении тип читателя *потенциального*, или *имплицитного*. Для него нужна со стороны автора повествовательная стратегия, а также совокупность условий,

обеспечивающих понимание литературного произведения. Имплицитный читатель, образно говоря, может жить в тексте, быть «нарисованным» или «сфотографированным» автором. С позиции Д. Коста, идеальный читатель Ш. Пеги создан автором и завоеван его критическими рассуждениями. Имплицитный читатель также представлен у писателя, совсем неслучайно растет его аудитория, он ее видит, слышит и, образно говоря, фотографирует.

Как публицист, Ш. Пеги начинал свой путь, печатая статьи в журналах *La revue socialiste* («Социалистический журнал», 1885–1914), *La Revue Blanche* («Белый журнал», 1889–1903), представлявших часто социалистические идеи в утопической форме, гораздо более с позиции христианских добродетелей, чем с позиции революционного действия. По мнению исследователей, специфика религиозного сознания личности заключается в интеграции и гармоничном объединении религиозного сознания с другими его формами. «Роль религии в сознании человека, сознательно верующего, огромна» [4: с. 136].

Когда Ш. Пеги основал журнал *Cahier de la Quinzaine* («Двухнедельные тетради», 1900–1914), в котором печатал *собственные тексты* (эссе), его гражданская позиция совсем не изменилась, но поле деятельности весьма расширилось. Писатель сумел, пусть на короткое время, сделать «Двухнедельные тетради» признанной общественной силой. С появлением нового источника распространения информации определилась и постепенно выросла читательская аудитория автора в основном за счет тех, к кому он обращал тексты-проповеди. Весьма подвижные, глубоко выстраданные и четко оформленные мысли Ш. Пеги захватили широкую аудиторию, которая неуклонно росла с первых выпусков номера. Сегодня к этому автору относятся с почтением люди разных мировоззрений и политических пристрастий. Президент общества друзей Ш. Пеги (Даниэль Ле Ге) написал книгу «Наследники Пеги» (1992), в которой, в частности, назвал наиболее любящих Ш. Пеги авторов нового времени: генерала де Голля, писавшего: «Aucun écrivain ne m'a autant marqué» («Ни один из писателей не имел на меня такого воздействия, как Шарль Пеги»¹) [11: с. 346], Пьера Манана, ученика известного философа и социолога Раймона Арона, считавшего, что «il y a dans Réguy de quoi dynamiter les actuelles sciences humaines» («В Пеги есть нечто взрывное для всех гуманитарных наук») [11: с. 215].

Встает вопрос о специфике эссе Ш. Пеги. Согласно концепции Д. Принса [12], есть *нарратор, соединяющий рассказчика и читателя*, именно он помогает определить тип повествования и тип рассказчика, соответствующий конкретному типу нарратора. Теория нарратора акцентирует внимание на *пространстве повествования*, интуитивно воспринимаемого читателем. *Участники дискурса* художественной публицистики Ш. Пеги — сам автор и широкая читательская аудитория, в которую входили социалисты и христиане, т. е. люди часто высокообразованные, как, например, будущий знаменитый

¹ Здесь и далее перевод наш. — О. Т., М. Т.

писатель Р. Роллан, опубликовавший свои произведения («Героические жизни», «Театр революции», «Жан-Кристоф») в «Двухнедельных тетрадах»; грамотные и не очень, рядовые граждане, жители Орлеана и Парижа, а также других городов Франции, куда еще доставляли этот журнал.

В период создания эссеистики Ш. Пеги обсуждался исторически важный и существенный для значительной части французов вопрос об отделении церкви от государства; не оставались без внимания граждан речи политиков; жаркие споры порождала парламентская борьба мнений, дело А. Дрейфуса. «L'affaire Dreyfus aura été le dernier sursaut, le soubresaut suprême de cet héroïsme et de cette mystique, le dernier effort, d'héroïsme» [1: p. 13]. («Дело Дрейфуса стало последним рывком, высшим усилием героизма и мистики, самым героическим рывком» (цит. по: [5: с. 35])). Когда в прессе освещались важные события общественной жизни, Ш. Пеги выступал с собственным мнением, которого всегда ждали. Характеризуя современный мир, он прибегал к коротким, нераспространенным предложениям:

«Le gouvernement fait des élections, les élections font le gouvernement. C'est un prêté rendu. Le gouvernement fait les électeurs. Les électeurs font le gouvernement. Le gouvernement fait les députés. Les députés font le gouvernement. On est gentil. Les populations regardent. Le pays est prié de payer. Le gouvernement fait la Chambre. La Chambre fait le gouvernement» [1: p. 102] («Правительство влияет на выборы. Избиратели влияют на правительство. Правительство влияет на депутатов. Депутаты влияют на правительство. Население наблюдает. Страну просят заплатить. Правительство влияет на Палату. Палата влияет на правительство» (цит. по: [5: с. 40])).

Так Ш. Пеги видит политиканство и современный мир. Форму изыскательной проповеди приобретают размышления писателя о вопросах образования, деградация которого заботит его. Об упадке образовательной системы он пишет следующее: «Nos bons maitres à l'école primaire nous disaient sensiblement: jusqu'au premier Janvier 1789 notre pauvre France était un abime de ténèbres et d'ignorance, de misères les plus effrayantes, des barbaries les plus grossières, et vous ne pouvez même pas vous en faire une idée; le premier Janvier 1789 on installa partout la lumière électrique» [1: p. 275]. («Наши славные школьные учителя с чувством говорили нам: до первого января 1789 года наша бедная Франция была средоточием темноты и невежества, самых ужасающих бедствий, грубейшего варварства, вы даже и представить себе не можете этого; а первого января 1789 года всюду зажегся электрический свет» (цит. по: [5: с. 43])).

Исторические перемены, подразумевающие изменение общества и его коммуникативных форм, порождают новые языковые поведенческие схемы и новые возможности их поэтического воплощения. Они подлежат толкованию с помощью текстовой прагматики не раз и навсегда, а в соответствии с их историческим местом. Многообразие возможных повествовательных приемов сводится к одному единственному, из которого можно вывести все прочие. За повествователем (включая эссеиста) закрепляется совершенно

определенный прототип рассказчика историй. Вот его портрет, с позиции немецкого литературоведа-романиста К. Штирле: «...писатель не слишком молод, он не стоит, а сидит, может быть, потягивая трубочку. Движения его медленны, выражение лица задумчиво. Факт рассказывания не определяет речевую ситуацию, скорее она определяет рассказывание (тип наррации)» [7: с. 67].

Для эссеистики очень важен именно контекст исторического времени и люди в нем, меняющие убеждения по мере вбрасывания в повествовательное пространство новых лозунгов, призывов, новых толкований старых догм. Думается, что к творчеству Ш. Пеги относится следующее высказывание: «Дискурсивная личность уже в процессе порождения сообщения имеет четкий образ своего конкретного или социального адресата и может оставаться коммуникативной даже после своей смерти при условии, что созданный ею дискурс остается социально значимым» [3: с. 270]. Круг почитателей этого автора невероятно обширен. Его произведения продолжают исследовать и изучать, они находят отклик в душах и умах большой мыслящей аудитории, разнообразной по возрасту и образованию, но неизменной в интересе к происходящему на его родине.

При рассмотрении эссеистики Ш. Пеги в свете прагматики текста мы выявили, что для литературно-художественного эссе автора характерно *постепенное наложение тем или проникновение одной темы в другую*, что требует от читателя большого терпения, внимания и интереса к материалу. Ш. Пеги часто увлекается какими-либо возникшими по ассоциации предметами настолько, что посвящает новой теме десятки страниц. Его эссе не организовано ни внешними, ни внутренними правилами. Он стремится высказаться как можно более полно.

Его эссе можно сравнить с *публицистическими высказываниями*, содержание которых заключается в богословском и философском осмыслении реальности. В них раскрывается литературная тема, которая дополняет и уточняет основную мировоззренческую линию, подтверждает примерами основные идеи, но и эта литературная тема может вдруг стать главной, поскольку автор всегда очень увлекается тем, что заботит его в течение монолога: будь то диалектика милости и права в общественно-историческом процессе, дело Дрейфуса, философские системы Декарта и Бергсона, военная угроза Франции со стороны Германии, современное священство католической церкви или образы поэтов и драматургов. Анализ силы воздействия писателя на читателя осуществляется благодаря диалогу. Высказывание Ш. Пеги всегда диалогично, в нем часто заключается риторический вопрос, краткий или объемный. Ответ на него может начаться с обращения к Богу, Божией Матери, святым Церкви и далее по нисходящей — соратникам, противникам и просто читателям.

Библиографический список**Источники**

1. *Péguy Ch.* Oeuvres en prose 1898–1908. Paris: Pleyade, Gallimard, 1959. 1529 p.

Литература

2. *Бахтин М.М.* Человек в мире слова. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. *Викулова Л.Г.* Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминанция, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство // Древняя и новая Романия. 2016. Вып. 17. С. 266–278.
4. *Дубнякова О.А., Кашина Т.А.* Концепт foï в христианской лингвокультуре // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрябиной с междунар. участием (Москва, 16–18 сент. 2015 г.). М.: МГПУ; Языки Народов Мира; Тезаурус. 2015. С. 134–140.
5. *Тайманова Т.С.* Шарль Пегу: философия истории и литературы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 232 с.
6. *Хутыз И.П.* Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3 (23). С. 86–93.
7. *Штирле К.* История как exemplum – exemplum как история: К вопросу о прагматике и поэтике повествовательных текстов // Немецкое философское литературоведение наших дней. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 61–95.
8. *Эко У.* Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академический проект, 2004. 384 с.
9. *Эпштейн М.Н.* Все эссе: в 2 т. Т. 1. В России (1970–1980-е). Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 544 с.
10. *Coste D.* Trois conceptions du lecteur et leur contribution à une théorie du texte littéraire. Paris: Poétique, 1980. № 43. P. 345–372.
11. Les héritiers Péguy. Alain Finkielkraut, Edwy Plenel, Yann Moix, Jacques Julliard, François Bayrou... Montroque: Bayard, 2014. 356 p.
12. *Prince G.* Narratology: The Form and Functioning of Narrative. The Hague, 1973. P. 377–381.

Интернет-ресурсы

13. Charles Péguy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.charlespeguy.fr/> (дата обращения: 25.09.2018).

References**Istochniki**

1. *Péguy Ch.* Oeuvres en prose 1898–1908. Paris: Pleyade, Gallimard, 1959. 1529 p.

Literatura

2. *Baxtin M.M.* Chelovek v mire slova. M.: Iskusstvo. 1979. 423 s.
3. *Vikulova L.G.* Francuzskij literator XVII veka: e'nciklopedicheskaya dominaciya. lingvisticheskaya kompetenciya, kommunikativnoe liderstvo // Drevnyaya i novaya Romaniya. 2016. Vy'p. 17. S. 266–278.

4. *Dubnyakova O.A., Kashina T.A.* Koncept *foi* v xristianskoj lingvokul'ture // Chelovek. Yazyk. Vremya: materialy' XVII konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj s mezhdunar. uchastiem (Moskva, 16–18 sent. 2015 g.). M.: MGPU; Yazyki Narodov Mira; Tezaurus. 2015. S. 134–140.
5. *Tajmanova T.S.* Sharl' Pegi: filosofiya istorii i literatury'. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2006. 232 s.
6. *Xuty'z I.P.* Lingvokul'turny'e tradicii v prostranstve akademicheskogo diskursa: osobennosti konstruirovaniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoje obrazovanie». 2016. № 3 (23). S. 86–93.
7. *Shtirle K.* Istoriya kak exemplum – exemplum kak istoriya: K voprosu o pragmatike i poe'tike povestvovatel'ny'x tekstov // Nemeckoe filosofskoe literaturovedenie nashix dnei. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2001. S. 61–95.
8. *E'ko U.* Otkry'toe proizvedenie: forma i neopredelennost' v sovremennoj poe'tike. SPb.: Akademicheskij proekt, 2004. 384 s.
9. *E'pshtejn M.N.* Vse esse: v 2 t. T. 1. V Rossii (1970–1980-e). Ekaterinburg: U-Faktoria, 2005. 544 s.
10. *Coste D.* Trois conceptions du lecteur et leur contribution à une theorie du texte litteraire. Paris: Poetique, 1980. № 43. P. 345–372.
11. Les héritiers Péguy. Alain Finkielkraut, Edwy Plenel, Yann Moix, Jacques Julliard, François Bayrou... Montroque: Bayard, 2014. 356 p.
12. *Prince G.* Narratology: The Form and Functioning of Narrative. The Hague, 1973. P. 377–381.

Internet-resursy'

13. Charles Péguy [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.charlespeguy.fr/> (data obrashheniya: 25.09.2018).

*O.V. Timasheva,
M.V. Tishchenko*

Sh. Pegi's Essays in the Light of Text Pragmatics

The article considers text pragmatics of a literary essay. It analyzes the «force impact» on the reader, who refers to his personal understanding, vision, reflection, his scope. Anthropocentrism and polysemy of the essay genre are being also proved.

Keywords: text pragmatics; reader in sociocultural practice; typology of the reader; force influence of the text; narrativity.

УДК 821.161.1-3

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.03

**Н.З. Кольцова,
Ю.Ю. Шестакова**

«Неслучайный метр» в прозе В. Казакевича (на примере книги «За мной придет единорог»)

В статье анализируется роль стихового компонента в повествовательной организации книги. Устанавливается связь между музыкальным и стиховым началом, а также между метрикой и тематикой размера: метр, ассоциативно заряженный в ходе литературно-исторического бытования, входит в текст как готовая смысловая единица. Подтверждается, что вторжение метрических звеньев в прозаический строй текста носит не случайный, а вполне обоснованный характер.

Ключевые слова: метр; ритм; музыкальное начало; стиховой компонент; «проза поэта».

Выпускник филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В. Казакевич является автором многочисленных стихотворных сборников («Праздник в провинции», «Ползи, улитка!», «Сердце-корабль. Избранные стихотворения» и др.), а также повестей и рассказов («Охота на майских жуков», «Наедине с тобой, брат»). Книга В. Казакевича «За мной придет единорог» совместила в себе обе художественные практики автора. Обращение к поэтическому инструментарию не ведет к отказу от эпической формы, но предполагает их органичное слияние. Тотальная лиризация прозаического текста во многом обусловлена прихотливым синтаксическим орнаментом, акустическими эффектами (образ звучащего мира занимает важнейшее место в поэтической системе Казакевича), развернутой системой метафор, отчетливым ритмическим рисунком и, не в последнюю очередь, особым синестетическим мировосприятием художника, предельно зоркого к деталям повседневности, стремящегося не столько отразить достоверную действительность, сколько преобразить ее сквозь призму персонального «калейдоскопа». Последовательно обустривая свой художественный мир, Казакевич создает автобиографический миф, в котором текущая реальность служит лишь фоном, канвой для затейливого радужного узора (так, мифогенную природу текста маркирует само название произведения). Способность видеть мир в нерассторжимости макро- и микроэлементов порождает особую повествовательную организацию текста: звенья причинно-следственной связи распадаются, оставляя место ассоциативным импульсам, интуитивным посылам, которые

сопровождаются своеобразной музыкальной аранжировкой, воздействующей на читателя.

Перманентный изоморфизм поэтических и прозаических структур в контексте творческой системы В. Казакевича — поэта и прозаика — обуславливает неповторимую мелодику речевого строя повести. Осуществить синтез двух форм языкового выражения автору удается не только за счет использования стиховых и стихотворных компонентов, но и за счет музыкальных приемов. Поэтому к творчеству В. Казакевича в равной степени применимы такие определения, как «проза поэта», «орнаментальный стиль», которые в полной мере отражают различные грани его художественного мира. Однако не менее актуальным в контексте исследования творчества писателя является и феномен ритмизованной прозы.

Несмотря на то что в современном литературоведении представлено это понятие, до сегодняшнего дня критерии отнесения того или иного произведения к данной категории остаются размытыми. Если в музыке ритм фиксируется с помощью различной длительности нот, то в прозаическом тексте подобного общепризнанного способа не наблюдается, иными словами, устойчивая единица, которую можно было бы взять за основу организации ритмического рисунка, отсутствует: «Ритмический строй прозы, даже ее композиция обычно рассредоточены на таком широком пространстве, что, улавливая их “шестым чувством” (курсив автора цитаты. — Е. Э.), мы редко отдаем себе в них отчет. Удивительно ли, что насчет прозы до сих пор нет четко установленной научной методологии и даже — терминологии? Исследователи, например, только-только подходят к установлению понятия ритма в прозе — известно, что он существует, но неизвестно, что он собой представляет» [10: с. 87].

Поясняя взаимосвязь между шестым чувством и ритмической организацией прозы, М. Гаспаров не только отмечает прямую зависимость смысла от ритма, но и «избирательную связь» между метрикой и тематикой размера: «Есть немало работ на тему “ритм и смысл” — о выразительном значении ритма такой-то строки стихотворения на фоне ритма предшествующих строк. Но не меньше прав на существование имеет и тема “метр и смысл” — о содержательном значении обращения к такому-то метру на фоне всех предшествующих обращений к этому метру в данной поэзии» [4: с. 365]. Исследователь отмечает, что используя конкретный метр (в его работе это трехстопный хорей), писатель как бы невольно вовлекает в произведение определенный круг смысловых связей, как бы навязанных метру в процессе его исторического и культурного бытования. Таким образом, через метр в произведение входит уже готовая смысловая единица. Пример подобного ассоциативно заряженного метра можно встретить и в повести В. Казакевича «За мной придет единорог»:

Зеленобокие дети быков (3-стопный дактиль с пиррихией на первой стопе¹),
то бишь бычки (2-стопный дактиль),
лежали внизу [1: с. 71] (2-стопный амфибрахий).

¹ Здесь и далее примечания наши. — Н. К., Ю. Ш.

Пятистопный дактиль в данном случае не только способствует вертикальному прочтению прозаического текста, но и, воздействуя на подсознание читателя, вызывает особые культурологические ассоциации. Данное метрическое звено сближается с пентаметром (пер. «пятимерный») — античным размером, — использовавшимся наряду с гекзаметром в поэмах Гомера во избежание монотонии. Как можно заметить, метрическая схема пентаметра с цезурой посередине (_ уу _ уу _ // _ уу _ уу _) довольно точно накладывается на ритмический рисунок данной фразы. Образное и стилистическое соответствие подкрепляется упоминанием быка (Зевс) и сложным прилагательным в начале ритмической конструкции (ср.: *Зеленобокие дети быков — розовоперстая Эос*). С первых страниц повести возникает апелляция к античному эпосу: так, герой воображает, что находится внутри троянского коня, «куда с самыми кровожадными намерениями набились греки» [1: с. 9]. Внутренний метроном повествования напрямую коррелирует с содержательной компонентой и даже зависит от нее. Следовательно, появление метрических звеньев в данном эпизоде носит отнюдь не случайный характер. Также в данном примере встречается прием остранения («зеленобокие дети быков»), который *дает* возможность описать вещь, «как в первый раз виденную, а случай — как в первый раз произошедший» [3: с. 63]. При этом автор тут же «вскрывает» его, позволяя читателю непосредственно пережить «деланье вещи» [Там же].

Как подчеркивает С.И. Кормилов, метризованная проза, отсутствуя на карте современной литературы, начиная с 40-х гг. XX в. уходит в имплицитное бытование: «...после смерти Белого (1934) и самоубийства Л.И. Добычина метризованная проза совершенно исчезает из советской литературы (до рубежа 1950–1960-х гг.) и лишь изредка встречается в эмигрантской» [7: с. 110].

Следует отметить, что ритмическая и метрическая проза — явления родственные, но далеко не тождественные: последняя не только встречается гораздо реже, но и выглядит более искусственной, нарочитой, «сделанной» — каковой, собственно, и является — метрическая речь не может не осознаваться самим создателем текста как исходный момент повествования, к тому же метр задан как постоянная единица измерения, тогда как ритм в прозе — величина переменная. Кроме того, ритмический рисунок того или иного периода прозаической речи (будь то фраза или абзац, уподобляющийся в данном случае стихотворной строфе) — иногда наиболее явственно осязаемое проявление музыкальной фактуры текста — одновременно оказывается и наиболее труднодоказуемым элементом художественной структуры: действительно, для выявления ритма необходимо прежде всего установить единицу измерения текста, а в прозе, как известно, движение фразы (в музыкальном понимании слова) осуществляется прежде всего за счет смыслового (а не слогового) ударения. За слуховое (музыкальное) восприятие ритма в прозе отвечают и синтаксический рисунок фразы, и повторяющаяся звукопись, и другие уровни поэтики, освоенные прежде всего поэзией, — анафоры, эпифоры и пр.: «...ритмическая проза... возникает на основе “синтаксического” ритма, который создается крупными единицами, повторами и параллелизмами» [6: с. 33–42].

Тем не менее даже в произведениях, предназначенных для восприятия на слух, понять логику движения предложения или группы предложений, выявить ударяемое слово подчас представляется затруднительным, поскольку читатель не может достоверно реконструировать авторскую интонацию. Каким же образом передать ему идею восприятия прозаического текста как ритмически организованного единства и даже некой музыкальной формы? Можно предположить, что одной из таких подсказок может выступать спонтанно возникающий метр, который при всей своей искусственности (а точнее, именно благодаря ей) оказывается своеобразным знаком, сигнализирующим о наличии в тексте музыкальной компоненты и призывающим воспринимать язык автора как речь, или речевой поток:

«Телега ползла, как последний урок» [1: с. 31], — в данном случае четырехстопный амфибрахий создает иллюзию неторопливого, замедленного движения. Подобная ритмическая прелюдия предваряет собой описание качки телеги над обрывом, что вполне соответствует восходяще-нисходящему интонационному звучанию данного метра. Неожиданность данной ассоциации, подчеркнутая смысловым диссонансом сравнения, является маркером детского мировосприятия.

Вторгаясь в текст, метр не просто выпрямляет, примитивизирует уже существующий ритм, но делает его ощутимым, привлекая к нему внимание читателя — и выступает таким образом не столько в роли метронома или сетки, поверх которой наложен ритмический рисунок, сколько в роли подсказки или способа обнажения приема:

Лес отличался от поля (трехстопный дактиль),
как море от суши (двустопный амфибрахий) [1: с. 117].

Помимо вертикального ритма, характерного, скорее, для поэтического произведения, метр акцентирует ритм, а также выделяет сквозной для повести лейтмотив морской стихии, которая является маркером состояния тревоги и нестабильности в книге В. Казакевича «За мной придет единорог». В данном случае метрическая цепочка сюжетно предваряет встречу с волком.

Возникающий метр в прозе призывает читателя перенастроить свой слух с восприятия горизонтального ритма на вертикальный, возвращает прозаической речи то качество, которое еще со времен реформы В.К. Третьяковского, кажется, утратила русская поэтическая просодия, — протяженность звучания (разумеется, в данном случае не слога, но слова или даже группы слов). Чередование сильных и слабых слогов в метре, задавая определенный шаг, актуализирует количественное, темпоральное восприятие слова как более длинного (включающего в себя большее количество слогов) или более короткого (одно- или двухсложного). Можно предположить, таким образом, что случайное вторжение метра в прозу опытного художника слова оказывается далеко не случайным, и если для начинающего писателя метр является неким откровением, о котором тот настойчиво напоминает читателю на протяжении

значительного фрагмента текста (или даже на протяжении всего текста, как это делает М. Горький в поэме «Человек»), то для настоящего мастера, наделенного к тому же поэтическим слухом (такого, как Сологуб, Белый, Набоков и др.), метризация прозы — отнюдь не самоцель, но один из способов настройки слуха читателя (как уже было отмечено, в подобной функции могут выступать и другие элементы поэтики текста — звукопись, рифма и даже лейтмотивы, которые, проходя сквозь повествовательную ткань, не только соединяют разрозненные, казалось бы, элементы в единое полотно, но и членят, разделяют его на ощутимые фрагменты; однако именно вторжение метра в прозаический текст привлекает внимание к его музыкальной фактуре).

Не случайно Набоков часто выводит прозаическое повествование из метра (как это происходит в рассказе «Озеро. Облако. Башня», названием которого не столько прочерчен смысловый или образный вектор восприятия рассказа, сколько задан неспешный дактилический ритм, с которым контрастирует чудовищная история, развернувшаяся на фоне идиллии) или, напротив, уводит повествование в регулярный размер. Так, роман «Дар» не столько обрывается на полуслове, сколько возвращается к началу начал всей русской поэзии и музыке русской речи как таковой — к онегинской строфе:

Прощай же, книга! Для видений — отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, — но удаляется поэт. И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дать замереть... судьба сама еще звенит, — и для ума внимательного нет границы — там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, — и не кончается строка [2: с. 606].

Е. Замятин рассуждал о недопустимости метра в прозе, но в то же время уделял внимание слоговому восприятию слова и фразы. Его мысли об анапестической или дактилической прозе призваны в конечном счете привлечь внимание к категориям замедления/ускорения прозаической речи (и здесь она оказывается ближе непосредственно к музыке, чем к поэзии, в которой, как известно, долгота акцентированного звука (слога) — факультативный признак, не выраженный настолько явно, чтобы брать критерий протяженности за основу ритмической организации текста. Разумеется, в прозе с понятием длительности актуализируются и представления о громкости — и читатель безошибочно определяет восходящую и нисходящую интонации ритмически маркированного фрагмента. Выписывая ускорение или замедление текста, автор, подобно композитору, мыслит такими категориями, как «крещендо» и «диминуэндо». Для Замятина выделение «трехсложниковой» или «двухсложниковой» прозы есть не возвращение к вертикальному ритму (метр, по Замятину, недопустим), а не более чем способ анализа (деления, членения) того музыкального потока, коим проза и является по замыслу художника. По Замятину, ритм в прозе обеспечивается чередованием длинных и коротких слов, которые к тому же произносятся с разной скоростью в зависимости от того, на какой слог приходится ударение: так, дактиль, с точки зрения писателя, оказывается более медленным размером, чем анапест [5: с. 559]. Можно, разумеется,

возразить, что некоторые слова, объединяясь с другими, могут выступать в роли безударных единиц прозаического текста, однако сама мысль писателя о долготе звучания слова представляется важной.

Выдвигая категории времени звучания слова, слога или группы слов в сильную позицию в прозе, Замятин выступает в роли наследника Белого, своими «Симфониями» доказавшего, что проза может обращаться к музыке, минуя поэзию и используя музыкальную технику на иных основаниях. Эксперимент Белого важен не только с точки зрения становления орнаментальной прозы, но и в контексте обогащения представлений о музыкальном потенциале прозаического текста, в котором ритм может создаваться чередованием различных элементов поэтики — звукописи, тональности, средств художественной выразительности, и что очень важно — темпа. Е. Замятин полагает, что ритм прозы обеспечивается чередованием медленных и быстрых, длинных и коротких фрагментов. И лукавое, на первый взгляд, понятие темпоритма по отношению к прозе оказывается более важным и точным, чем попытки разграничения категорий «темп» и «ритм». В известном смысле, заданные писателем (а не привнесенные в текст читателем) замедления и ускорения обнаруживают родство с таким явлением, как выписанное ускорение (замедление) в музыкальном произведении (которое не следует путать с *рубато* — указанием исполнителю, что темп необходимо ускорить или замедлить). И если обнаружить подобное выписанное ускорение в музыке может даже неподготовленный слушатель, то Замятину, выступающему в данном случае в роли теоретика литературы, необходимо использовать определенный инструментарий, в качестве которого и выступает выработанная стиховедением терминология. Иными словами, стихотворные размеры, которые упоминаются в разговоре о прозе, — аналогия в той же степени, что и музыкальные термины (такие, допустим, как «такт»). Более того, как уже было отмечено, некие периоды прозаического текста удобнее было бы сравнивать с музыкальной фразой, а не со строфой и тем более не со стихом. Так, выделение колонов (*греч.* *kolon* — часть, элемент) на основе смысловой оформленности высказывания и сопоставление колона с синтагмой — одно из наиболее уязвимых мест науки о ритмической прозе.

Особый ритмико-интонационный строй прозы Казакевича заставляет читателя напряженно вслушиваться в акустическую фактуру повествования. И обусловлено это не только особенностями звуковой аранжировки событий (звуки быта, природы, детское пение), но и стиховой организацией текста.

В самом начале повести В. Казакевича возникает явление так называемого случайного метра [8: с. 90], под которым литературоведы подразумевают неосознанное введение метрических рядов. Тем не менее смена ритмов, чередование метра с чистой прозой несет на себе определенную смысловую нагрузку. В первую очередь на формальном уровне это обуславливает отрывочность, дробность описания (действительно, транспорт «подпрыгивает, брэнчит»):

Стоило съехать с шоссе (2-стопный дактиль);
как в заднем окошке машины (3-стопный амфибрахий);
песчаная буря самум [1: с. 9] (3-стопный амфибрахий с усеченным окончанием).

Введение метрических звеньев позволяет сформировать вертикальный ритм прочтения прозаического текста. Кроме того, подобным образом маркируется эмоционально окрашенный эпизод жизни героя (поездка в деревню), и физическая тряска коррелирует с его внутренним смятением. По мнению С. Кормилова, «метризованная проза так или иначе остраивает текст, ведь это гораздо более редкая форма, чем обычная проза и обычный стих. Она может драматизировать речь или придавать ей дополнительную лиричность, во многих же случаях условно архаизирует ее» [7: с. 89]. Последнее утверждение подкрепляется фактом архаичности самой формы стиха, который, несомненно, является более древним порождением, чем проза. Исследователь выявляет прямую зависимость эмоционального и стилистического планов произведения от такого, казалось бы, формального критерия, как метризация.

Действительно, на что бы ни были направлены ритмизация и метризация того или иного отрывка, основной их целью является намерение выделить и зафиксировать какое-либо впечатление, очертить вторичный эмотивный контур явления взамен первичного, вещественного: «Как бы посередине между обычной прозой и стихом стоит так называемая *ритмическая проза*, появляющаяся обычно в наиболее эмоциональных частях текста: поэтических описаниях природы, лирических отступлениях и т. п.» [9: с. 208]:

К окслизкому берегу лезла
Остро отточенная осока [1: с. 167].

Особенности звуковой корреспонденции, наряду с метрическими звеньями (3-стопный амфибрахий в первой строке), передают сенсорно заостренное восприятие мальчика, слух которого способен с точностью регистрировать разнородные звуки — от звука произрастающей осоки до пестрого многоголосия болотных обитателей. Кроме того, посредством звукописи и особенностей метрики маркируется переход к описательной части, в которой, словно под увеличительным стеклом, разрастается до макроуровня кишачая разнообразием болотная фауна: «...акваторию бычка патрулировали комары и размашистые хищные стрекозы... сновали целые флотилии тонконогих пауков... горячо митинговали лягушки» [1: с. 71]. Особенности авторской оптики позволяют не только заглянуть за грань видимого, но и показать явления микромира через своеобразный «эмотивный микроскоп», представить его как модель вселенной, в которую погружается мальчик: «Ослепнув от ужаса (2-стопный амфибрахий), захлебнувшись противной теплой водой, проглотив несметное количество личинок лягушечьей икры... замолотил руками и ногами по воде... я поплыл! Все-таки я состоял из воды!» [1: с. 72–73]. Так, еще одной неотъемлемой частью личности героя является его гармоничное мировосприятие, осознание самого себя как части природного мира.

Метризация, являясь важнейшим маркером «прозы поэта», не только обуславливает ее внешнюю упорядоченность, но и придает ей особое звучание. Причем метрически организованный текст, встречаясь в произведениях Казакевича в виде фрагментов, позволяет выделить и наполнить особым звучанием тот или иной прозаический отрывок. Например, в приведенном далее эпизоде чередование пеонов в купе с краткими парцеллятами воссоздает иллюзию бега мальчика, напуганного встречей с волком. Дополнительными атрибутами являются цветовые характеристики, вызывающие ассоциации с кровью и предстающие сенсорно заостренными в смятенном сознании героя:

Вместо огненно-алых-шаров... [1: с. 101] (3-стопный анапест выделен яркой цветописью).

Пни в солнцеподтеках (2-стопный пеон первый),
медно-красные стволы [1: с. 119] (2-стопный пеон третий).

Метрические цепочки подчеркивают внутреннее состояние мальчика и остальных героев повести:

Сердце мое защемило [1: с. 119] (3-стопный амфибрахий).

Тьма полоснула меня по глазам [1: с. 130] (4-стопный дактиль).

Наполняя восторгом сердца... [1: с. 141] (3-стопный анапест).

Четырехстопный пеон второй отмечает переход к чувственным переживаниям мальчика, связанным с образом девочки Ти, подкидывающей подол своего платья:

Слепящей белизной, будто обрывом киноплёнки... [1: с. 126]

Метрические звенья, частично разрушая горизонтальную проекцию текста, создают вертикальный ритм прочтения и передают впечатление мальчика от встречи с деревянным остовом безрукого ангела, расположенного на штыре колонны:

Будто заброшенным тоннелем... [1: с. 130] (пеон четвертый);

Колонну окружали ямы (4-стопный ямб)

и дыры разной глубины [1: с. 142] (4-стопный ямб).

Таким образом, тонко сочетая языковую игру со звуковой корреспонденцией и ритмической организацией текста, Казакевич создает свой особый художественный мир, очертания которого колеблются на грани реального и воображаемого. Экспансия причудливого вымысла постепенно преобразует контуры распадающейся реальности, обнажая глубинные смыслы обыденного бытия и тем самым оправдывая его существование. Особенная зоркость и пронизательность автора, глядящего на мир «широко раскрытыми глазами» [1: с. 251], позволяют создать предельно емкую, синтетическую картину мира, все элементы которого ассоциативно сопряжены между собой. На формальном уровне это единство выражается с помощью ритмической организации текста и метрических цепочек, вкрапление которых в те или иные эпизоды носит отнюдь не случайный, а весьма закономерный характер.

Библиографический список*Источники*

1. *Казакевич В.С.* За мной придет единокор. М.: Изд-во Н. Филимонова, 2016. 256 с.
2. *Набоков В.В.* Дар. Машенька: романы. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 608 с.
3. *Шкловский В.Б.* Искусство как прием // Гамбургский счет. М.: Сов. писатель, 1990. С. 58–72.

Литература

4. *Гаспаров Б.Л.* Метр и смысл // К семантике русского трехстопного хоря. Сер. литературы и языка: в 35 т. № 4. Т. 35. М.: Наука, 1976. С. 357–366.
5. *Замятин Е.И.* О ритме в прозе. Трудное мастерство // Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Республика, 2011. 560 с.
6. *Кожевникова Н.С.* Ритм и синтаксис прозы А. Белого // Язык и композиция художественного текста: межвуз. сб. науч. тр. М.: МГПИ, 1984. С. 33–42.
7. *Кормилов С.И.* Метризованная проза. Маргинальные системы русского стихосложения. М.: МГУ, 1995. 159 с.
8. *Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. 685 с.
9. *Холшевников В.Е.* Основы стиховедения: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2002. 208 с.
10. *Эткинд Е.Г.* Материя стиха. СПб.: Гуманитарный союз, 1998. 506 с.

References*Istochniki*

1. *Kazakevich V.S.* Za mnoj pride't edinorog. M.: Izd-vo N. Filimonova, 2016. 256 s.
2. *Nabokov V.V.* Dar. Mashen'ka: romany'. M.: E'ksmo-Press, 2000. 608 s.
3. *Shklovskij V.B.* Iskusstvo kak priem // Gamburgskij sche't. M.: Sov. pisatel', 1990. S. 58–72.

Literatura

4. *Gasparov B.L.* Metr i smy'sl // K semantike russkogo trexstopnogo xoreya. Ser. literatury' i yazy'ka: v 35 t. № 4. T. 35. M.: Nauka, 1976. S. 357–366.
5. *Zamyatin E.I* O ritme v proze. Trudnoe masterstvo // Sobr. soch.: v 5 t. T. 5. M.: Respublika, 2011. 560 s.
6. *Kozhevnikova N.S.* Ritm i sintaksis prozy' A. Belogo // Yazy'k i kompoziciya xudozhestvennogo teksta: mezhvuz. sb. nauch. tr. M.: MGPI, 1984. S. 33–42.
7. *Kormilov S.I.* Metrizovannaya proza. Marginal'ny'e sistemy' russkogo stixoslozheniya. M.: MGU, 1995. 159 s.
8. *Orliczkij Y.B.* Stix i proza v russkoj literature. M.: RGGU, 2002. 685 s.
9. *Xolshevnikov V.E.* Osnovy' stixovedeniya: ucheb. posobie. SPb.: SPbGU; M.: Akademiya, 2002. 208 s.
10. *E'tkind E.G.* Materiya stixa. SPb.: Gumanitarny'j soyuz, 1998. 506 s.

*N.Z. Koltsova,
Y.Y. Shestakova*

**Nonrandom Meter in V. Kazakevich' Prose on the Example
of «Unicorn will Come for Me»**

The article focuses on the role of rhyme component in the narrative structure in V. Kazakevich's «Unicorn will come for me». The correlation between musical and rhyme origins is revealed. There is also a connection revealed between meter's pace and theme: the meter, associatively «charged» due to literary and social background, is included into the text as a completed semantic unit. The study also emphasizes that invasion of meter links into the prose context is not occasional but of a completely well-grounded nature.

Keywords: meter; rhythm; musical origin; rhyme component; «poet's prose».

УДК 821.161.1-94

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.04

Э.Я. Фесенко

«Берлинский дневник» Марии Васильчиковой

В статье рассматривается специфика дневникового жанра, выполняющего функцию исторического документа. Помимо биографических сведений о Марии Васильчиковой, наследницы аристократического рода, оказавшегося за пределами России, представлен анализ ее «Берлинского дневника» с богатой фактографией, композиционно выполненного по принципу «течение времени». Наиболее значительным эпизодом в дневнике стали события, связанные с антигитлеровским заговором.

Ключевые слова: дневник; «история-память»; женский автодокумент; исторический документ.

Согласно французской школе «Анналов» существует «четыре основных типа истории: *общая история, история-память, экспериментальная история и история-вымысел*» [2: с. 215–216]. Дневник Марии Илларионовны Васильчиковой (1917–1978) относится к типу «истории-памяти», так как он сохраняет не зафиксированную в официальных текстах «невидимую историю», рассказанную его автором — свидетелем и участником берлинских событий 1944 г.

В системе иерархии внелитературных жанров дневник занимает особое место, что связано с его спецификой: для него «характерно то, чего так не хватает в окружающей жизни, — предельная искренность, откровенность высказывания в сочетании с глубокими размышлениями над общезначимыми духовными проблемами» [3: с. 3]. Еще Ю.Н. Тынянов подчеркивал зависимость жанра от особенностей исторической эпохи, его стремления соответствовать времени [6: с. 256]¹.

В XX в. дневникам стали придавать бóльшее значение, не отказывая им в значимости как историческим документам. Изменилось отношение и к «женским автодокументам». О.Р. Демидова в предисловии «Жизнь как история изнутри» к книге «Претерпевший до конца спасен будет» замечала, что долгое время роль женщин в официальной истории сводилась «к роли молчащего большинства, поскольку женщина как субъект в Большой истории, то есть истории мужской, отсутствует. Объективно это обусловлено двумя

¹ В «Берлинском дневнике. 1940–1945» Мария (Мисси) Васильчикова рассказала о трагических событиях, произошедших в период Второй мировой войны, в водовороте которых оказалась семья бывшего члена Государственной Думы IV созыва И.С. Васильчикова.

обстоятельствами: а) женщины редко бывают там, где принимаются решения о событиях в Большой истории (о войне и мире, о формах правления и принципах государственного устройства и т. п.); б) официальная история как область гуманитарного знания фиксирует преимущественно мужской взгляд на историю, отображенный в официальных и мужских автодокументальных текстах... Между тем существует значительное количество опубликованных и еще больше неопубликованных женских автодокументов, представляющих иной взгляд на известные исторические события... Одним из событий подобного рода является война, у которой, как известно, «не женское лицо»» [2: с. 6].

Когда Мария Васильчикова, или Мисси, стала вести свои дневниковые записи о событиях, свидетелем и участником которых она была, редко кто вел дневники из-за боязни нанести вред реальным людям (система доноительства в тоталитарном государстве в военные годы действовала безотказно). По свидетельству ее брата Георгия Васильчикова, «чудом уцелевшая хроника Мисси, с ее тщательным описанием день за днем, а иногда и час за часом безуспешной попытки графа фон Штауфенберга убить Гитлера и свергнуть его режим и последовавшей за провалами оргии террора, во время которой погибло много ее близких друзей и сотрудников, является чуть ли не единственным известным очным свидетельством этих страшных недель... <...> Ей случилось быть там, где совершалась история, и точно к моменту, когда она совершалась, знать многих непосредственных видных участников событий и дружить с людьми, сыгравшими значительную историческую роль в Европе того времени. Более того, пользоваться их доверием» [1: с. 9–10]. Главным в ее дневнике было то, что он открывал те страницы жизни военного Берлина, о которых мало было известно.

Россию Мисси покинула в двухлетнем возрасте. Далее следовали Франция, Литва, Германия. Как и большинство русских эмигрантов, все члены ее семьи считали себя носителями и хранителями всего русского. Мисси знала и уважала культуру тех стран, в которых проживала и училась, но сохраняла все семейные традиции, связанные с Россией, ее культурой, православной религией. Десятки раз в ее дневнике встречаются замечания о том, что она ходила на исповедь, соблюдала пост, Пасху, Русское Рождество, Русскую Троицу, присутствовала на чтении «Двенадцати Евангелий», наслаждалась церковным пением («Певчие пели прекрасно»). Она отмечала, что в годы войны в русские церкви ходили «осты» и «остарбайтеры» — женщины, которых вывозили из оккупированных территорий России. «...Употребление слов “Россия” и “русский” запрещалось», как отмечено в комментариях Г. Васильчикова к дневниковой записи Мисси от 21 ноября 1943 г., поэтому его сестра считала, что «церковь напоминает им родину» [1: с. 119].

Мисси дружила с людьми самых разных национальностей. Для нее не существовали понятия «немцы», «русские», «союзники», а только «люди», отдельные личности. Их она делила на «порядочных» и «достойных уважения» и «непорядочных» и «не достойных уважения». Дружила она исключительно с первыми. И они тоже искали ее дружбы и ей доверяли. Слова ее шефа в Министерстве иностранных дел Адама фон Тротта в письме жене от 16 ноября

1943 г. это подтверждают: «В ней есть что-то от благородной жар-птицы из легенд, что-то такое, что так и не удастся до конца связать... что-то свободное, позволяющее ей парить высоко-высоко над всем и вся. Конечно, это отдает трагизмом, чуть ли не зловеще таинственным» [1: с. 10].

Свою трудовую жизнь Мисси начала в Литве в английском посольстве. Там их семья проживала с 1932 по 1938 г. (до этого была Франция). В 1939 г. с сестрой Татьяной она оказалась в Германии, где их и застала Вторая мировая война (с января 1940 г. они обосновались в Берлине). С этого времени Мария и начала вести свой дневник, из которого видно, как менялся мир вокруг нее и как менялся внутренний мир девушки. Гражданкой Германии Мисси не была, но устроиться на работу ей помогло знание пяти языков и опыт работы секретарем, приобретенный еще в Литве. Описанные ею детали работы в Бюро радиовещания, а потом в Информационном отделе Министерства иностранных дел дают возможность представить жизнь Берлина в военные годы.

В дневниковых записях за 1940 г. Мисси предстает молодой, любящей искусство и веселье девушкой, в жизни которой не было больших сложностей, хотя в мире уже шла война. С дневником она делилась впечатлением от концертов в Берлинской филармонии, оперы «Ромео и Джульетта», концерта Карояна, от прочтения книг философа и мистика Вл. Соловьева, встреч с друзьями, поездок в старинные замки; но постепенно в дневнике начинает звучать тревога за родных и друзей. У нее был доступ к секретным материалам, которые заставляли ее задуматься так же, как и книги, опубликованные в США и Англии, которые она читала по долгу службы первой, отбирая нужное для своих руководителей. Все чаще на протяжении дневника стали появляться строки о голоде, холоде, продуктовых посылках, отсутствии света, газа, воды в Берлине (по два ведра в день на семью разносили солдаты); появились и записи о гибели друзей и понимание того, что «война начинает превращать многих людей в озлобленных животных» [1: с. 189].

Рядом с Мисси всегда были родные и близкие по духу люди, но до конца откровенной она была только в своих дневниковых записях. Брату позднее она признавалась, что «потребность в дневнике в те критические годы была для нее почти физической — не фиксировать то, что происходило вокруг, было выше ее сил. Мисси вела записи систематически, отстукивая на своей машинке в министерстве впечатления о случившемся накануне. Лишь более длинные отрывки были написаны несколькими днями позже. Дневник велся на английском языке, которым она владела с детства» [1: с. 10]. Хроника Мисси уцелела чудом, давая возможность услышать голос одного из немногих очевидцев происходивших событий, описавшего ежедневные² попытки своих друзей свергнуть режим Гитлера, а также пережитый ею ужас от провала операции.

² Е.М. Криволапова отмечала, что «композиционное построение “дневника” обеспечивается с помощью структурообразующего элемента — датировки, или “обозначения дат”. Эта “примета” жанра является еще одним критерием “дневниковости”» [6: с. 27]. Именно этот признак выражает особенности хронотопа дневникового жанра, заметного в записях Мисси.

После окончания войны Мисси расшифровала и отпечатаала текст, который писался ею скорописью³, ничего не изменяя по существу. Под давлением брата она только в 1976 г. решила дневник опубликовать. Как отмечал Г. Васильчиков, Мисси так и не узнала о том, какой большой интерес он вызвал. Перед нами разворачивается история группы противников политики Гитлера, ставших участниками заговора против фюрера, известного под названием «Заговор 20 июля 1944 г.». События жизни Мисси с июня 1941 по июль 1943 г. восстановлены Георгием по ее письмам и дневниковым фрагментам, к которым весной 1978 г. она сделала такую приписку: «Я делала записи в своем дневнике почти ежедневно, и вспомнить теперь все подробности моей жизни между 22 июня 1941 и 20 июля 1943 г. практически невозможно. Но я постараюсь кратко рассказать о событиях, сыгравших в нашей жизни большую роль, и о том, что произошло за этот период со мной, моими родными, кое-кем из друзей»⁴.

С июля 1943 г. дневниковые записи стали вестись Мисси регулярно. В них можно встретить много деталей, связанных с какими-либо событиями или портретами людей. Интересен ее рассказ о том, что происходило с настроениями матери Мисси, княгини Васильчиковой, которая была «ярой антикоммунисткой» (в революцию погибли два ее брата) и которая надеялась, что вторжение Гитлера приведет к восстанию против Сталина («враги моих врагов — мои друзья»), но любовь к России и сведения о том, что фашисты творили на оккупированных территориях и в лагерях для советских военнопленных, пересилили ее антисоветские настроения: мать Мисси, объединившись с русской церковью и с группой ученых (при помощи Маннергейма), стала оказывать помощь советским пленным. На нее писали доносы, но она не прекращала делать это. А война продолжалась. Мисси рассказывала о бесконечных налетах, в результате которых не раз оказывалась без жилья — спасали друзья.

³ Интересны наблюдения по этому поводу О.А. Дубняковой и Т.А. Кашиной, высказывающих мысль о том, что шифрованность записей подчеркивает интимный характер личного дневника: «Отметим, что подобные способы шифровки можно вообще назвать одним из ключевых признаков личного дневника: поскольку автор и читатель-интерпретатор дневника — одно и то же лицо, им нет необходимости записывать текст развернуто. Именно это свойство отличает дневник от других автобиографических жанров. Будущая интерпретация автобиографических записей предполагается тем не менее безболезненной, поскольку сумма фоновых знаний у обоих участников коммуникации — автора и интерпретатора — равна» [4: с. 46]. Свообразным интерпретатором дневника Мисси стал ее брат, сопроводивший публикацию комментариями исторического характера, предисловием и послесловием.

⁴ Так, к записи от 22 июня 1941 г. о том, что «начинается новая фаза войны», добавлено примечание Мисси, датированное сентябрем 1945 г.: «Начиная с этого дня, почти два года моего дневника отсутствуют, хотя я продолжала свои записи почти ежедневно. Некоторые страницы я уничтожила сама. Другие же я спрятала в одной усадьбе на территории одной из восточноевропейских стран, находящейся за железной занавесью. Возможно, они и сейчас там находятся, а может быть, их нашли и отправили в какой-нибудь местный архив или же, что еще вероятнее, сожгли за ненадобностью. Но больше всего меня удивляет не то, что часть моего дневника пропала, а то, что столько из него уцелело...» [1: с. 69].

Большая часть Берлина была разрушена (город бомбили с ноября 1943 до марта 1944 г. двадцать четыре раза: днем — американская авиация, ночью — английская). В ее дневниковых записях не раз появлялись строки о происходящих вокруг нее событиях: освобожден в ноябре 1943 г. Киев; немцы оккупировали Рим, и Отто Скорцени освободил арестованного Муссолини; создана РОА под руководством генерала Власова, но это движение не развернулось даже при поддержке Гимmlера, так как для Гитлера русские могли быть только рабами; немецкие пленные генералы образовали в Москве «Союз германских офицеров» и выступали по радио; казнили 27-летнего пианиста Карла-Рудольфа Крейтена, неосторожно высказавшего мысль при двух подругах своей матери, что Германия, возможно, потерпит поражение. Они и донесли на него: его повесили в тюрьме, а семье послали счет на 639,20 марок «для покрытия расходов, связанных с его казнью» [1: с. 117].

Мисси была тесно связана с группой заговорщиков, но стояла от нее как бы особняком. Она самоотверженно помогала друзьям, но не верила, что мир поддержит немецких антифашистов: «Дело в том, что между всеми *ними* и мной существует фундаментальная разница во взглядах: не будучи немкой, я заинтересована только в уничтожении Сатаны. Я никогда не придавала большого значения тому, что будет потом. Будучи немецкими патриотами, *они* хотят спасти свою страну от полного краха путем создания своего рода временного правительства. Я никогда не верила, что даже такое временное правительство окажется приемлемым для союзников, которые отказываются проводить различие между “хорошими” и “плохими” немцами. Это, конечно, их роковая ошибка, и все мы, вероятно, дорого за нее заплатимся» [1: с. 201] (курсив автора цитаты. — *Е. Ф.*). Она знала, что антинацистское сопротивление пыталось убедить мир, что не все немцы — фашисты, но Запад в лице Идена, Черчилля, Рузвельта требовал одного — «безоговорочной капитуляции». Заговорщики мечтали о другом будущем для Германии, а Мисси утверждала, что Запад планировал «уничтожить *любую* Германию, не задумываясь истребить “хороших” немцев вместе с “плохими”» [1: с. 230].

Так, 19 июля 1944 г. Мисси описывала очередную попытку убить Гитлера. Когда бомба, подложенная графом фон Штауфенбергом, взорвалась, фюрер был только ранен. Восстание сорвалось. В заговоре участвовали многие высшие офицеры — генералы Бек, Хейнрих фон Штюльпнагель, фельдмаршалы Ханс фон Клюге и Роммель. И в Париже, и в Вене было арестовано больше тысячи руководителей СС и гестапо. Когда стало известно, что план «Валькирия» провалился, многие заговорщики покончили с собой, некоторые «сами шли на арест», чтобы спасти родных. Мисси до конца своих дней отказывалась признаться, в какой мере она была осведомлена о заговоре против Гитлера. В комментариях к дневнику Г. Васильчиков дает оценку этой неоднозначной ситуации: «Двусмысленное отношение союзников к немецкому антинацистскому Сопротивлению, столь обескуражившее заговорщиков до 20 июля, сохранялось и после провала переворота» [1: с. 231]. А в Германии шла жестокая

расправа с арестованными. Все обвиняемые признались, что хотели убить диктатора: «Гитлер — угроза для страны»: он «пришел к власти обманным путем», а они хотели «положить конец войне». Друзья и единомышленники делали попытки спасти арестованных. Они еще не знали, что происходило с ними. Мисси с ужасом узнавала: «Хельддорфа повесили последним, чтобы он видел, как умирают остальные. Оказывается, их не просто вешают, а медленно душат фортепианной струной на крюках мясников, и что к тому же им делают инъекции сердечных стимуляторов, чтобы продлить агонию» [1: с. 235]. За короткое время с особой жестокостью были уничтожены тысячи антифашистов. В газете «Наступление» (орган СА) в анонимной статье было сказано, что «ни один общественный класс в Германии... не принес больших жертв и не понес, в пропорциональном пересчете, больших потерь в этой войне, чем германская аристократия» [1: с. 252]⁵.

Последний вечер Мисси в Берлине был 6 сентября 1944 г.: она уезжала в Вену к сестре Татьяне. Ее дневниковые записи, датированные 1945 г., охватывали время с января по сентябрь.

О.А. Дубнякова и Т.А. Кашина, изучая коммуникативно-прагматические особенности личного нехудожественного дневника и рассматривая различия между этим и другими автобиографическими жанрами, отмечали черты, которые можно отнести к «Берлинскому дневнику» М. Васильчиковой, помогая глубже понять его «словесную плотность» и структуру: «...дневник по своей природе неразрывно связан с настоящим и отсутствием знаний о будущем, он создается, как правило, *не ради того, чтобы быть опубликованным*. Это не означает того, что публикация дневников принципиально невозможна»; «Кроме редуцированного, по сравнению с романским жанром, объекта, автобиографическая литература отлична своим адресатом, так как не всегда создается для прочтения массовым читателем. Наиболее распространенным случаем *адресата личного дневника* выступает исключительно сам создатель текста» [4: с. 44]. Они соглашались с исследователями, которые считают, что «искренность дневника подразумевает “непродуманность”» [4: с. 44]. Именно таким и был дневник Марии Васильчиковой. В нем отразилась и сложность ее социальной жизни, и ее душевная жизнь. В нем рассказано о периоде масштабных исторических, социальных и духовных потрясений Второй мировой войны.

Р.С. Черепанова считает, что в аналитике дневника нельзя обойти проблему «автор – герой – читатель». При этом «ключевое значение имеет все-таки

⁵ Г. Васильчиков добавлял в комментарии: «Точное число казненных в связи с заговором 20 июля до сих пор не установлено. Согласно официальным нацистским источникам, после мятежа было арестовано около 7000 человек. В 1944 г. всего было казнено 5764 человека, а в оставшиеся пять месяцев нацистского правления в 1945 г. — еще 5684. Из них непосредственно замешано в заговоре было примерно 160–200 человек. Из них: 21 генерал, 33 полковника и подполковника, 2 посла, 7 дипломатов высших рангов, один министр, 3 государственных секретаря, начальник уголовной полиции и ряд высших полицейских чиновников, губернаторов провинций и крупных гражданских чиновников» [1: с. 246].

читатель (только его наличие придает смысл дневнику как литературе и дневнику как перформансу), то, чем больше читателей у дневника, тем полнее выполнено его предназначение» [7: с. 53]. Дневник Марии Васильчиковой свое предназначение выполнил. Он вызвал большой интерес у историков, войдя в США в список обязательного чтения на исторических факультетах нескольких известных университетов. Всем было понятно, что Мисси в нем рассказала о тех людях, которые нашли в себе мужество бороться с фашизмом, напомнив о том, что даже в самых сложных обстоятельствах любой человек мог вести себя достойно, даже если ему грозила гибель за его убеждения.

Библиографический список

Источники

1. *Васильчикова М.И.* Берлинский дневник, 1940–1945 / из арх. семьи Васильчиковых; пер. с англ.; предисл., послесл., коммент. и примеч. Г.И. Васильчикова. М.: Наше наследие: Полиграфресурсы, 1994. 320 с.
2. «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб.: ЕУСПб, 2013. 262 с.

Литература

3. *Гачев Г.Д.* [и др.]. Дневник современного филолога [Электронный ресурс]. М.: МГИУ, 2009. URL: http://nffedorov.ru/w/images/c/cd/Gachev_iz_giznemislej.pdf (дата обращения: 05.05.2018).
4. *Дубнякова О.А., Кашина Т.А.* Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 1 (25). С 42–49.
5. *Криволапова Е.М.* Дневники писателей круга В.В. Розанова (1893–1919): Жанр, творческий метод, историко-литературный контекст. Курск: КГУ, 2012. 352 с.
6. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
7. *Черепанова Р.С.* Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2018. № 2 (18). С. 49–54.

Referenses

Istochniki

1. *Vasil'chikova M.I.* Berlinskij dnevnik, 1940–1945 / iz arx. sem'i Vasil'chikovy'x; per. s angl.; predisl., poslesl., komment. i primech. G.I. Vasil'chikova. M.: Nashe nasledie: Poligrafresursy', 1994. 320 s.
2. «Preterpeвшij do koncza spasen budet»: zhenskie ispovedal'ny'e teksty o revolyucii i grazhdanskoj vojne v Rossii. SPb.: EUSPb, 2013. 262 s.

Literatura

3. *Gachev G.D* [i dr.]. Dnevnik sovremennogo filologa [E'lektronny'j resurs]. M.: MGIU, 2009. URL: http://nffedorov.ru/w/images/c/cd/Gachev_iz_giznemislej.pdf (data obrashheniya: 05.05.2018).

4. *Dubnyakova O.A., Kashina T.A.* Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2017. № 1 (25). S. 42–49.
5. *Krivolapova E.M.* Dnevniky pisatelej kruga V.V. Rozanova (1893–1919): Zhanr, tvorcheskij metod, istoriko-literaturny'j kontekst. Kursk: KGU, 2012. 352 s.
6. *Ty'nyanov Yu.N.* Poe'tika. Istoriya literatury'. Kino. M.: Nauka, 1977. 574 s.
7. *Cherepanova R.S.* Lichny'j dnevnik: urovni privatnogo i diskursy' publichnogo (na primere neskol'kix dnevnikov sovetskoj e'poxi) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser. «Social'no-gumanitarny'e nauki». 2018. № 2 (18). S. 49–54.

E.Y. Fesenko

«Berlin Diary» by Maria Vasilchikova

The article focuses on the specificity of the diary genre that functions as a historical document. In addition to the biographical information about Maria Vasilchikova, the heiress of an aristocratic family that found themselves outside Russia, the paper studies her «Berlin diary», full of rich factographic material, and structured in accordance with the «time flow» principle. The key episode emphasized both in the diary and the certain article regards the events related to the anti-Hitler plot.

Keywords: diary; «history-memory»; World War II; women's autodocument; historical document; Maria Vasilchikova.

УДК 821.111-313.2

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.05

М.Г. Меркулова,
О.В. Шишкина

Пространственный аспект оппозиции *свет – тьма* в романе У. Голдинга «Повелитель мух»

Статья посвящена анализу поэтики света и тьмы в романе-антиутопии У. Голдинга «Повелитель мух» с акцентированным изучением пространственного аспекта. В ходе исследования выявляется полисемантическая оппозиция *свет – тьма*, анализируется пространственно-световая семантика образа звезд и ночных цветов, устанавливается соположение тьмы и света ключевым локусам произведения, а также описывается кодирование образами тьмы и света центральной темы романа — таящегося в человеке зла.

Ключевые слова: У. Голдинг; оппозиция *свет – тьма*; антиутопия; пространственная семантика.

Категория художественного пространства — один из неотъемлемых компонентов текста. Вектор данной работы определен исследованиями Ю.М. Лотмана, прежде всего замечаниями ученого о способности пространственных образов выражать непространственные смыслы [4: с. 301]. В литературоведении активно исследуются различные аспекты категории пространства, информационные поля: звуковое, цветное, световое. Как замечает М.Н. Панкратова, наполнение пространства светом/тьмой представляет особый интерес в силу того, что поэтика света и тьмы является одним из важнейших элементов художественного мира [6: с. 98].

В рамках статьи предлагается анализ взаимодействия пространства и света/тьмы в романе-антиутопии У. Голдинга «Повелитель мух» [1]. Изучение данного аспекта на материале творчества писателя заслуживает внимания, так как автор тяготеет к пространственному коду. Помимо этого, в произведении образы света и тьмы несут семантическую сверхнагрузку в связи с тем, что бинарная оппозиция *свет – тьма* выступает константным семантическим узлом антиутопических текстов. В классических романах-антиутопиях данная оппозиция служит носителем кластера смыслов, характеризуя «английскость» [5]. Так, в романе-антиутопии О. Хаксли «Дивный новый мир» пространственно-световыми знаками кодируется образ Инкубатория, антиутопического центра произведения, как локуса, доминируемого огнем без света, т. е. inferнального локуса [2: с. 11]. Оппозиция *свет – тьма*, актуализируемая в образе одинокого

солнечного луча, выносятся в сильную финальную позицию романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» [3: с. 342]. Угасающий свет, представленный одиноким лучом («1984»), или исчезающим светом звезд, погасшим сигнальным костром («Повелитель мух»), является одним из ключевых образов-доминант в антиутопических текстах.

Оппозиция *свет – тьма* выстраивает центральную образную систему романа «Повелитель мух», кодирует основную тему произведения — таящееся в человеке зло. Первые трагические события (падение мертвеца и смерть Саймона) происходят ночью, физическая темнота коррелирует с тьмой метафизической, но по мере того как зло завладевает душами детей, физическая тьма отодвигается на второй план, уступая место метафизической тьме, поглощающей пространство дня. Соответственно, все последующие происшествия (принесение жертвы Зверю, смерть Хрюши) случаются уже днем. По мере развития сюжета образ солнца приобретает отрицательную коннотацию, которая выражается в семантике агрессии.

На лужайке Саймона распускаются ночные цветы, в их названии присутствует сема света — *candle-buds*. Цветы и звезды объединяет одна фраза: «glimmering under the light of the stars» («мерцающая под светом звезд»¹) [1: с. 65]. В результате между ними устанавливается контекстуальная связь. Возникает образ одинокого света в ночи, который и становится ядерным маркером лужайки Саймона. Кроме того, в открывающей главу 6 фразе за счет влияния глобального контекста актуализируется и переосмысливается как лексема предлог *save* — «there was no light save that of the stars» («единственным светом был свет звезд») [1: с. 111]. В описании рассвета, следующего за появлением мертвого парашютиста на острове, фигурирует синтаксическая единица «the dawn was wiping out the stars» («рассвет стирал звезды») [1: с. 111]. Вырисовывается оксюморонный образ рассвета, превращающегося в источник не света, а тьмы. В образе света, просочившегося в шалаш, соединяются эмотивная и физическая характеристики — «sad and grey» («печальный и серый») [1: с. 111]. Синтаксическая единица «somewhere beyond the dark edge of the world there were the Sun and the Moon» («где-то за темным краем мира были солнце и луна») [1: с. 111] сигнализирует о закрытости острова от источников света — луны и солнца, свет сосредоточен в звездах, но и он отныне уничтожается. Мотив утраты света проявляется также в образе несущего спасения и утраченного огня (костер на берегу). В образе уничтожающего остров огня мотив губительной тьмы получает кульминационное развитие, огонь затемняет небо. Итак, формируется антиномичный образ дня, лишённого света, наполненного черным огнем.

Образы звезд и мертвого парашютиста также включены в оппозицию *свет – тьма*, которая раскрывается в оппозиции *жизнь – смерть*: «so as the stars moved across the sky, the figure sat on the mountain-top and bowed

¹ Здесь и далее перевод наш. — М. М., О. Ш.

and sank and bowed again» («звезды передвигались по небу, а фигура сидела на вершине горы, и кланялась, и опускалась, и вновь кланялась») [1: с. 112]. Данная синтаксическая единица указывает на то, что между образами звезд и погибшего парашютиста устанавливается отношение противопоставления. Описание небесных светил выполняет роль пространственного лейтмотива, они персонифицированы, кодируют ряд смыслов. Это источники света, носители живого начала; их коннотация непреложно положительна, их пространство безгранично. Напротив, пространство мертвого парашютиста предельно ограничено (труп связан парашютом). Звездам несвойственна статичность, их перемещение наполнено смыслом, целенаправленно. Движение звезд описано адвербиальной лексемой, движения мертвеца — повтором глагола *bow*, создающим замкнутую монотонную последовательность Движения мертвеца механичны и бессмысленны, так рождается оксюморонный образ «подвижный мертвец». В результате формируется образ *жизни в смерти*, который является одним из устойчивых лейтмотивов антиутопии. Звезды, напротив, наделеныемой «жизнью», присутствующей в лексеме *throbbing*: «they ignored the miraculous, throbbing stars» («они не обращали внимания на чудесные, пульсирующие звезды») [1: с. 112]. Следовательно, в пространстве ночи, окружающей мертвеца, звезды аккумулируют символическое значение, свет выступает семантическим синонимом жизни. Примечательно, что дети не обращают внимания на звездное небо, что отражает их пренебрежение спасением.

Отметим, что после смерти Саймона звезды утрачивают семантику носителей света, а в последнюю ночь перед убийством Хрюши звездный свет оказывается бессилем перед тьмой: «the darkness save for the useless oblong of stars was blanket-thick» («густую, как одеяло, тьму не пронизывал бесполезный прямоугольник звезд») [1: с. 198]. В микрогруппе «an oblong of darkness relieved with brilliant spangles» («прямоугольник темноты был подсвечен сверкающими блестками») [1: с. 198] также моделируется ситуация превращения звезд в блестки, т. е. отрицание семантики жизни семантикой мертвенности, являющейся одной из констант антиутопии.

В образе горы, одного из центральных локусов произведения, мотив отсутствия света играет ведущую роль. Гора, на вершине которой находится мертвец, поглощает свет звезд: «the close sky was loaded with stars, save where the mountain punched up a hole of blackness» («небо было переполнено звездами, и лишь гора чернела пустотой») [1: с. 112]. Данной синтагмой формируется базовая пространственная оппозиция, пространство неба и звезд (лексема *loaded* углубляет избыточность жизни) противопоставлено черной пустоте горы. Свет и полнота противоположны тьме и пустоте, темнота контекстуально сближается с пустотой. Создается образ тьмы как отсутствия не только света, но и содержимого (бытия). Таким образом, выстраивается семантическая цепочка *тьма – пустота – небытие*.

Пространство замка, в котором становится возможным первое осознанное убийство, характеризуется в первую очередь тем, что из него не видно огня,

как замечает Ральф. Пространственная характеристика служит этическим маркером, а также развертывает мотив слепоты, алломотивом которого является похищение очков Хрюши.

Тьма доминирует также в пространстве джунглей. Как их маркер она представляет собой рамочный знак, первое текстуальное упоминание джунглей соединяется в одной микрогруппе с темами тьмы и агрессии: «the darkness of the forest proper and <...> the scar» («тьма джунглей и <...> шрам») [1: с. 27]). Подчеркнем, что тьма непроходимых зарослей деревьев и кустарников выступает еще рельефнее на фоне сверкающей воды (*shimmering water*) [1: с. 27]. Так формируется противопоставление тропического леса и водного пространства. Последнее несет семантику спасения (дети ждут корабля), следовательно, в первом появляется семантика гибели.

От вышеперечисленных пространств кардинально отличается найденная Саймоном в лесу лужайка. Она представляет собой защищенный, но не замкнутый локус, образ звезд размыкает пространство вертикально, формирует топос бесконечности. Локус лужайки Саймона вступает в конфронтацию с локусом лужайки Повелителя мух. Оппозиция *свет – тьма* окончательно оформляется в их пространственном диалоге. Если лужайка Саймона маркирована светом в ночи, то лужайка Повелителя мух относится к пространству дневной тьмы, что эксплицируется как колоронимом *black* («черный»), доминирующим в описании места, так и синтагмой «there were no shadows» («не было теней») [1: с. 118]. Отсутствие теней моделирует ситуацию отсутствия солнечного света. Остров становится пространством тьмы, захватившей день. В финале произведения тьма представлена как рамочный знак, кодирующий человеческое зло, в вынесенной в ударную позицию синтагме: «Ralph was weeping for the darkness of man's heart» («Ральф оплакивал тьму человеческого сердца») [1: с. 245].

Итак, анализ пространственного аспекта оппозиции *свет – тьма* в романе У. Голдинга «Повелитель мух» позволяет сделать следующие выводы. Поэтика света и тьмы несет семантическую сверхнагрузку в произведении; при этом свет и тьма являются доминирующими маркерами ключевых локусов. Динамика вытеснения света тьмой соотносится с сюжетным развертыванием текста и кодирует центральную тему романа — нравственный распад личности.

Библиографический список

Источники

1. *Golding W.* Lord of the Flies. СПб.: Капо, 2005. 253 с.
2. *Huxley A.* Brave New World. NY.: Harper & Row Publishers, 1946. 249 с.
3. *Orwell G.* 1984. СПб.: Капо, 2015. 381 с.

Литература

4. *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. СПб.: Азбука, 2015. 411 с.

5. Меркулова М.Г., Сатюкова Е.Г. «Английскость» в отечественном литературоведении: теоретическое осмысление и изучение понятия // Гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 221–226.

6. Панкратова М.Н. Свет и тьма в творчестве Ф.М. Достоевского, основы подхода к исследованию малоизученного аспекта поэтики // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2007. № 3. С. 97–104.

References

Istochniki

1. *Golding W.* Lord of the Flies. SPb.: Karo, 2005. 253 s.
2. *Huxley A.* Brave New World. NY.: Harper & Row Publishers, 1946. 149 s.
3. *Orwell G.* 1984. SPb.: Karo, 2005. 381 s.

Literatura

4. *Lotman U.M.* V shkole poe'ticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'. SPb.: Azbuka, 2015. 411 s.

5. *Merkulova M.G., Satyukova E.G.* «Anglijskost'» v otechestvennom literaturovedenii: teoreticheskoe osmy'slenie i izuchenie ponyatiya // Gumanitarny'e issledovaniya. 2010. № 4. S. 221–226.

6. *Pankratova M.N.* Svet i t'ma v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: osnovy' podkhoda k issledovaniyu maloisuchennogo aspekta poe'tiki // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya. 2007. № 3. S. 97–104.

*M.G. Merkulova,
O.V. Shishkina*

Space Aspect of the Opposition *Light – Darkness* in «Lord of the Flies» by W. Golding

The paper deals with the polysemantic character of the opposition *light – darkness* in W. Golding's anti-utopia «Lord of the Flies». The research is due to analyze the patterns of light and darkness distribution in the key loci of the novel with the special emphasis on the images of star-light and night-flowers. The central theme of the novel (darkness of human heart) is decided and described through light and darkness units.

Keywords: W. Golding; opposition *light – darkness*; anti-utopia; semantics of space.

Е.С. Ярыгина

Структура, семантика и синтаксические функции фразеологизированных конструкций в аргументативном дискурсе

В статье рассматриваются фразеологизированные конструкции *что толку, что пользы, что проку, что нужды*; показано, что структурные и коммуникативно-текстовые свойства, а также признаки диалогической обусловленности и поли-субъектности обуславливают их широкое использование в аргументативном дискурсе.

Ключевые слова: аргументативный дискурс; фразеологизированные предложения; фразеосхемы; вопросительно-отрицательные предложения; модально-оценочное значение.

Аргументативный дискурс — особый тип речи, в котором основным речевым действием выступает аргументация. При обсуждении отличительных черт аргументативного дискурса внимание уделяется, как правило, текстам публицистического и официально-делового стилей, принадлежащим к полемическим речевым жанрам [1, 2]. Но аргументация служит обычным приемом отстаивания своей точки зрения не только в книжных стилях речи, но и в бытовом диалоге, а также в художественном тексте. Поэтому тактические приемы аргументативного дискурса обнаруживаются в разных стилях и жанрах. Общностью подобных приемов является их диалогизированность, предполагающая наличие определенного адресата, т. е. другого субъекта речи. Полемичность, или диалогическая обусловленность, аргументативного дискурса усложняет субъектную перспективу текста¹, поскольку в нем соединяются два голоса, две точки зрения: говорящего и того, с кем ведется полемика.

В целях исследования аргументативных речевых приемов и их полемической направленности обратимся к известному стихотворению А.С. Пушкина

¹ О понятии субъектной перспективы см.: [4: с. 276–277; 5: с. 229–251].

«Что в имени тебе моем?». Здесь мы обнаруживаем вопрос с оттенком отрицания. Семантика отрицания становится явной за счет последующей аргументации:

Что в имени тебе моем?
 Оно умрет, как шум печальный
 Волны, плеснувшей в берег дальний,
 Как звук ночной в лесу глухом [8: URL].

Поэт говорит о том, что нет смысла в имени, написанном на альбомном листке, потому что оно будет забыто и превратится в «надгробную надпись». Тот же самый прием А.С. Пушкин повторяет и в третьей строфе:

Что в нем? Забытое давно
 В волненьях новых и мятежных,
 Твоей душе не даст оно
 Воспоминаний чистых, нежных [Там же].

Строфа начинается вопросом, на который должен быть дан ответ: «В моем имени тебе нет проку». Но его нет, а есть аргументация, которая и добавляет вопросу отрицательное значение. Соответственно, вопрос приобретает отрицательное значение, и предложение прочитывается не как собственно-вопросительное, а как вопросительно-отрицательное. Вследствие этого вопросительно-отрицательное предложение прикрепляется к определенным контекстным условиям и становится конструктивно обусловленной синтаксической единицей.

В знаменитом монологе Сальери находим еще два употребления одной и той же вопросительной конструкции, после которой следует аргументация, превращающая вопрос в отрицательное суждение:

...я избран, чтоб его
 Остановить — не то мы все погибли,
 Мы все, жрецы, служители музыки,
 Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
 И новой высоты еще достигнет?
 Подымет ли он тем искусство? Нет;
 Оно падет опять, как он исчезнет:
 Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
 Он несколько занес нам песен райских,
 Чтоб, возмутив бескрылое желанье
 В нас, чадах праха, после улететь!
 Так улетай же! чем скорей, тем лучше [Там же].

В приведенном отрывке вопросительно-отрицательное предложение состоит из местоименного слова *что* и модального существительного в родительном падеже. Интересующая нас конструкция задает аргументативный дискурс, т. е. указывает на необходимость дальнейшего рассуждения. Сальери еще

не до конца себя убедил (использовать ли ему «дар Изоры»); он еще сомневается, ищет дополнительные аргументы.

Наличие добавочного отрицательного значения, которое не прочитывается непосредственно из компонентов вопросительной структуры, свидетельствует о фразеологизированности синтаксической конструкции. Фразеологизированные предложения, или фразеосхемы [7], характеризуются синтаксической несвободой, добавочными модальными значениями и диалогической обусловленностью.

Авторы «Русской грамматики» дают следующее определение: «Фразеологизированными называются предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой. В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия» [6: с. 382]. Выделяются пять типов фразеологизированных предложений: 1) с союзами, 2) с предлогами и предложными образованиями, 3) с частицами, 4) с междометиями и 5) с акцентирующими и местоименными словами. Рассмотрим пятый тип, а точнее, предложения с местоименным словом *что*. В «Русской грамматике» такие фразеосхемы представлены следующим образом: «Предложения типа *Что мне!*; *Соседу-то что!* означают утверждение несущественности, неважности чего-л. для кого-л. То же значение имеют предложения типа *Что брату до меня!* Имя в Дат. п. — чаще одушевл. существительное или личное местоимение; имя в род. п. (*до кого-чего*) лексически свободно. Ср. аналогичное значение предложений с подлежащим: *Служба что. Сам себя веди аккуратно* (Корол.); *Что твое жалованье! Не надо его совсем* (Тург.)» [6: с. 385].

Следует отметить, что примеры конструкций с местоименным словом *что* в «Русской грамматике» даны не в виде изолированных предложений, а в контексте, во взаимодействии с хотя бы еще одним предложением, что свидетельствует о контекстуальной зависимости фразеосхем. Тот же признак контекстуальной зависимости фразеологизированных предложений отмечает А.В. Величко в докторской диссертации, посвященной синтаксису, семантике и прагматике фразеосхем [3]: большая часть ее примеров с фразеологизированными конструкциями представляет собой либо диалог между двумя участниками речи (как примеры из «Русской грамматики»), либо диалогизированный монолог, т. е. разговор с самим собой. Такое рассуждение возможно и в случае присутствия другого субъекта речи.

Указав основные структурные и коммуникативно-текстовые свойства фразеологизированных конструкций, обратимся к предмету настоящего исследования — фразеосхемам с родительным падежом и словом *что*: *что толку*, *что пользы*, *что проку*, *что нужды*. В них соединяется отрицательное значение с модальным. Рассматриваемые конструкции (как и другие с местоименным словом *что*) выражают несущественность, неважность чего-либо для кого-либо, несогласие как реакцию на чужое слово.

Модели состоят из двух эксплицитных компонентов (*что* + родительный количественный), обязательно входящих в структуру фразеосхемы, и двух имплицитных, присутствующих, как правило, в соседних предложениях, — дательного падежа со значением субъекта мнения и пропозиционального компонента, который может быть представлен разными способами:

1. А: — Надо спорить!
Б: — *Что толку?* Не в твоей ситуации и не с твоими возможностями.
2. А: — Надо спорить!
Б: — Спорить? В твоей ситуации? *Что толку?*..
3. А: — Надо спорить!
Б: — *Что толку спорить?*..
4. А: — Надо спорить!
Б: — *Что толку в споре?* Что толку от спора?..
5. А: — Надо спорить!
Б: — *Что толку, если я буду спорить? Что толку, что я буду спорить?*..

В приведенном примере пять диалогических конструкций, различие между ними формальное, чисто структурное: 1 — инфинитив находится в реплике говорящего и отсутствует в реплике коммуникативного партнера; 2 — инфинитив в реплике коммуникативного партнера присутствует (начинает реактивную ответную реплику), но не соединяется в одной синтаксической структуре с фразеосхемой; 3 — инфинитив входит во фразеологизированную синтаксическую конструкцию; 4 — инфинитивная составляющая заменена синонимом — предложно-падежной формой с именем действия (с существительным, мотивированным глаголом); 5 — реактивная реплика в диалоге оформлена как сложноподчиненное предложение.

Конструкции с инфинитивом имеют ограничения, связанные с видом глагола (1) и субъектной перспективой конструкции (2). Для предложений с инфинитивом характерно использование несовершенного вида глагола: *Что толку писать письма?* — Но: **Что толку написать письма...* Кроме того, фразеосхемы с инфинитивом представляют собой односубъектные конструкции: и получатель пользы, и исполнитель действия совпадают в одном лице: *что пользы идти на работу/работать/сидеть дома*. Любой инфинитив в таком соединении будет прочитываться как субъектный (объектный инфинитив невозможен).

Обратимся к проблеме дательного падежа в этих конструкциях. Материалы Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что наиболее частотными оказываются примеры без дательного падежа бенефактива: на запрос точной фразы «Что толку» получено 749 примеров, из них только десять имеют в своем составе местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа (*что мне/тебе/нам/вам толку*). Такое соотношение можно объяснить только тем, что интересующим нас конструкциям свойственно обобщенно-личное значение, которое выражается синтаксическим

нулем. В результате данные фразеосхемы сближаются с категорией оценки [5: с. 150–159]: *что толку* = *без толку*, *что пользы* = *бесполезно*. В результате получаем синонимический ряд: *Что толку говорить* – *Что говорить* – *Нечего говорить* = *Говорить бессмысленно*.

Особенность рассматриваемых вариантов (с любым набором компонентов) состоит в том, что при грамматической достаточности они семантически недостаточны и нуждаются в завершении в виде аргументирующего предложения. При любом выражении обязательного пропозиционального компонента текстовая структура требует развития, потому что даже придаточное предложение не есть собственно аргументация: *Что проку, если ты будешь лить слезы: слезами горю не поможешь*.

Приведем пример из прозы С. Довлатова, в котором говорится о разных реакциях на сообщение о публикации его рассказов:

Друзья реагировали сложно. Одни предостерегали:

— Вот увидишь, тебя посадят. Пришьют какую-нибудь уголовщину, и будь здоров!..

Другие высказывались так:

— Напечатали (1), а *что толку* (2)? Тиражи на Западе микроскопические. Там не заметят. И тут все дороги закроют... (3) [8: URL].

Интересующий нас фрагмент представляет собой трехчастную структуру: 1 — констатация факта; 2 — отрицательная оценка; 3 — аргументация оценки. Семантика фразеосхемы (*что толку*...) поддержана аргументативной частью: фразеосхема начинает рассуждение, задает направление мыслей, а обоснование приводит к выводу о бессмысленности, несущественности, бесполезности события.

Еще пример из «Независимой газеты» (2003):

И сокращение чиновников обещают вновь и вновь. Да *что проку*? Чиновники переливаются из одного сообщающегося сосуда в другой, более того, аппарат все раздувается, и не видно этому конца [Там же].

Фрагмент представляет собой своеобразный диалог обычного человека с властями, которые обещают сократить чиновничий аппарат. Первое предложение представляет одну сторону диалога, второе — реакцию на заявление властей. В предложении *Что проку* можно восстановить глагол *сокращать*, но этого глагола нет, и перед нами — структурный вариант (1), в котором пропозициональный компонент находится в предшествующей реплике и не повторяется в последующей. После вопросительно-отрицательного предложения появляется развернутая аргументация, которая представляет собой обобщенное суждение о свойствах чиновничества. В результате смысл фрагмента можно представить в виде конструкции вывода-обоснования: «Сокращать чиновников бесполезно (бессмысленно): чиновники переливаются из одного переливающегося сосуда в другой». Пропозициональный компонент в данном случае выражается препозитивным инфинитивом. Первая часть конструкции

(до двоеточия) представляет собой предложение с инфинитивным подлежащим и оценочным предикативом (категорией оценки) в сказуемом. Конструкция вывода-обоснования двухчастна: она характерна для монологических рассуждений. Встраивание в середину третьего компонента — вопросительно-отрицательной фразеосхемы — диалогизирует текстовую структуру.

Рассмотрим вариант 3 из пяти ранее перечисленных диалогических конструкций (см. с. 49). Здесь инфинитив (или пропозициональное существительное) встраивается в одно предложение с модально-отрицательной фразеосхемой. Такой структурный тип представлен в известном стихотворении М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно...»:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. *что пользы напрасно и вечно желать?*..
А годы проходят — все лучшие годы! [8: URL].

Между первой частью (именительный темы *Желанья!*) и третьей частью (собственно аргументативной) появляется фразеосхема, в состав которой включен инфинитив. В результате мы получаем трехчастную текстовую структуру, организуящим центром которой становится модально-отрицательная фразеосхема.

Пропозициональный компонент в составе фразеосхемы может быть выражен предложно-падежной формой (вариант 4 на с. 49–50):

Погребальный звон заставил его в лесу снять шапку, перекреститься, а потом он даже подосадовал на попа: мыслимое ли дело звонить так долго? Ну, ударили бы в колокола по разу — и все, а то заблаговестили на целый час. И *что проку* от этого звона? Только разбередят людям сердце да заставят лишний раз вспомнить о смерти. А о ней осенью и без этого все напоминает (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 4. 1928–1940) [Там же].

Интересующая нас текстовая структура содержит мысли героя (Пантелея Прокофьевича), который внутренне дискутирует со священником; маркером такой диалогизированности оказывается фразеосхема *что проку*. В препозиции к фразеосхеме находим глагол *звонить*, а в составе фразеосхемы — предложно-падежную форму от *звона*. Далее следует аргументативная часть (*погребальный звон разбередит людям сердце*).

В отличие от трех формул (*что проку*, *что толку*, *что пользы*) формула *что нужды* (с ударением на первом слоге существительного) устаревшая, поэтическая (частотная в поэзии) и многозначная:

Пускай кипит веселый рок
Мечтаний молодых —
Им предадимся всей душой...
А время скосит их?
Что нужды! Снова в свой черед
В нас воскресит их новый год...
(Н.А. Некрасов. Новый год. 1851) [Там же].

В этом контексте *что нужды* означает «не важно, не имеет значения». Другое значение *что нужды* встречаем в стихотворении Ап. Григорьева:

И лгал ли он пред вами и собой,
Или ему блеснула вера в счастье —
Что нужды вам? зачем ему участие?
Он вас любил как эгоист больной...
И сон любви, и сон безумной муки
Его доньне мучит, может быть,
Но, думаю, от безысходной скуки...
По-моему, пора бы позабыть!
(А.А. Григорьев. К Лавинии. 1845) [8: URL].

В этом фрагменте *что нужды вам* синонимично «Что вам до...?», «Какое вам дело до...?». Синонимические замены (*безразлично, какое вам дело*) и примеры употребления формулы *что нужды* свидетельствуют о том, что она имеет модусную семантику. Это выражается в придаточном изъяснительном после фразеосхемы; например:

Последняя дружба
В последнем обвале.
Что нужды, что нужды —
Как здесь называли?
Над черной канавой,
Над битвой бурьянной,
Последнею славой
Встаешь, — безымянной
(М.И. Цветаева. Последняя дружба... 1921) [Там же].

Несмотря на модусную семантику (а не оценочную), фразеосхема *нуждается* в аргументации, которая представлена во второй строфе; упрощая текст М. Цветаевой, смысл можно выразить следующим образом: «Безразлично, как здесь называли, потому что встаешь безымянный».

Обратим внимание еще на одну структуру с родительным падежом, выражающую оценочное значение. Речь идет о фразеосхеме с субстантивированным прилагательным в родительном падеже: *что хорошего, что плохого*. Эти предложения с вопросительно-отрицательной семантикой (при собственно вопросительной семантике они каузируют ответ) маркируют аргументативный дискурс, т. е. указывают на необходимость аргументации. См. пример:

— Что ж, — слегка смутилась тетя. — Я действительно посоветовала им назвать тебя Антоном в честь нашего великого классика. Ничего дурного в этом нет.

— А *что хорошего*? Думаете, если назвать под великого, так и пацан станет великим? Как же!

— Великим, может, и нет, но человек будет стремиться стать достойным своего имени (Н. Дубов. Небо с овчинку. 1966) [Там же].

В приведенном примере две конструкции с родительным падежом субстантивированного прилагательного: «Ничего дурного в этом нет» и «А что в этом хорошего?». Если первое предложение структурно свободное, то второе — фразеологизированное, семантически осложненное: оно соединяет вопросительную семантику с отрицательной. После предложения «Что хорошего?» следует аргументация, но неполная. Полный вариант был бы таким: «Имя не влияет на будущую судьбу пацана».

Аргументация может быть представлена в виде придаточного изъяснительного, например:

— А не рарешил бы, поехал бы сам с ним на другой день — ничего бы не было.

— Может, не было бы, а может, и было бы. Совершенно так же мог и сам с ним угробиться. Что тут хорошего?

— *А что хорошего жить и знать*, что мог сохранить человека, а угробил (К. Симонов. Так называемая личная жизнь / Мы не увидимся с тобой... 1978) [8: URL].

Придаточное предложение вводится модусными инфинитивами. Заметим, что инфинитивная конструкция возможна в том случае, когда и получатель пользы (хорошего), и субъект инфинитива совпадают в одном лице: *что для меня хорошего, если я буду жить и знать...* Односубъектная структура вывода-обоснования располагает широкими возможностями в плане средств выражения: пропозициональный компонент может быть представлен полной предикативной единицей (самостоятельным предложением или придаточным), девербативом и инфинитивом, например:

— Так ведь это же месть!

— Ну и *что хорошего?* Мстил, мстил, и сам он стал жестоким, и обманщиком, и рабовладельцем (И. Ратушинская. Одесситы. 1998) [Там же].

В связи с проблемой употребления инфинитива возвратимся к монологу Сальери. Фраза «Что пользы, если Моцарт будет жив?» не может быть заменена синонимичной конструкцией с инфинитивом *жить*, так как речь идет о пользе не для Моцарта, а для «служителей музыки». В результате получается двусубъектная конструкция: *что пользы нам в Моцарте, в жизни Моцарта, в музыке Моцарта*.

Подводя итоги, приходим к следующим выводам:

1) фразеологизированные предложения с родительным падежом организуют трехчастные текстовые структуры в условиях аргументативного дискурса;

2) в силу семантической несамостоятельности фразеосхемы включают в свой состав пропозициональный компонент, который может быть выражен разными способами;

3) особые условия образования, сформулированные как односубъектная конструкция, выявлены для предложений с инфинитивом;

4) с точки зрения семантики были обнаружены оценочные и модусные типы фразеосхем; оценочные фразеосхемы синонимичны словам, оканчивающимся на *-о*, с оценочным значением;

5) в составе фразеологизированных конструкций возможен дательный падеж субъекта личного, который может интерпретироваться как определенно-личный или обобщенно-личный; в обоих случаях может использоваться техника синтаксического нуля.

Библиографический список

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 208–286.

2. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19; АН СССР, Ин-т рус. яз. М., 1990. 48 с.

3. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016. 416 с.

4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: УРСС, 2005. 352 с.

5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004. 544 с.

6. Русская грамматика. Т. 2 / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 712 с.

7. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976. 149 с.

Справочные и информационные издания

8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.05.2018).

References

Literatura

1. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku. M.: E'ditorial URSS, 2001. S. 208–286.

2. Baranov A.N. Lingvisticheskaya teoriya argumentacii (kognitivny'j podxod): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01, 10.02.19; AN SSSR, In-t rus. yaz. M., 1990. 48 s.

3. Velichko A.V. Predlozheniya frazeologizirovannoj struktury' v russkom yazy'ke. Strukturno-semanticheskoe i funkcional'no-kommunikativnoe issledovanie. M.: MAKS Press, 2016. 416 s.

4. Zolotova G.A. Oчерk funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazy'ka. M.: URSS, 2005. 352 s.

5. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazy'ka. M.: Nauka, 2004. 544 s.

6. Russkaya grammatika. T. 2 / N.Yu. Shvedova (gl. red.). M.: Nauka, 1980. 712 s.

7. *Shmelev D.N.* Sintaksicheskaya chlenimost' vy'skazyvaniya v sovremennom russkom yazy'ke. M.: Nauka, 1976. 149 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (data obrachheniya: 20.05.2018).

E.S. Yar'ygina

**Structural, Semantic and Syntactic Functions of Phraseological Constructions
in Argumentative Discourse**

The article deals with phraseological constructions *что толку, что пользы, что про- ку, что нужды*. It is proved that structural and communicative-textual properties, as well as the signs of dialogic conditionality and polysubjectiveness encourage the wide use of the mentioned above constructions in argumentative discourse.

Keywords: argumentative discourse; phraseological sentences; phraseological schemes; question-negative sentences; modal-evaluative meaning.

УДК 811.133.1'373

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.07

**Л.П. Рыжова,
В.Р. Богданова**

Выражение позиции автора в политических газетных текстах (на материале французской прессы)

Статья посвящена анализу политического газетного текста как функционального элемента медийной коммуникации. Рассматриваются языковые средства выразительности, используемые авторами на страницах французских ежедневных газет *Le Monde* и *Le Figaro*. Доказывается, что автор газетного сообщения, используя разнообразные средства выразительности, проявляет свою позицию к сообщаемой политической информации, а также воздействует на политическую картину мира адресата.

Ключевые слова: коммуникация; языковые средства выразительности; политический газетный текст; функция воздействия; авторская позиция.

Современная французская пресса, являясь элементом национальной культуры, отражает динамику средств языкового выражения в ее неразрывной связи с динамикой развития французского общества, различных сторон его социальной, политической и духовной жизни. Язык средств массовой коммуникации, в том числе периодической печати, является действенным источником формирования стереотипов языкового сознания и их преодоления. СМИ политической направленности стали практически неотъемлемой частью жизни каждого человека, так как являются ежедневным источником новостей о происходящих политических событиях в стране и на международной арене.

Т.В. Поздеева, исследуя отношения «адресант – адресат» в политическом газетном дискурсе, обозначает, что текст политической направленности рассматривается «как взаимосвязанное единство трех искусств: информации, убеждения и аргументации» [4: с. 11]. Такой текст представляет собой выражение замысла автора (отправителя) газетного сообщения, который начинает полноценное существование лишь в ситуации общения посредством газетного издания.

Рассуждая об авторской позиции в новостном дискурсе французских печатных СМИ, Л.П. Рыжова отмечает, что «любой газетный текст, имея автора, сохраняет в своей языковой структуре, в большей или меньшей степени, как элементы авторского присутствия и авторской позиции, так и элементы адресации к читателю» [5: с. 451]. Анализируя методы создания и построения текста, Б.Я. Мисонжников пишет, что «создание текста — акт всегда индивидуальный, глубоко личный

и сокровенный. Автор (гораздо реже — авторы) остается один на один с материалом, обдумывает его, подвергает анализу, классифицирует и соответствующим образом излагает» [3: с. 114].

Обратимся к авторитетной французской ежедневной газете *Le Monde*, отражающей на своих страницах политические события во Франции и за рубежом. Как отмечает Л.В. Шарончикова, специалист по исследованию французских СМИ: «Сохраняя глубокий анализ актуальной информации, “Монд”, будучи качественным изданием, стремится привести читателя к пониманию сложных актуальных событий, чтобы помочь ему сделать свой выбор» [7: URL]. Также проанализируем проявление авторской позиции в ежедневной газете *Le Figaro*, которая печатает актуальные материалы политического содержания. Используем онлайн-версии газет.

Характерная особенность политического медийного дискурса — применение журналистами языковых средств выразительности. Согласно мнению специалиста в области современной политической лингвистики А.П. Чудинова, «яркость и неожиданность способов выражения мысли, удачная языковая игра, индивидуальность стиля во многих случаях ценятся даже в большей степени, чем ясность и политическая корректность содержания текста» [6: с. 86]. Авторы преподносят особым образом политическую информацию, задействуя возможности языка и принципы его употребления в целях скрытого воздействия на читателя.

Такие «специальные речевые средства воздействия на чувства и умы людей подразделяются на фигуры и тропы» [Там же]. Наиболее яркими тропами лингвисты считают метафору, эпитет, олицетворение и т. п. «К числу фигур относят антитезу, инверсию, эллипсис, парцелляцию, фонетический, лексический и морфологический повтор, синтаксический параллелизм, риторический вопрос и риторический диалог» [Там же].

Для того чтобы детально рассмотреть, какие средства выразительности встречаются в газетных текстах политической направленности, обратимся к примеру 1 из информационно-аналитической статьи, опубликованной в рубрике *Politique* газеты *Le Monde*. Автор Жерар Куртуа (*Gérard Courtois*), редактор газеты, сообщает о предстоящем понижении налога на богатство, что принесет, по его мнению, выгоду богатым слоям населения, и прогнозирует, как это отразится на развитии экономики. Вместо заголовка риторический вопрос:

1. ISF: *Peut-on faire confiance aux riches?* — Солидарный налог на состояние: Можем ли мы *доверять* богатым? [8: URL] (Здесь и далее перевод и курсив наши. — Л. Р., В. Б.).

Это коммуникативно-функциональный элемент, детерминирующий авторскую позицию: редактор сомневается в действенности данного мероприятия. С точки зрения лингвистической теории аргументации, как отмечает А.Н. Баранов, «важное место среди разнообразных механизмов аргументативного воздействия, использующихся в политическом дискурсе, занимает риторический вопрос как эффективное средство диалогизации монологической

речи» [1: с. 37]. Риторический вопрос вовлекает читателя в авторское рассуждение, делая его более активным. Прибегнув к данному средству выразительности, журналист дает читателю возможность поразмышлять над ситуацией и сделать определенные выводы.

В примере 2 при описании ситуации, сложившейся вокруг солидарного налога на состояние во Франции, употребляется фразеологизм *défendre bec et ongles* (рьяно защищать):

2. Depuis, *défend bec et ongles* par la gauche, allégé aussi discrètement que possible par la droite, l'ISF est l'objet d'une controverse sans fin. — Так, *рьяно защищенный* левыми и, насколько это возможно, облегченный правыми, налог на солидарное состояние является предметом бесконечных споров [8: URL].

Здесь авторская интенция заключается в привлечении внимания читателя за счет эмоциональной окраски высказывания. Фразеологизмы усиливают эффект обратной связи с публикой, позволяют выразить одобрение, или осуждение, или иное отношение к презентуемой автором информации.

В качестве примера приведем заголовок аналитической статьи из рубрики *Figaro Vox*, в которой автор Поль Тибо (*Paul Thibaud*), бывший директором журнала *Esprit*, дает негативную оценку политического поведения французского президента:

3. Emmanuel Macron pourra-t-il vraiment *répondre au mal* français? — Действительно ли Эммануэль Макрон *может ответить за зло*, причиненное французам? [9: URL].

Немаловажным фактором служит личность самого адресанта, которая определяет результат аргументативного воздействия. Согласимся с мнением А.В. Кулешовой, которая, исследуя модальную организацию аналитической статьи, отмечает, что «в аналитической статье автор четко развивает свою концептуальную линию, которая помогает ему разъяснить адресату политическую, экономическую или другую суть ситуации» [2: с. 225]. Используя риторический вопрос в качестве заголовка публикации, автор вовлекает читателя в виртуальный диалог, настраивая его не на получение готового ответа, а на возможность самостоятельно осмыслить ситуацию в поиске истины.

В статье журналист описывает, как новоизбранный французский президент Э. Макрон реагирует на французскую национальную депрессию. При этом употребляет метафору *l'ouragan Macron* («ураган по имени Макрон»), тем самым формирует негативное оценочное отношение к сообщаемой информации. В политическом дискурсе с помощью метафоры реализуется авторская интенция, высказывание наделяется образностью. Метафора помогает лучше оценить, понять и представить сообщаемую политическую информацию.

Пример 4 показывает, как автор газетного сообщения навязывает субъектную оценку негативного характера и устанавливает нужные ассоциативные связи:

4. Si *l'ouragan Macron* soufflé si fort, c'est que le personnage atypique et la stratégie audacieuse qu'il associe contrastent avec un malaise national que son livre-manifeste publié en novembre dernier, *Révolution*, désigne comme «engourdissement général», fermentation de «passionnistes» et même revanchardes, «impression douloureuse d'infidélité à nous-mêmes. — Если ураган по имени Макрон дует настолько сильно, то это из-за того, что атипичный характер и смелая стратегия, которые ему присущи, контрастируют с национальным недоумением и его книжный манифест «Революция», опубликованный в ноябре прошлого года, обозначает «общее онемение», брожение «печальных страстей» и даже месть, «болезненное впечатление от неверности перед самими собой [9: URL].

Проанализировав фрагменты газетных статей политической направленности, приходим к выводу, что политический газетный текст, формирующийся через призму сознания пишущего, представляет особый вид дискурса, влияющий на политическую картину мира читателей. Это напрямую связано с целью публициста — выделить важную информацию, установить контакт с адресатом, привлечь внимание к определенным вопросам. Следует подчеркнуть, что авторская позиция активно проявляется в тот момент, когда делается выбор в пользу тех или иных языковых средств выразительности, позволяющих вступить в диалог с читательской аудиторией.

Библиографический список

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 48 с.
2. Кулешова А.В. Модальная организация аналитической статьи (на материале французской прессы) // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрябиной с междунар. участием (Москва, 16–18 сент. 2015 г.). М.: ГАОУ ВО МГПУ, 2015. С. 225–227.
3. Мисонжников Б.Я. Отражение действительности в тексте // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб.: Знание, 2000. С. 95–124.
4. Поздеева Т.В. Отношения адресант – адресат в политическом газетном дискурсе: концепция взаимодействия и взаимокорреляции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2011. 21 с.
5. Рыжова Л.П. Авторская позиция в новостном дискурсе французских печатных СМИ // Романистика в эпоху полилингвизма: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 19–21 окт. 2017 г.). М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2017. С. 443–452.
6. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2009. 292 с.
7. Шарончикова Л.В. Пресса Франции в условиях финансово-экономического кризиса (2008 г.) [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2010. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1120> (дата обращения: 25.09.2018).

Справочные и информационные издания

8. Официальный сайт французской ежедневной газеты *Le Monde* [Электронный ресурс]. URL: www.lemonde.fr (дата обращения: 13.09.2017).

9. Официальный сайт французской ежедневной газеты *Le Figaro* [Электронный ресурс]. URL: www.lefigaro.fr (дата обращения: 19.06.2017).

References

Literatura

1. *Baranov A.N.* Lingvisticheskaya teoriya argumentacii (kognitivny'j podxod): avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk. M., 1990. 48 s.
2. *Kuleshova A.V.* Modal'naya organizaciya analiticheskoy' stat'i (na materiale francuzskoj' pressy' // Chelovek. Yazy'k. Vremy'a: materialy' XVII konf. Shkoly'-seminara im. L. M. Skrelinoj' s mezhdunar. uchastiem (Moskva, 16–18 sent. 2015 g.). M.: GAOU VO MGPU, 2015. S. 225–227.
3. *Misonzhnikov B.Ya.* Otrazhenie dejstvitel'nosti v tekste // Osnovy' tvorcheskoj' deyatel'nosti zhurnalista / pod red. S.G. Korkonosenko. SPb.: Znanie, 2000. S. 95–124.
4. *Pozdeeva T.V.* Otnosheniya adresant – adresat v politicheskom gazetnom diskurse: koncepciya vzaimodej'stviya i vzaimokorrelyacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Krasnodar, 2011. 21 s.
5. *Ry'zhova L.P.* Avtorskaya poziciya v novostnom diskurse francuzskix pechatny'x SMI // Romanistika v e'poxu polilingvizma: materialy' Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 19–21 okt. 2017 g.). M.: FGBOU VPO MGLU, 2017. S. 443–452.
6. *Chudinov A.P.* Sovremennaya politicheskaya kommunikaciya: ucheb. posobie / otv. red. A.P. Chudinov. Ekaterinburg, 2009. 292 s.
7. *Sharonchikova L.V.* Pressa Francy'i v usloviyax e'konomicheskogo krizisa (2008 g.) [E'lektronny'j resurs] // Mediascope. 2010. Vy'p. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1120> (data obrashheniya: 25.09.2018).

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. Oficial'ny'j sajt francuzskoj' ezhdnevnoj gazety' *Le Monde* [E'lektronny'j resurs]. URL: www.lemonde.fr (data obrashheniya: 13.09.2017).
9. Oficial'ny'j sajt francuzskoj' ezhdnevnoj gazety' *Le Figaro* [E'lektronny'j resurs]. URL: www.lefigaro.fr (data obrashheniya: 19.06.2017).

L.P. Ryzhova,
V.R. Bogdanova

Representation of the Author's Position in Political Newspaper Texts (Based on the French Press)

This article analyzes political newspaper text as a functional element of mass media communication. The article focuses on language expressiveness tools used by the authors on the pages of the French daily newspapers *Le Monde* and *Le Figaro*. It is proved that the author of the newspaper report, using various means of expressiveness, expresses personal opinion concerning the reported political information, and influences the addressee's political views.

Keywords: communication; linguistic means of the expression; political newspaper text; impact function; author's position.

УДК 81'27

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.08

**Е.В. Бирюкова,
Д.Д. Гришина**

Социолингвистический статус группы «русские переселенцы» в Германии

В статье рассматриваются лингвистические и социальные особенности группы русских переселенцев в Германии с учетом исторического фактора. Проводится анализ теоретической литературы по данному вопросу. Освещаются особенности языковой политики немецкого государства по отношению к мигрантам. Намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: русские переселенцы; российские немцы; языковой статус; интеграция мигрантов.

Вопросы лингвистической и социальной интеграции мигрантов являются актуальной проблемой для исследователей в силу нарастания процессов глобализации в современном обществе. Отечественные лингвисты проявляют большой интерес к данной тематике, в частности изучают особенности иммигрантского дискурса [8]. Объектом нашего изучения выступает группа русских переселенцев в Германии.

Для того чтобы определить языковой статус переселенцев, прибывших в Германию из стран бывшего Советского Союза, необходимо понять, какими характерными чертами они обладали в стране первичного пребывания — СССР, а еще ранее — Российской империи. И, кроме того, вопрос языкового статуса данной группы следует рассматривать в тесной связи с языковой политикой государства их местонахождения.

С середины XVII в. начался процесс активного переселения немцев из их родных немецких княжеств в Россию. Немцы, приехавшие по приглашению Екатерины II на основании изданного ей указа 1762 г., участвовали в создании регулярной русской армии, открытии и функционировании ряда учебных заведений, модернизации экономики, развитии российской науки, культуры и сельского хозяйства. Представители немецкого крестьянства были поселены на территории Поволжья, юге России и в Закавказье. Здесь они поначалу сохраняли свой родной, немецкий, язык, у которого в автономной республике был официальный статус.

За долгий период вплоть до нынешних дней эта социокультурная группа пережила разные, по большей части трагические, периоды: голод 20–30-х гг. прошлого века, принудительную депортацию в Сибирь, на Урал, в Казахстан

и Среднюю Азию во время Великой Отечественной войны, запрет на использование немецкого языка, работу в трудовых лагерях [3].

Но вместе с тем российские немцы сохраняли свою островную культуру и свой язык. В местах их проживания языком общения являлся немецкий, точнее, островные немецкие говоры, нижненемецкие и средненемецкие и южнонемецкие диалекты [4, 5]. Диалекты, которые веками формировались в условиях проживания их носителей в иноязычном окружении, при многократном смешении и интенсивном воздействии русского языка.

Предлагается делить островные немецкие говоры на четыре основные группы: 1) украинские, ориентированные на нижненемецкий диалектный ареал (Ploutdietsch), 2) поволжские, ориентированные на западносредненемецкий диалектный ареал, 3) волынские, ориентированные на восточносредненемецкий диалектный ареал, 4) украинские, ориентированные на южнонемецкий диалектный ареал [4: с. 57].

С образованием смешанных браков естественным образом снижался уровень владения немецким языком этой группой населения. Хотя численность российских немцев во второй половине XX в. уже не уменьшалась, даже увеличивалась, с учетом воссоединения семей, образования новых и, так или иначе, улучшения качества жизни.

Немцы России сохранили свою идентичность только благодаря этническим константам и сформированной на их основе этнической картине мира. Рассматривая вслед за О.В. Тимашевой данные константы как бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе социализации этноса, отмечаем, что в национальной культуре они выполняют роль основных механизмов, которые ответственны за психологическую адаптацию исторически сложившейся общности людей к окружающей среде [9: с. 67]. Для российских немцев большое значение имело их отношение к труду, земле, своей культуре и традициям, языку предков. Основными ценностями для них всегда были семья (Familie) [10], родина (Heimat), феномены, обладающие общечеловеческой, национальной значимостью и сыгравшие особую роль в сохранении их языка и культуры.

В конце 80-х гг. прошлого века так называемые российские немцы стали возвращаться на историческую родину, в Германию. Политические преобразования, начавшиеся в Советском Союзе в этот период, которые повлекли за собой глобальные геополитические события и изменили жизнь народов страны, у российских немцев вызвали противоречивые реакции. Однако вскоре большинство приняло решение об эмиграции. Число переселенцев, хлынувших в Германию после ее объединения, по данным Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев, составляло 400 тыс. человек в год. До 1988 г. переезд этнических немцев в ФРГ из СССР был ограничен по политическим соображениям. Позднее, с 1992 г., поток мигрантов уменьшился до 200 тыс. человек в год, затем снижение продолжилось и к 2006 г. составляло уже несколько тысяч человек в год [16]. В настоящее время ввиду упрощения

с 2013 г. процедуры признания статуса позднего переселенца поток приезжающих вновь начал расти, составив в 2016 г. 6500 человек [17].

По данным Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев (das BAMF), в общей сложности с 1950 по 2016 г. в Германии были приняты 4,5 млн (поздних) переселенцев, из них порядка 70 % приехали из стран (бывшего) Советского Союза [16].

Переселенцем, согласно федеральному закону об изгнанных и беженцах, принятому в ФРГ в 1953 г., признается любой человек, родившийся после 1922 г. Переселенец рассматривается германским правительством как претендент на немецкое гражданство, если он или она — потомок одного родителя-немца и признает себя немцем. По закону российские немцы официально не считались иммигрантами, а рассматривались как переселенцы, которые использовали свое конституционное право на возврат в ФРГ [15]. С юридической точки зрения вернувшиеся в Германию до 1993 г. именуются переселенцами (Aussiedler), а приехавшие позже — поздними переселенцами (Spätaussiedler). В исследовательских работах по данной тематике присутствует термин «российские (проще, «русские») немцы» или «немцы России» (Russlanddeutsche).

В Германии переселенцы обязаны при переезде подтвердить определенный уровень владения немецким языком (уровень В1 согласно «Общеввропейской шкале уровней владения иностранным языком» для самих поздних переселенцев и уровень А1 для членов их семей), а литературный немецкий имеет статус официального языка и правовой статус [15, 16].

По причине того что переезжающие в Германию являлись в разной степени носителями устных говоров, практически не сохранив культурных и языковых традиций своих предков, они не могли быстро интегрироваться в немецкое общество. Встал вопрос их социальной и языковой интеграции, национальной самоидентификации, который в языковом плане вызвал много сложностей.

В России они были немцами, а в Германии эта группа влилась в состав мигрантов, для местного населения они русские, по аналогии с языком, на котором по большей части говорят. На них смотрят с недоверием и опаской. После переезда переселенцы попали в социокультурную среду с убеждениями, авторитетами, традициями, обычаями, отличными от тех, к которым они привыкли, сталкиваясь с тем, что их ожидания от смены места жительства во многом не оправдались. Исследователи подчеркивают, что часто это связано как с неверными представлениями о самой стране в целом, так и об образе жизни в другом обществе, т. е. произошло столкновение двух различных культур, двух различных мировоззрений [6].

Для переселенцев изменилось все: от природы и климата до одежды и пищи, от социальных, экономических и психологических отношений с миром и другими людьми до отношений в собственной семье. Самые важные изменения — культурные и языковые: в большинстве случаев другой язык, обычаи, традиции, ритуалы, нормы и ценности. В этом чуждом, непонятном

мире невозможно не почувствовать себя лишним, никому не нужным человеком. За время существования в России немецкие говоры, которые для части переселенцев являлись родным языком, приобрели новые черты, родной язык российских немцев существенно отличается от базовых «внутринемецких» диалектов, существующих в настоящее время на территории ФРГ [4: с. 65].

Как отмечает Г.С. Абрамова, использование определенных лексических единиц, синтаксических структур определяет наличие/отсутствие различий между коммуникантами, а также может служить показателем социально-статусных характеристик говорящего. Происходит определенная кодификация по принципу «свой – чужой» [1: с. 99–100].

Проблемам языковой и социальной интеграции, культурной самоидентификации и идентичности русских переселенцев посвящены труды таких исследователей, как Н. Беренд [11], К. Менг [14], Е. Протасова [14], Х. Ролль [12], Б. Дитц [12, 13], П. Хилькес [13]. Однако не все исследователи принимают во внимание наличие по крайней мере у части переселенцев знаний немецкого языка наряду со свободным владением русским языком. Есть и те, которые всех русских переселенцев, по сути репатриантов, считают иностранцами, для которых изучение немецкого языка начиналось только по приезду в Германию. При этом не учитывается тот факт, что согласно процедуре признания статуса (позднего) переселенца необходимо сдать тест на знание языка или предоставить сертификат, подтверждающий соответствующий уровень владения языком [15]. Н. Беренд подчеркивает, что у данной группы мигрантов, неоднородной по возрастному, языковому, социальному признакам, может наблюдаться целый набор языковых компетенций: владение островным немецким говором (диалектом), литературным немецким (знания из школьной программы) и (или) разговорным русским языком, равно как и литературным русским языком. В качестве примера для иллюстрации данного факта Н. Беренд приводит отрывок из интервью с представительницей группы переселенцев: «...und *des is* auch bei uns jetzt ein bisschen *schwiericht* * zu Hause mit meinem Mann *haw* ich immer Dialekt gesprochen ** und mit *de* Kinder jetzt *anfangen* wollen wir nicht Dialekt anfangen *un bissje* Hoch / Hochdeutsch sprechen ist *bissje* komisch wenn wir *za* Hause Hochdeutsch sprechen und Russisch! ** es ist jetzt so eine Situation *do weißen* wir wissen wir gar nicht wie wir sprechen sollen» [11: S. 93–94] (курсив наш. — Е. Б., Д. Г.). Более грамотный подход к исследованию процесса языковой интеграции русских переселенцев возможен только с учетом данных особенностей.

Как уже было отмечено, русскоязычная часть населения Германии — одна из самых многочисленных и неоднородных по своему составу: помимо российских немцев, существует группа русскоязычных граждан еврейского происхождения из республик бывшего Советского Союза, а также довольно небольшая по сравнению с первыми двумя группа рабочих мигрантов из России, этнических русских. Следовательно, не только у переселенцев, но и у принявшего

их общества возникают проблемы с их интеграцией — социальные, политические, языковые. Это, в свою очередь, влияет не только на процесс языковой интеграции, но и на процессы функционирования собственно немецкого языка (литературного и его диалектных форм) в Германии. Степень взаимозависимости и обоюдного влияния двух процессов видится нам объектом изучения при дальнейшем исследовании.

Исследуя вопрос миноритарных языков, М.А. Смирнова упоминает сопряженные с ним проблемы интерференции и интеграции. Лингвисты говорят о том, что миноритарный язык может развиваться в двух направлениях: быть подверженным постепенному вымиранию под воздействием более сильной лингвистической традиции или мимикрировать таким образом, чтобы обновляться и обогащаться за счет элементов чужого языка [7: с. 105–106].

На территории Российской Федерации также продолжается работа по исследованию и сохранению островных немецких говоров на Алтае, в Сибири и других регионах, где они еще сохранились.

По оценкам отечественных языковедов, сохранившиеся немецкие говоры России уникальны, так как являются почти единственной формой языка, не подвергшейся влиянию литературной нормы [2, 4, 5]. Исследователи подчеркивают необходимость дальнейшего их изучения, особенно в современных условиях, когда происходит быстрое разрушение немецкой этноязыковой общности по причине отъезда немецкого населения из страны. Как следствие, оставшиеся представители этой языковой группы ассимилируются в русскоязычной среде, теряя свою самобытность и двуязычие. Существуют, конечно, общины, немецкие культурные центры, русско-немецкие дома, призванные поддерживать язык и культуру исчезающего национального меньшинства России, но в полной мере справиться с поддержанием именно диалектной, устной формы общения так называемых островных говоров они, разумеется, не могут. Обучаться немецкому языку в школах и языковых центрах имеют возможность все желающие, но преподавание ведется на литературном немецком языке (Hochdeutsch), тогда как исконным для немцев Сибири и Поволжья является их диалект. Больше того, многие считают изучение диалекта бесперспективным. «Клубы любителей диалектов» посещают лишь представители старшего поколения, которых становится все меньше. Эти вопросы напрямую связаны с языковой политикой обеих стран: и в Германии, и в России.

В современной ситуации, в условиях глобализации, интенсивной интеграции всех стран мира, катаклизмов экономического характера и военных конфликтов миграционные процессы нарастают, а сама ситуация в Центральной Европе в целом и в Германии в частности становится интереснейшим объектом для исследования ученых в различных областях, в том числе и социолингвистики. Мигранты справедливо испытывают трудности в процессах лингвистической и социальной интеграции в новое общество. И, безусловно, хотелось бы отметить, что языковая ситуация в Германии в последнее время

претерпевает и будет претерпевать определенные изменения в связи с наплывом мигрантов из стран Восточной Европы, а также арабских стран. Каким образом и в какой мере осуществляется это влияние, предстоит выяснить.

Библиографический список

Литература

1. *Абрамова Г.С.* Роль диалектов в сохранении этнолингвистической самобытности (на примере диалекта кокни) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 1 (9). С. 97–101.
2. *Дятлова В.А.* Сравнительная характеристика морфологических особенностей островных верхненемецких говоров Сибири // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2016. № 2. С. 180–192.
3. Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24–27 авг. 2012 г.) / науч. ред. А.А. Герман. М.: МСНК-пресс, 2013. 720 с.
4. *Москалюк Л.И.* Немецкие «языковые острова» в Алтайском крае // Вопр. языкознания. 2014. № 3. С. 55–66.
5. *Москвина Т.Н.* Методология исследований и описания лексики островных немецких говоров // Преподаватель XXI века. 2016. Т. 2. № 2. С. 310–320.
6. *Ключникова Л.В.* Взаимосвязь социально-психологической адаптации переселенцев и межгруппового восприятия (на примере немцев, выехавших из стран СНГ на постоянное место жительства в Германию): дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. М., 2001. 182 с.
7. *Смирнова М.А.* Германоязычные лингвистические островки на Севере Италии // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 2 (27). С. 103–106.
8. *Собянина В.А., Хохлова И.В.* Исследование метафор предметной сферы «иммиграция» в медийном дискурсе Германии с применением программы MAXQDA // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 112–129.
9. *Тимашева О.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2016. 190 с.
10. *Щеголихина Ю.В.* Концепт FAMILIE в лингвокультуре российских немцев Сибири: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Томск, 2015. 269 с.
11. *Berend N.* Sprache nach der Re-Migration am Beispiel der russischsprachigen Zuwanderung in Deutschland // Thüne E.-M. Betten A. (Hg.): Sprache und Migration. Linguistische Fallstudien. (=Lavori interculturali sul tedesco 4). Roma: Aracne, 2011. S. 89–111.
12. *Dietz B., Roll H.* Jugendliche Aussiedler. Porträt einer Zuwanderergeneration, Frankfurt am Main und New York: Campus Verlag, 1998. 212 S.
13. *Hilkes P., Dietz B., Wroblewska A.* Integriert oder isoliert? Zur Situation russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. München, 2001. 139 S.
14. *Meng K., Protassowa E.* Mehrsprachigkeit und Identität: Vorstellung einer Integrationsarbeiterin // Palander-Collin M., Lenk H., Nevala M., Sihvonen P., Vesalainen M. (Hrsg.): Constructing Identity in Interpersonal Communication. Helsinki: Societe Neophilologique, 2010. S. 277–293.

Интернет-ресурсы

15. Закон об изгнанных и беженцах. Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge (Bundesvertriebenengesetz — BVFG) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bvfg/BJNR002010953.html> (дата обращения: 25.09.2018).

16. Федеральное ведомство по вопросам миграции и беженцев (das BAMF) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bamf.de/DE/Migration/Spaetaussiedler/spaetaussiedler-node.html> (дата обращения: 25.09.2018).

17. Федеральное административное ведомство (Bundesverwaltungsamt, BVA) [Электронный ресурс]. URL: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangeh%C3%B6rigkeit/Aussiedler/Statistik/Jahresstatistik2016.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (дата обращения: 25.09.2018).

References*Literatura*

1. *Abramova G.S.* Rol' dialektov v soxranenii e'tnolingvističeskoj samoby'tnosti (na primere dialekta kokni) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoye obrazovanie». 2012. № 1 (9). S. 97–101.

2. *Dyatlova V.A.* Sravnitel'naya xarakteristika morfologičeskix osobennostej ostrovny'x verxnenemeczkix govorov Sibiri // Ezhegodnik Mezhdunarodnoj asociacii issledovatelej istorii i kultury' rossijskix nemcev. 2016. № 2. S. 180–192.

3. Dva s polovinoj veka s Rossiej (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemcev v Rossiju): materialy' 4-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., (Moskva, 24–27 avg. 2012 g.). / nauch. red. A.A. German. M.: MSNK-press, 2013. 720 s.

4. *Moskalyuk L.I.* Nemeckie «yazy'kovy'e ostrova» v Altajskom krae // Vopr. yazy'koznaniya. 2014. № 3. S. 55–66.

5. *Moskvina T.N.* Metodologiya issledovanij i opisaniya leksiki ostrovny'x nemeckix govorov // Prepodavatel' XXI veka. 2016. T. 2. № 2. S. 310–320.

6. *Klyuchnikova L.V.* Vzaimosvyaz' social'no-psixologičeskoj adaptacii pereselencev i mezhhruppovogo vospriyatiya (na primere nemcev, vy'exavshix iz stran SNG na postoyannoe mesto zhitel'stva v Germaniju): dis. ... kand. psixol. nauk: 19.00.05. M., 2001. 182 s.

7. *Smirnova M.A.* Germanoyazy'chny'e lingvističeskie ostrovki na Severe Italii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 2 (27). S. 103–106.

8. *Sobyanina V.A., Xoxlova I.V.* Issledovanie metafor predmetnoj sfery' «immigraciya» v medijnom diskurse Germanii s primeneniem programmy' MAXQDA // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2018. № 52. S. 112–129.

9. *Timasheva O.V.* Vvedenie v teoriyu mezhhkul'turnoj kommunikacii: ucheb. posobie. 3-e izd., ster. M.: Flinta: Nauka, 2016. 190 s.

10. *Shhegolixina Yu.V.* Koncept FAMILIE v lingvokul'ture rossijskix nemcev Sibiri: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Tomsk, 2015. 269 s.

11. *Berend N.* Sprache nach der Re-Migration am Beispiel der russischsprachigen Zuwanderung in Deutschland // Thüne E.-M. Betten A. (Hg.): Sprache und Migration. Linguistische Fallstudien. (=Lavori interculturali sul tedesco 4). Roma: Aracne, 2011. S. 89–111.

12. *Dietz B., Roll H.* Jugendliche Aussiedler. Porträt einer Zuwanderergeneration, Frankfurt am Main und New York: Campus Verlag, 1998. 212 S.
13. *Hilkes P., Dietz B., Wroblewska A.* Integriert oder isoliert? Zur Situation russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. München, 2001. 139 S.
14. *Meng K., Protassowa E.* Mehrsprachigkeit und Identität: Vorstellung einer Integrationsarbeiterin // Palander-Collin M., Lenk H., Nevala M., Sihvonen P., Vesalainen M. (Hrsg.): *Constructing Identity in Interpersonal Communication*. Helsinki: Societe Neophilologique, 2010. S. 277–293.

Internet-resursy'

15. *Zakon ob izgnanny'x i bezhenczah.* Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge (Bundesvertriebenengesetz — BVFG) [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bvfg/BJNR002010953.html> (data obrashheniya: 25.09.2018).
16. *Federal'noe vedomstvo po voprosam migracii i bezhencev (das BAMF)* [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.bamf.de/DE/Migration/Spaetaussiedler/spaetaussiedler-node.html> (data obrashheniya: 25.09.2018).
17. *Federal'noe administrativnoe vedomstvo (Bundesverwaltungsamt, BVA)* [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.bva.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BVA/Staatsangeh%C3%B6rigkeit/Aussiedler/Statistik/Jahresstatistik2016.pdf?__blob=publicationFile&v=2 rezhim dostupa svobodnyj (data obrashheniya: 25.09.2018).

E.V. Biryukova,

D.D. Grishina

The Sociolinguistic Status of «Russian Immigrants» Group in Germany

The article deals with the linguistic and social peculiarities of Russian immigrants in Germany considering the historical factor. The theoretical literature on the issue being analyzed the article provides an overview of the sociolinguistic status of the group of immigrants under a common name «Russian immigrants». The features of the group language policy are highlighted. There are also prospects outlined for the further investigation.

Keywords: Russian immigrants; Russian Germans; language status; integration of immigrants.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 81.42

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.09

Е.С. Грушевская

**Актуализация субъектного фокуса
как основание интерпретации адресатной
специализации в рекламном дискурсе**

В статье ставится цель — описать дифференцированный характер адресатной специализации в рекламном дискурсе. В связи с этим вводится понятие «субъектный фокус». В эмпирическом аспекте характеризуется механизм фокусирования субъекта (адресант/адресат) в коммуникативном процессе. В теоретическом аспекте определяется принцип субъект-субъектной коммуникации в рекламном дискурсе в стандартной и нестандартной формах.

Ключевые слова: адресант; адресат; приоритетный субъект; субъектный фокус; рекламный дискурс.

В настоящее время в направлении комплексного анализа и описания модели дискурса в целом [5, 7, 11 и др.] актуально изучение отдельных компонентов дискурсивной модели. На базе общей модели дискурса разработаны описания характеристик конкретных его видов. Среди них особое место занимают, в частности, политический, педагогический [6, 10 и др.], рекламный [8, 15–19] виды дискурса. При исследовании собственно рекламного текста и дискурса особое внимание уделяется проблемам эффективности рекламного текста, его манипулятивному аспекту, а также общим и частным вопросам рекламных коммуникаций.

Обзор лингвистической и эмпирической литературы позволяет предполагать, что в области исследования видов дискурса можно говорить о различии в степени актуализации роли адресанта и адресата, в частности, сквозь призму времени [9]. Подобное положение дел обуславливает актуальность изучения специфики и закономерностей реализации роли субъектов коммуникации. Предлагаемый нами подход, основанный на позиции адресатной специализации, приводит к вопросу о приоритетности ролей. Он заключается в следующем: в каком случае тот или иной субъект коммуникации находится в фокусе

коммуникативного процесса. В связи с этим мы вводим понятие «субъектный фокус», вокруг которого происходит организация дискурсивного пространства. В подобном контексте для нас представляют интерес исследуемые в лингвистической литературе близкие понятия «субъект познания» [13] и «языковой субъект» [20].

В обеих концепциях [13, 20] признание первичности мышления относительно языка закономерно выводит субъект познания на первый план. Этим определяется приоритетность исследования когнитивной парадигмы с акцентом на понятие «субъект познания», представленное на эмпирическом, понятийном, субъективном уровнях познания [13]. А.М. Червоный (вслед за А.В. Кравченко), рассматривая категорию «языковой субъект» как «абстрактную ментальную репрезентацию», признает сложную структуру его онтологической сущности, важнейшими компонентами которого являются «субъектные репрезентативы (СР)» — субъекты восприятия, сознания, действия, познания [20]. Как видим, обе концепции характеризуются когнитивным подходом, при этом во второй — предлагается холистическое понимание субъекта. Важным аспектом справедливо считается «организующий элемент» роли субъекта в его актуализации [20]. В ряду перечисленных ипостасей, на наш взгляд, фактор *организующего элемента* представляется краеугольным в плане субъект-субъектной (адресантно-адресатной) коммуникации. Он обуславливает закономерное введение понятия «субъектный фокус» в анализ дискурса. Под субъектным фокусом мы понимаем пространство дислокации акцентного (конситуативного) пребывания того или иного субъекта (адресанта либо адресата) в роли элемента, организующего пространство коммуникации. Холистический (синергетический) принцип обеспечивает баланс взаимодействия компонентов дискурса в данном коммуникативном пространстве.

В область наших исследовательских интересов входят следующие виды дискурса: политический, рекламный, педагогический. В данной работе ограничимся рассмотрением механизма действия субъектного фокуса относительно рекламного дискурса. Последний представляется благодатным полем для исследования расслоения субъектного фокуса, так как пересекается с различными видами дискурса, поскольку современная рекламная индустрия охватывает все сферы человеческой деятельности.

Адресаты рекламного дискурса — активные и пассивные потребители рекламы. Среди активных адресатов назовем потребителей, следящих за рекламой и акциями. Их можно разделить на два класса — рациональные и иррациональные. К первому классу покупателей относятся потребители, бережливые, разборчивые, обращающие внимание на сам товар, а не рекламный слоган, ко второму — неразборчивые покупатели, т. е. шопоголики, жертвы «черной пятницы».

Рекламный дискурс избирателен, имеет четкую адресатную специализацию по цене, качеству, классу предлагаемого товара. Учитывая статус потребителей, он делит их по категориям. Адресатная специализация актуализируется

в существовании соответствующих сетей социальных магазинов, к примеру, таких как «Пятерочка» (рефрен из рекламы «Пятерочка выручает»).

Вкусный и полезный продукт относится к классу дорогих, рождая рекламу в другой сфере, например гастрономического туризма, показывая тем самым интегративный характер дискурсивного пространства. Ее адресаты — гурманы-путешественники, у которых своя «специализация». Морские туры привлекают тех, кому интересен и необходим в целях укрепления здоровья пляжный отдых. Реклама в сфере услуг морского отдыха также дифференцирована. В целом нередки туры, предлагающие шопинг на фоне морского рая и сопутствующих развлечений:

- *Фестивальный шопинг (ярмарка со скидками).*
- Обитаемые острова.
- Кальян на крыше (отеля).
- Город покупок («8 причин поехать в Дубай») [4: с. 75].

Таким образом, адресатная специализация актуализируется опционно, т. е. с учетом групп по интересам, регулируемых социально-психологическим фактором (реклама Билайна: «Яркие решения для бизнеса»; реклама краски «Ореол»: «Уютное решение для вашего дома»).

В классическом представлении субъектный фокус рекламного дискурса фиксирован на адресате — основном компоненте коммуникативной модели. Рекламному дискурсу, как и любому другому виду дискурса, присущи общие и специфические черты. К примеру, *стандартная актуализация* таких признаков, как адресат и хронотоп. Компонент дискурсивной модели «адресат», как правило, эксплицирован такими факторами, как статус, пол, возраст и др.: «Туфли из экзотической змеиной кожи — лучшее доказательство вашего статуса, считает Анна Кузнецова-Миленкова» («Женщина-змея») [4: с. 15]; «Позволить себе одежду от GF Ferre, Kenzo, Moschino или Roberto Cavalli могут не только взрослые. В бутике “Эль Карусель”, где представлены эти бренды, одеваются дети и подростки» («От 0 до 14») [1: с. 33].

В стандартном представлении адресант рекламной индустрии в любой сфере — коллективный субъект, производитель рекламы для конкретной компании, преследующий цель продвинуть товар и получить выгоду. Стандартная актуализация предполагает стандартную реализацию языковых средств в трех аспектах — синтаксическом, семантическом, прагматическом. Наиболее частотно представлен *синтаксический* аспект (параллельные конструкции; риторический вопрос с интригующим фокусом; повтор):

1) «Золотые соблазны в Иль де Ботэ <...> Чем больше покупок — тем больше стильных призов» [2: с. 41];

2) «Почувствовать себя Джеймсом Бондом или принцем Монако, а может быть королем Испании? Такую необычную возможность предоставляет бутик немецкой одежды van Laack» («Стиль успешных») [4: с. 24];

3) «Шикарное мероприятие начинается с шикарного автомобиля» [4: с. 38].

Проанализируем следующий пример:

«Nicolai — одна из немногих марок, управляемая самим парфюмером. Патриция <...> — наследственный парфюмер, она племянница знаменитого Жана-Поля Герлена (1). Ее ароматы вне времени, вне моды, среди них нет ни женских, ни мужских (2) — только звучание парфюмерных композиций (3) и ваш выбор (4)» («Сила аромата») [2: с. 39].

В нем находим позиционирование статуса парфюмера (1), «объективное» описание рекламируемого товара, стратегически выхолащивающего дискурсивные компоненты (хронотоп, социальные роли и др.) (2), а также средоточение внимания на значении «субъектного фокуса» адресата, выраженного в понятии «выбор» (4), который представляется актуализатором ценностного компонента. Таким образом, субъектный фокус переходит от адресанта (1) к адресату (4) сквозь призму объективации, в результате чего в контексте рекламируемого объекта особое значение приобретает эстетическая функция (3). Акцентирование возможности личностного (индивидуального) выбора (4) компенсирует отсутствующую антропоцентричность институционального характера (2). В данном случае адресату предоставляется право выбора, которое подчеркивает отсутствие воздействия на него. Подобный контекст может характеризовать пассивных потребителей рекламы, поневоле оказавшихся в пространстве рекламы, чаще всего отрицательно реагирующих на нее. Вместе с тем часть из них способна оценить грамотную и красивую рекламу. Однако такое положение дел не относится к ситуации воздействия. Подобный адресат — эстет, для которого важна эстетическая (поэтическая) функция. При этом перлокутивный эффект будет представлен лишь созерцательно.

Технология рекламы становится все более изощенной, со всеми ее тактиками и стратегиями и средствами их реализации, включая безграничные возможности языковой игры. При этом необходимо подчеркнуть, что реклама как соответствующий продукт в конечном итоге не всегда эффективно выполняет свою функцию. Речь идет о «минус перлокутивном эффекте». С лингвистической точки зрения формула «усилия = эффекту» необходима, но недостаточна. Современный адресат, несмотря на изощенные информационные технологии, будучи грамотным потребителем, не подвержен бихевиористическому механизму «стимул / соответствующая реакция». Когнитивная составляющая в его картине мира есть непоколебимое основание, которое не так просто разрушить [14]. Принцип самоорганизации, описанный в концепции У. Матураны и Фр. Варелы, по справедливому замечанию К.С. Кардановой-Бирюковой, методологически перспективен, вместе с тем ограничен общефилософским подходом и требует инструментального вмешательства в виде операциональной единицы. Таковым предлагается «рекурсивный шаг, т. е. эволюционный “скачок” в организации самоорганизующейся системы, выводящий ее на новый уровень взаимодействия со средой (позволяющий ей выстраивать более сложную среду и, следовательно, вступать в более сложные отношения с этой

средой)» [12: с. 79]. В нашем случае данный подход представляется продуктивным в отношении возможности актуализации понятия «субъектный фокус».

Говоря о способах воздействия на адресатов, которые ведутся на слухи, необходимо отметить, что они в целом рассчитаны на среднего плохо информированного потребителя. В связи с этим при формировании факторов адресатной специализации адресант вынужден выстроить верный субъектный фокус, который, на наш взгляд, исходно автософокусируется. Речь идет о самофокусировке адресанта, реализуемой, к примеру, посредством тактики самопрезентации. Таким образом, происходит переход от стандартной к нестандартной актуализации языковых средств, исходя из понятия «субъектный фокус».

Нестандартная актуализация языковых средств выражена в комплексной реализации различных аспектов языка. Например: «*Специалисты долго спорили, к какому стилю следует отнести предметы интерьера, которые производит фабрика Lam Lee. Эkleктика? Ар-деко? Сочетание классики и наива? Эти предметы интерьера настолько своеобразны, что кое-кто уже предлагает ввести в учебники для дизайнеров и декораторов новый термин — стиль “лам ли”*» [3: с. 67].

Данный пример характеризует модель языкового синтеза, в которой одновременно явлены синтаксический, семантический, прагматический (*специалисты, кое-кто*) аспекты языка. Серия вопросов (*Эkleктика? Ар-деко? Сочетание классики и наива?*) ведет к совместному поиску ответа на вопросы (*стиль “лам ли”* — одна из возможных дефиниций). В итоге субъекты познания дифференцируются в номинациях по шкале от специалистов до неопределенных адресантов/адресатов («кое-кто»), формально заполняя субъектный фокус интригующей рекламы.

Интрига со стороны адресанта вовлекает адресата в совместный процесс деятельности, начиная с определения стиля, провоцирования интереса к нему, заканчивая, возможно, приобретением какого-либо продукта из этой серии. Понимание приоритетности субъектного фокуса адресанта основано на непосредственной *реализации* стратегии самопрезентации, которая ориентирована на *потенциальное* достижение цели убеждения. Приведем пример актуализации, исходя из прагматического аспекта, когда происходит интерференция фокусов адресанта и адресата с помощью употребления соответствующих приемов (анализ, выявление деталей) и дейктических маркеров («мы», «нашего»). При этом «мы» и «наше» становятся общими маркерами для адресанта и адресата («мое» / «твое»; («наше» / «ваше»: «Вряд ли кто-то, будучи в *вашей* гостиной, начнет рассматривать рисунок обоев. <...> *даже если интерьер очень красив, его воспринимают как единое целое, почти не замечая деталей. Мы хотим* восстановить справедливость и *приглядеться к тому, что обычно ускользает от нашего внимания*» («Части целого») [2: с. 58].

Анализ практического материала позволяет делать вывод о том, что принцип самофокусировки характерен как для адресанта, так и для адресата.

В следующем рекламном тексте рекламный слоган-совет (1) способствует эксплицитации приема «минус реклама» (2). В данном случае стирание адресатности в качестве целевого субъекта в адресантно-адресатной коммуникации не снижает ценности рекламного сообщения, напротив, оно способствует самофокусировке адресата (для себя) с выявлением приоритетного понятия — «комфорт» (3): «Благодаря прекрасным ароматам, мы чувствуем себя красивыми. И совсем не обязательно с помощью духов заявлять о себе “во всеуслышание”. *Ароматами нужно пользоваться прежде всего для себя* (1). <...> *Мы против маркетинговых ходов крупных компаний, которые при релизе нового парфюма четко задают адресат* (2): “подойдет блондинкам” или “понравится вашей маме”. Нет никаких делений на зиму-лето, блондинов-брюнетов. *Главное — чтобы вам было комфортно* (3)» («Химические законы стиля») [2: с. 12].

Обратимся к рекламному тексту, в котором подтверждается приоритет понятия «комфорт», регулирующего соответствующие субъект-субъектные отношения. Субъект, выбирающий комфорт сообразно нестандартным обстоятельствам, организует соответствующее пространство для себя: «Шопинг во время беременности сильно отличается от похода по магазинам в “стандартном” состоянии. В этом на собственном опыте убедилась Елена Брозовская: «Главное отличие — смена адресов в шопинг-листе. Одежда и обувь теперь покупаются не в любимых бутиках, а в специальных магазинах. Второе: если раньше в списке приоритетов на первом месте было “красиво”, а потом уже “удобно”, то теперь *предпочтение безоговорочно отдается комфорту*» («Шопинг на двоих») [1: с. 64].

Таким образом, анализ теоретического и эмпирического материала показывает, что традиционно приоритетным для рекламного дискурса представляется адресат, находящийся в субъектном фокусе (стандартная реализация воздействующей функции). При этом учет адресатной дифференцированности (активные/пассивные адресаты) обуславливает нестандартное разнообразие актуализации субъектного фокуса в субъект-субъектной (адресант – адресат) коммуникации в различных формах. Это нестандартная субъект-субъектная коммуникация, в результате которой:

1) акцентирование возможности личного выбора компенсирует отсутствующую антропоцентричность институционального характера (реализация эстетической функции);

2) субъекты познания дифференцируются в номинациях по шкале от специалистов до неопределенных адресантов/адресатов («кое-кто»);

3) наблюдается явление самофокусировки как адресанта, так и адресата.

Перспектива предпринятого нами подхода направлена на дальнейший анализ актуализации субъектного фокуса как в рекламном дискурсе, так и в других видах дискурса — политическом и педагогическом. Подобный ракурс позволит выявить общие и специфические характеристики субъектного фокуса, а также расширить наше знание относительно реальных и потенциальных возможностей субъектов (адресант/адресат) коммуникации.

Библиографический список

Источники

1. Я покупаю. Shopping guide. Краснодар. Ноябрь. 2008. 264 с.
2. Я покупаю. Shopping guide. Краснодар. Октябрь. 2007. 216 с.
3. Я покупаю. Shopping guide. Краснодар. Сентябрь. 2008. 224 с.
4. Я покупаю. Shopping guide. Краснодар. Февраль. 2009. 104 с.

Литература

5. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. С. 136–137.
6. Баранов А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М., 1990. С. 53–57.
7. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
8. Борисова Е.Г. Прогнозирование результатов воздействия рекламного сообщения // Эффективность массовых коммуникаций: сб. ст. / сост. Е.Г. Борисова. М.: МГПУ, 2011. С. 129–137.
9. Викулова Л.Г., Рянская Э.М. Человек и язык сквозь призму времени (Традиции и новые парадигмы): информац.-аналит. обзор материалов конф. «Человек. Язык. Время» (МГПУ, 16–18 сент. 2015 г.) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 1 (21). С. 131–136.
10. Герасимова С.А. Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект: монография / вступ. ст. О.А. Радченко; отв. ред. Л.Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2014. 143 с.
11. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 65–77.
12. Карданова-Бирюкова К.С. Рекурсивное взаимодействие как основа межличностной коммуникации (на основе анализа стенограммы телепередачи «К барьеру!») // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 2 (12). С. 77–86.
13. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: монография. Тамбов: Тамбовск. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2008. 223 с.
14. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 95–142.
15. Пирогова Ю.К. Уровни воздействия бренд-коммуникаций и эффект синергии // Эффективность массовых коммуникаций: сб. ст. / сост. Е.Г. Борисова. М.: МГПУ, 2011. С. 67–87.
16. Реклама: культурный контекст / общ. ред. Т.Э. Гринберг, М.В. Петрушко. М.: Эксмо, 2004. 219 с.
17. Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
18. Рекламный текст, семиотика и лингвистика / под ред. Ю.К. Пироговой, П.Б. Паршина. М.: Изд. дом Гребенникова, 2000. 268 с.
19. Ухова Л.В. Эффективность рекламного текста // Вестник Костромского университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 1. С. 69–78.

20. Червоний А.М. Функциональная динамика категории «языковой субъект» (на материале французского языка): монография. Ростов н/Д.: Южный фед. ун-т, 2014. 368 с.

References

Istochniki

1. Ya pokupayu. Shopping guide. Krasnodar. Noyabr'. 2008. 264 s.
2. Ya pokupayu. Shopping guide. Krasnodar. Oktyabr'. 2007. 216 s.
3. Ya pokupayu. Shopping guide. Krasnodar. Sentyabr'. 2008. 224 s.
4. Ya pokupayu. Shopping guide. Krasnodar. Fevral'. 2009. 104 s.

Literatura

5. Arutyunova N.D. Diskurs // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / pod red. V.N. Yarcevoj. M., 1990. S. 136–137.
6. Baranov A.N. Politicheskaja argumentaciya i cennostny'e struktury' obshhestvennogo soznaniya // Yazyk i social'noe poznanie. M., 1990. 213 s.
7. Borbot'ko V.G. Principy' formirovaniya diskursa: Ot psixolingvistiki k lingvosi-nergetike. M.: KomKniga, 2006. 288 s.
8. Borisova E.G. Prognozirovaniye rezul'tatov vozdejstviya reklamnogo soobshhe-niya // E'ffektivnost' massovy'x kommunikacij: sb. st. / sost. E.G. Borisova. M.: MGPU, 2011. S. 129–137.
9. Vikulova L.G., Ryanskaya E'.M. Chelovek i yazyk skvoz' prizmu vremeni (Tradicii i novy'e paradigmy'): informac.-analitich. obzor materialov konf. «Chelovek. Yazyk. Vremya» (MGPU, 16–18 sent. 2015 g.) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». 2016. № 1 (21). S. 131–136.
10. Gerasimova S.A. Uchebno-didakticheskij tekst v pedagogicheskoy kommunikacii: lingvopragmaticheskij aspekt: monografiya / vstup. st. O.A. Radchenko; otv. red. L.G. Vikulova. M.: Tezaurus, 2014. 143 s.
11. Karasik V.I. O tipax diskursa // Yazykovaya lichnost': institucional'ny'j i personal'ny'j diskurs: sb. nauch. tr. Volgograd, 2000. S. 65–77.
12. Kardanova-Biryukova K.S. Rekursivnoe vzaimodejstvie kak osnova mezhlchnostnoj kommunikacii (na osnove analiza stenogrammy' teleperedachi «K bar'eru!») // Vestnik MGPU Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». 2013. № 2 (12). S. 77–86.
13. Magirovskaja O.V. Rerezentaciya sub'ekta poznaniya v yazyke: monografiya. Tambov: Tambovsk. gos. un-t im. G.R. Derzhavina, 2008. 223 s.
14. Maturana U. Biologiya poznaniya // Yazyk i intellekt. M.: Progress, 1996. S. 95–142.
15. Pirogova Yu.K. Urovni vozdejstviya brend-kommunikacii i e'ffekt sinergii // E'ffektivnost' massovy'x kommunikacij: sb. st. / sost. E.G. Borisova. M.: MGPU, 2011. S. 67–87.
16. Reklama: kul'turny'j kontekst / obshh. red. T.E'. Grinberg, M.V. Petrushko. M.: E'ksmo, 2004. 219 s.
17. Reklamny'j tekst, semiotika i lingvistika / pod red. Yu.K. Pirogovej, P.B. Parshina. M.: Izd. dom Grebennikova, 2000. 268 s.
18. Reklamny'j diskurs i reklamny'j tekst: kollektivnaya monografiya / nauch. red. T.N. Kolokol'ceva. M.: Flinta: Nauka, 2011. 296 s.

19. *Uxova L.V.* E'ffektivnost' reklamnogo teksta // Vestnik Kostromskogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2010. № 1. S. 69–78.
20. *Chervony'j A.M.* Funkcional'naya dinamika kategorii «yazy'kovej sub''ekt» (na materiale francuzskogo yazy'ka): monografiya. Rostov n/D.: Yuzhny'j fed. un-t, 2014. 368 s.

E.S. Grushevskaya

**Actualization of Subject Focus as the Basis for Interpretation
of Address Specialization in Advertising Discourse**

The goal of the article is to describe the differentiated nature of address specialization in the advertising discourse. In this connection, the concept of «subject focus» is introduced. In the empirical aspect — the mechanism of focusing of the subject (addressee / addressee) in the communicative process is characterized. In the theoretical aspect — the principle of subject-subject communication is defined in the advertising discourse in standard and non-standard forms.

Keywords: addresser; addressee; priority subject; subjective focus; advertising discourse.

УДК 811.133.1'373

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.10

Л.М. Бузинова

Фразеологические особенности французской педагогической коммуникации

Статья посвящена описанию специфики французского педагогического дискурса на уровне фразеологического состава. Дается определение профессионально-педагогического (академического) дискурса, который формируется в рамках институциональных дискурсов различного типа. Фразеолоксикон дидактической коммуникации рассматривается как корпус установочных положений, отражающих задачи преподавателя. Выделяются параметры педагогической коммуникации, среди которых ключевыми выступают эгалитаризм и элитизм.

Ключевые слова: фразеология; академический дискурс; коммуникативное поведение; эгалитаризм; элитизм.

Эпоха интенсификации интерперсональных и межкультурных отношений, новые реалии современной жизни делают необходимым изучение поведения людей, работающих в сфере образования, существенным элементом которого является подготовка обучающихся к эффективному речевому общению. Одним из важнейших способов изучения современной коммуникации является анализ дискурсной личности профессионального педагога, носителя высококультурных принципов межличностного взаимодействия, мировоззренческих подходов к системе отношений между партнерами по коммуникации [1, 8, 10].

Понятие профессионально-педагогического дискурса (коммуникации) релевантно для нашего исследования, так как оно позволяет рассматривать речевые манифестации преподавателя в совокупности с экстралингвистическими факторами: прагматическими, социокультурными, психологическими, а также другими причинами, определяющими способ реализации в нем иллокутивной цели адресанта [2].

В современном научном сообществе существует относительный разнобой в подходах к определению дискурса. Подобное происходит и в области определения профессионально-педагогического дискурса (далее — ППД). Приведем наиболее значимые трактовки данного понятия:

1. «Объективно существующая динамическая система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса, функционирующая в образовательной среде. Она включает в себя участников дискурса, педагогические цели, ценности и содержательную составляющую» [11: с. 3–4]. В данном случае ППД трактуется как *система комплексной коммуникации в профессиональной среде*.

2. Анализ дискурса используется как метод для изучения педагогического общения. Авторы данного подхода определяют предмет исследования как «лингвистический аспект взаимодействия учителя и ученика» (на уроке в классе). Изучение феномена подобного взаимодействия включает в себя такие аспекты, как цель, участники, образовательная среда, содержательная составляющая, условия общения, стилистическая специфика педагогического взаимодействия [13: с. 141].

3. Педагогический дискурс как частный случай *институционального дискурса*. В рамках данного подхода выдвигается тезис о том, что участниками институционального общения могут быть незнакомые друг с другом люди, но обязательным условием является соблюдение ими норм поведения в данном социуме. Ядром институционального дискурса является, по мнению данного автора, общение базовой пары участников коммуникации — *учителя и ученика*, врача и пациента, журналиста и читателя и т. д. Кроме того, институциональное общение имеет четко сформулированную цель и осуществляется *в прототипном месте* (храм, школа, стадион и т. д.) [4: с. 195].

Многие ученые рассматривают педагогический дискурс в качестве объекта частной теоретической и учебной дисциплины «педагогическая риторика» и «обучение и воспитание в профессиональной и образовательной деятельности» [6: с. 171].

Предлагается использовать термин «академический дискурс», параметры которого в большей степени соответствуют преподавательской деятельности в высшей школе. По мысли Л.В. Куликовой, академический дискурс выступает как «нормативно организованное речевое взаимодействие, обладающее как лингвистическим, так и экстралингвистическими планами, использующее определенную систему профессионально ориентированных знаков, учитывающее статусно ролевые характеристики основных участников общения (ученых как исследователей и/или преподавателей, а также студентов в сфере университетского образования), интерпретируемое как культурно маркированная система коммуникации» [5: с. 297]. Предлагается употреблять наименование «академический дискурс» как синоним термина «профессионально-педагогический дискурс».

Выявление особенностей дискурса данного типа представляет собой широкое поле для лингвистических исследований, особенно в русле выявления коммуникативно-прагматических характеристик языковой личности коммуниканта. Языковая личность преподавателя выступает не только носителем национальных признаков коммуникации, но и активным участником формирования дискурсных условий данного вида общения [3, 7].

Далее речь пойдет о французских преподавателях, коммуникативный имидж которых отличается не только разнообразием своих проявлений, но и набором строгих условностей, от которых зависит эффективность профессиональной интеракции.

Изучение арсенала дидактических средств, наиболее ярко отражающих национальные особенности языковой личности французского преподавателя, представляется важным в связи с целесообразностью адекватного понимания ментальности представителей данной лингвокультуры [9].

Лексикон дидактической коммуникации рассматривается как корпус установочных положений, отражающих педагогические и предметные задачи преподавателя. Основная часть данных положений содержится в документах Министерства национального образования Франции, размещенных на официальном сайте [12, 14].

Совокупность правил дидактического воздействия можно разделить на четыре подгруппы: студент, преподаватель, методика обучения дисциплине, форма работы.

Рассмотрим каждую из подгрупп в целях выявления типологии средств выражения, которые формируются с учетом дидактических задач [Ibid.].

1. Студент.

К основным дидактическим установкам, направленным на обучающегося, можно отнести содержание следующих слоганов из глоссариев-руководств для учителей:

Apprendre engage tout l'être / Engager l'apprenant tout entier dans le processus d'apprentissage, dans l'acte «d'apprendre» / Il convient de vérifier d'abord pour éviter surprises et difficulté / Approfondir les connaissances déjà acquises / Apprendre à ne pas bloquer sur des mots inconnus, les apprenants doivent accepter de ne pas tout comprendre / Faire le point des connaissances et des lacunes: prendre conscience de ce que l'on a acquis et donner des pistes pour réviser les actes de parole et la grammaire / Les apprenants sont invités à faire une autoévaluation en fin de parcours (Обучение задействует все человеческое существо / Вовлекай обучаемого полностью в процесс обучения в акт «узнавания» / Проверь материал первым, чтобы избежать сюрпризов и трудностей / Углублять имеющиеся знания / Обучать не блокироваться на неизвестных словах, учащиеся должны принимать факт неполного понимания / Подытоживать знания и недостатки: быть в курсе того, что приобретается, и давать ключи к проверке актов речи и грамматики / Учащимся предлагается провести самооценку в конце курса).

В приведенных формулировках вербализуется следующая концептуальная информация, на базе которой моделируется образ идеального ученика: цельность личности обучающегося, полная вовлеченность в учебный процесс, профилактика полученных знаний, психологическая раскрепощенность, самоучет, самоконтроль, самооценка умений и навыков.

2. Преподаватель.

К наиболее частотным дидактическим установкам для учителя можно отнести следующие рекомендации:

Il faut mieux connaître les différents profils d'apprenants et les stratégies d'apprentissage qui leur conviennent / Contribuer à l'autonomisation des apprenants / Enrichir les représentations culturelles des manuels tout en introduisant dans la classe

une pluralité de points de vue / Mettez les élèves dans des situations du quotidien / Faites le point du savoir de toute la classe / Les élèves peuvent s'intéresser à tous les sujets de société, pourvu qu'on trouve l'angle d'attaque pour les y amener / Permettre aux individus de s'impliquer activement dans les tâches qu'ils ont à effectuer / Donner aux élèves la possibilité d'être actifs et de s'exprimer pour qu'ils construisent eux mêmes leurs savoirs (Мы должны лучше понять различные профили учащихся и стратегии обучения, которые их устраивают / Содействовать расширению прав и возможностей учащихся / Обогащать культурные репрезентации учебников, предлагая классу множество точек зрения / Помещать обучающегося в повседневные ситуации / Использовать запас знаний всего класса / Студенты могут быть заинтересованы во всех темах общества при условии, что мы находим нужный угол зрения / Вовлекайте учащихся в решение задач, которые они должны выполнять / Дайте студентам возможность быть активными и выразить себя, чтобы они могли сами строить свои знания).

Как видим, дидактическое поведение учителя формируется на основе следующих принципов: дифференцированного подхода к обучению, когнитивной автономии, множественности точек зрения, погруженности в реалии окружающей жизни, инновационности методики, учета достижений научно-технического прогресса и др.

3. Методика обучения дисциплине.

Следующие формулировки содержат методические указания для соответствующего обеспечения учебного процесса:

Travailler en tandem, en binôme(s), en groupe(s), par deux, par paires, en groupe-classe / Proposer une activité de découverte, de systématisation / Disposer d'une multiplicité d'outils pour aider l'apprenant / Une grande variété de démarches pédagogiques / La mise en place des situations-problèmes favorise l'appropriation des savoirs / Une approche intégrative qui ne privilégie pas un média par rapport à un autre / Développer des stratégies de compréhension partielle grâce à un éventail de documents authentiques / Permettre de collecter les savoirs déjà constitués et aider à l'émergence de pratiques novatrices / Effectuer une synthèse collective des résultats de chaque groupe (Работа в тандеме, в парах, группах / Предлагать виды деятельности, связанные с открытием и систематизацией / Располагать множеством средств, чтобы помочь ученику / Обладать широким спектром учебно-методических подходов / Решение проблемных ситуаций способствует приобретению знаний / Интегративный подход без приоритетов того или иного средства (среды) / Развивать стратегии частичного понимания через использование аутентичных (подлинных) документов / Помогать систематизации уже накопленных знаний и помогать выявлению инновационных практик / Создавать коллективное резюме результатов каждой группы).

Тезисно все методические установки в самом общем виде сводятся к следующим позициям: работать в различных интерперсональных форматах, использовать эвристические способы усвоения знаний и навыков, разнообразить учебную литературу, использовать аутентичные материалы, сочетать обучающие и гедонистические подходы к обучению, развивать и совершенствовать лингвистические и социокультурные компетенции.

4. Формы работы.

Учитель обязан применять определенные формы обучения в образовательном процессе, отраженные в нижеследующих формулировках:

Répartissez la classe en petits groupes et attribuez à chacun, par tirage au sort à l'aide de petits papiers, un de quatre thèmes suivants / Distribuez le texte à vos élèves et faites les travailler par équipes en confiant à chacune d'entre elles une strophe avec pour objectif de formuler les impressions, les images perçues à la lecture et à la découverte personnelle de cette strophe / Un premier groupe présente ses résultats et les autres groupes complètent les informations reçues (Разделите класс на небольшие группы и по жребию каждой группе дайте одну из четырех тем / Распределите текст среди учеников и мотивируйте их на работу в команде, предоставляя каждой из них одну строфу с целью сформулировать впечатления, образы, воспринимаемые при чтении, побуждая к личным открытиям данного стиха / Первая группа представляет результаты, а другие группы дополняют полученную информацию).

Данные рекомендации касаются лишь одного вида работы — усвоения тематической информации (на основе впечатлений от текста) и способов ее синтеза. Даже небольшой объем установочных высказываний позволяет составить представление о технике работы французского преподавателя.

Вышеприведенные элементы дискурса служат основанием для формирования дидактической фразеологии. Следует отметить, что «фразеология» и «фразеологизм» — однокоренные слова, но означают они не совсем одно и то же. В «Новом толковом словообразовательном словаре русского языка» термин «фразеологизм» определяется следующим образом: «Фразеология, ж. 1. Совокупность фразеологизмов, свойственных какому-л. языку. 2. Раздел языкознания, занимающийся изучением фразеологизмов. 3. Совокупность приемов словесного выражения, свойственных какому-л. лицу, литературному направлению и т. п. 4. перен. разг. Красивые и напыщенные фразы, скрывающие бедность или лживость содержания; фразерство» [3: URL]. Мы предлагаем трактовать термин «фразеология дидактической коммуникации» как *совокупность приемов словесного выражения, свойственных педагогу, а также способы описания* данной области человеческой деятельности.

Перейдем непосредственно к представлению фразеологических единиц, используемых в педагогической коммуникации, которые отличаются определенной спецификой структурно-семантических признаков.

В процессе исследования языка французского лингводидактического дискурса были выделены следующие наиболее яркие фразеологизмы и образные выражения: *mettre à la porte* («выставить за дверь»); *briller par son absence, même lors qu'on est présent en cours* («блистать своим отсутствием даже когда находишься на занятиях»); *la roue tourne mais le hamster est mort* («колесо крутится, но хомяк сдох»); *se laisser couler sur sa chaise comme un fromage au soleil* («стекать по стулу, как сыр на солнце»); *Lucas a touché le fond et a commencé à creuser* («Люка достиг дна и начал копать дальше»); *un merveilleux bouquet*

d'émotions («прекрасный букет эмоций»); dans le jardin des sites Internet («в саду сайтов Интернета»); côtoyer le beau, l'utile et l'agréable («граничить с прекрасным, полезным и приятным»).

Приведенные обороты показывают, что наряду с чисто профессиональной терминологией французский педагогический дискурс использует иные пласты тематической лексики и стилистических регистров, не выходя тем не менее за пределы нормативных словарей.

Как видим, французский преподавательский мир (в идеальных репрезентациях) ценит профессионализм, целесообразность, рациональность, проективную коммуникацию (способность поставить себя на место другого), моральные качества, креативность. При этом предпочтение отдается практическому опыту, профессиональным качествам, приобретаемым на личном опыте и в непосредственном участии в процессе педагогической деятельности. По сути дела, вышеприведенные высказывания можно трактовать в качестве концептуального основания профессионально-морального кодекса французского преподавателя.

Таким образом, фразеология французской дидактической коммуникации отличается рядом специфических черт, среди которых можно выделить следующие элементы: прагматическую целенаправленность, профессионально-этические приоритеты, активное восприятие собеседника, профессиональную деонтологию, креативность. С одной стороны, во фразеологическом узусе французов превалирует стилистически нейтральный регистр и относительно невысокая степень идиоматичности, с другой — стилистический регистр межличностного общения французских преподавателей характеризуется достаточно большим и разнообразным арсеналом приемов.

Перспективы исследования видятся в изучении академического дискурса на уровне всего комплекса языковых средств в рамках стереотипных сценариев коммуникации на материале разнотипных языков.

Библиографический список

Литература

1. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.
2. Воробьев В.В. Языковая личность и национальная идея // Народное образование. № 5. 1998. С. 25–30.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 14.10.2018).
4. Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография. Волгоград: Парадигма, 2017. 462 с.
5. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. Красноярск: Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2006. 392 с.

6. *Михальская А.К.* Педагогическая риторика // Речевое общение: специализированный вестник / Красноярск. гос. ун-т.; под. ред. А.П. Сквородникова. Вып. 8–9 (16–17). Красноярск, 2006. С. 170–173.
7. *Седых А.П.* Национальная литература и коммуникативная культура нации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 16–20.
8. *Седых А.П., Быканова М.С.* Языковая личность музыканта: Александр Скрябин, Клод Дебюсси: монография. Белгород: Белгород, 2016. 156 с.
9. *Тарева Е.Г.* Развитие лингвообразовательных практик: оптимистичная проекция // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 2. С. 75–85.
10. *Трунова О.В., Бубнова И.А.* Язык как показатель социального статуса и фактор национальной идентичности // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 1 (25). С. 62–71.
11. *Шендрик И.Г.* Образовательное пространство субъекта и его проектирование. М.: АПКИПРО, 2003. 97 с.
12. *Blagues et humour de profs* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perlesdeprofs.com/?page=156> (дата обращения: 01.10.2018).
13. *Coulthard M.* An Introduction to Discourse Analysis. London, 1977. 256 p.
14. *Ministère de l'éducation nationale* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.education.gouv.fr> (дата обращения: 01.10.2018).

References

Literatura

1. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55–63.
2. *Vorob'ev V.V.* Yazy'kovaya lichnost' i nacional'naya ideya // Narodnoe obrazovanie. 1998. № 5. S. 25–30.
3. *Efremova T.F.* Novy'j slovar' russkogo yazy'ka. Tolkovo-slovoobrazovatel'ny'j. M.: Rus. yaz., 2000.
4. *Karasik V.I.* Yazy'kovoju krug: lichnost', koncepty', diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 476 s.
5. *Kulikova L.V.* Kommunikativny'j stil' v mezhhkul'turnoj paradigme: monografiya. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2006. 392 s.
6. *Mixal'skaya A.K.* Pedagogicheskaya ritorika // Rechevoe obshhenie: specializirovanny'j vestnik / Krasnoyarsk. gos. un-t.; pod. red. A.P. Skvorodnikova. Vy'p. 8–9 (16–17). Krasnoyarsk, 2006. S. 170–173.
7. *Sedy'x A.P.* Naczial'naya literatura i kommunikativnaya kul'tura nacii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 16–20.
8. *Sedy'x A.P., By'kanova M.S.* Yazy'kovay alichnost' muzy'kanta: Aleksandr Skryabin, Klod Debyussi: monografiya. Belgorod: Belgorod, 2016. 156 s.
9. *Tareva E.G.* Razvitie lingvoobrazovatel'ny'x praktik: optimistichnaya proekciya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 2. S. 75–85.

10. *Trunova O.V., Bubnova I.A.* Yazy'k kak pokazatel' soczial'nogo statusa i faktor nacional'noj identichnosti // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2017. № 1 (25). S. 62–71.
11. *Shendrik I.G.* Obrazovatel'noe prostranstvo sub'ekta i ego proektirovanie. M.: APKiPRO, 2003. 97 s.
12. Blagues et humour de profs [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.perlesdeprofs.com/?page=156> (data obrashheniya: 01.10.2018).
13. *Coulthard M.* An Introduction to Discourse Analysis. London, 1977. 256 p.
14. Ministère de l'éducation nationale [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.education.gouv.fr> (data obrashheniya: 01.10.2018).

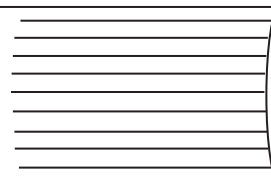
L.M. Buzinova

Phraseological Features of French Pedagogical Communication

The paper focuses on the description of the features of the French pedagogical discourse at phraseological level. There is also a definition of professional-pedagogical (academic) discourse, which is formed within the framework of institutional discourses of various types. The phraseological lexicon of didactic communication is viewed as a corpus of the regulations that reflect the teacher's tasks. The parameters of pedagogical communication are singled out, among which the key ones are egalitarianism and elitism. Prospects for the research associated with the isolation of the integration features of academic discourse within interlingual approach are also identified.

Keywords: phraseology; academic discourse; communicative behavior; egalitarianism; elitism.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

УДК 378.147

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.11

Н.Н. Гавриленко

**Особенности поэтапной подготовки
отраслевых переводчиков**

В статье представлена модель формирования переводческой компетентности у студентов/выпускников неязыковых вузов. Выделены ключевые компетентности отраслевого переводчика — межкультурная коммуникативная, специальная, социальная, личностная и цифровая. Обозначены четыре основных этапа обучения, ориентированных на решение ключевых задач, которые легли в основу разработанных учебных модулей.

Ключевые слова: отраслевой переводчик; ключевые компетентности переводчика; модель обучения.

Введение

Долгое время в России готовили переводчиков в нескольких лингвистических вузах или на лингвистических факультетах. Это были переводчики-генералисты, которые затем специализировались в различных типах и видах перевода. В настоящее время анализ деятельности Бюро переводов в России и за рубежом показывает постоянный рост потребностей в отраслевом/специальном переводе, расширение спектра переводческих специальностей и появление таких, как руководитель проекта, переводчик-локализатор, переводчик-терминолог и др. Со стремительным развитием информационных технологий данная профессия претерпевает значительные изменения и, соответственно, требует новых подходов к подготовке переводчиков. В конце прошлого столетия Министерством образования РФ была утверждена дополнительная Программа по подготовке студентов/выпускников неязыковых вузов и факультетов к деятельности переводчика в сфере профессиональной коммуникации, рассчитанная на 1500 ч. Такой подход позволил неязыковым вузам давать выпускникам дополнительную квалификацию, готовить переводчиков, специализирующихся в переводе текстов в определенной области знаний.

Ключевые компетентности отраслевого переводчика

Сегодня главным критерием профессионализма выступает профессиональная компетентность. Исследователями перевода как в России, так и за рубежом выделяется большое количество компетенций, которыми должен обладать переводчик [4, 8, 14]. Многие из них имеют различные названия, но по сути представляют одни и те же понятия. Сформировать все компетенции в рамках обучения по переводческим программам весьма затруднительно. Такая дробность компонентного состава переводческой компетентности и отсутствие единого подхода к ее анализу обусловили необходимость теоретически обосновать выделение базовых компетентностей для специальности *отраслевой переводчик*. Под ключевыми будем понимать обобщенно сформулированные основные компетентности, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность человека в социуме [2: с. 26], в нашем случае в профессиональной переводческой среде.

Основанием для выделения ключевых компетентностей отраслевого переводчика послужили теоретические положения, сформулированные в работах российских психологов и переводоведов:

- профессиональная компетентность включает в себя ряд составляющих, соотнесенных с различными сторонами труда [3];
- переводчик обеспечивает межкультурное общение [6];
- все компетентности социальные, они вырабатываются, формируются и проявляются в социуме [2];
- формирование профессионала связано с формированием его профессионально важных качеств личности [3].

Данные положения позволили подробно рассмотреть профессиональную компетентность отраслевого переводчика с позиции *межкультурного общения, собственно профессиональных действий переводчика, профессиональной переводческой среды и личности самого переводчика*, а также систематизировать состав данной компетентности [13].

Проведенный анализ позволил выделить пять ключевых компетентностей отраслевого переводчика:

- *межкультурная коммуникативная компетентность* — готовность и способность (в соответствии с социальными и культурными нормами общения в профессиональной сфере) понимать высказывания на иностранном языке и создавать на русском языке на основании понятого смысла устные или письменные высказывания;
- *специальная компетентность* — готовность и способность выполнять на высоком уровне труд переводчика, владение переводчиком соответствующими знаниями и умениями в области перевода и определенной отрасли и способность проектировать свое дальнейшее развитие;
- *социальная компетентность* — владение совместной профессиональной деятельностью переводчика, приемами профессионального обще-

ния, принятыми в данной профессии, социальная ответственность за результаты своего труда и т. д.;

- *личностная компетентность* — обладание соответствующими профессионально важными для выполнения деятельности отраслевого переводчика качествами личности;
- *цифровая компетентность* — готовность и способность эффективно, критично, ответственно и безопасно выбирать и применять информационные технологии на всех этапах своей профессиональной деятельности.

Это открытая структура: выделяемые исследователями компетенции переводчика могут быть распределены по ключевым компетентностям, что позволяет их систематизировать и избежать излишней дробности и синонимичности. Данный состав может изменяться и дополняться по мере дальнейшей разработки важных для настоящей профессии аспектов. При этом необходимо учитывать, что компонентный состав выделенных ключевых компетентностей будет меняться в зависимости от того, какой перевод выполняется: устный или письменный, художественный или специальный. Выявление данных компетентностей, безусловно, обеспечит эффективность контроля и оценки качества подготовки переводчика [5].

Поэтапное формирование переводческой компетентности

Анализируя переводческую компетентность, переводоведы отмечают, что это особое переводческое владение двумя языками, и выделяют рецептивное владение иностранным языком и репродуктивное владение родным языком перевода [7, 8, 10, 11 и др.]. При компетентностном подходе обучение переводу предполагает взаимосвязь и взаимодействие личностного и деятельностного компонентов. Деятельность переводчика, как и любая профессиональная деятельность, осуществляется в социальном контексте, что обуславливает в соответствии с деятельностным подходом к обучению необходимость формировать компетентность переводчика последовательно в процессе выполнения стоящих перед ним задач [1]. Такой подход предполагает при обучении переводу в рамках информационной платформы использовать позадачный подход, выделяя макро- и микрозадачи. Решение макрозадач происходит в социальном контексте, что позволяет создать предпосылки к общению и взаимодействию с другими участниками учебного процесса, приближая его к реальному профессиональному общению. Решение микрозадач представляет собой отработку необходимых операций и протекает более автономно и индивидуально [9: с. 84].

Проведенный анализ исследований и наблюдение за деятельностью отраслевых переводчиков позволили представить последовательность решаемых им задач. Следует отметить, что в деятельности профессионального переводчика

будут присутствовать не все задачи, однако предложенный алгоритм профессиональных действий позволяет последовательно и логично знакомить с ними студентов, предъявлять учебные материалы, использовать разнообразные методические приемы формирования переводческой компетентности.

Необходимость методической организации процесса обучения обусловила распределение выделенных переводческих задач в рамках четырех этапов обучения:

- *профессионально ориентирующего этапа*, на котором студенты знакомятся с такими задачами, как поиск работы, получение от заказчика текста перевода, подготовка словарей, справочной литературы к предстоящему переводу;
- *аналитического этапа*, на котором студенты учатся понимать и интерпретировать исходный текст, осуществляя информационно-справочный поиск и анализ исходного текста с дискурсивных позиций, и вырабатывать стратегию предстоящего перевода;
- *синтезирующего этапа*, на котором студенты учатся проводить терминологический поиск, подбирать соответствия, используя переводческие приемы, и создавать текст перевода, опираясь на образ понятого иноязычного текста на аналитическом этапе;
- *корректирующего этапа*, на котором студенты учатся проверять сделанный перевод, проводить его коррекцию, редактировать и сдавать переведенный текст заказчику [13].

Деятельность переводчика протекает в определенном контексте, в котором сегодня тесно переплетаются профессиональная, социальная и информационная составляющие. Во многом профессиональная деятельность переводчика обусловлена социальными сетями, которые служат регламентирующим фактором в различных сферах общения, и теми цифровыми технологиями, которые он использует в своей деятельности. Поэтому для исследователей перевода становится важным вопрос осмысления данного процесса с современных междисциплинарных позиций, которые позволили бы объяснить стремительно меняющийся мир, спрогнозировать развитие переводческой деятельности, появление новых специальностей.

Сетевой подход к формированию переводческой компетентности

Возможность такого осмысления предоставляет сетевой подход, который позволяет рассматривать современное общество с позиции сетевых структур. По мнению ученых, сетевой подход зародился в результате информационной связи социального пространства с глобальной сетью Интернет, что повлекло за собой появление нового стиля мышления. Анализируя данный подход с философских позиций, исследователи полагают, что наука в ближайшие

десятилетия будет двигаться от систем и процессов в естествознании, что характерно для биологических или гуманитарных наук, к человеку и обществу, к человекомерным системам, рассматривая связи, совокупность которых и представляет собой Сеть [12].

Такое понятие сети дает возможность по-новому моделировать процесс обучения переводу. Например, рассматривать его с точки зрения информатики и социологии, создавая новое образовательное пространство. К сожалению, в настоящее время исследователи не пришли к единому определению Сети в обучении. Часто под данным термином понимают доступные в Интернете учебники, видеолекции, презентации и т. д. Однако при этом исключается главный признак Сети — взаимодействие, интерактивность. В нашем случае мы будем понимать под *сетевой моделью обучения переводу опосредованное информационными технологиями взаимодействие между преподавателями, переводчиками и учащимися, которое позволяет создавать учебный контекст и оптимальные условия для учения, самообучения, совершенствования в области перевода*. Такое понимание учебной сети позволит сформировать новую среду жизнедеятельности переводчика и его подготовки, в которой кардинально меняется понимание пространства и времени. Обучать переводу невозможно без участия представителей сообщества переводчиков, которое сегодня существует в контексте постоянно меняющихся потоков информации, различных профессиональных групп и сайтов бюро перевода, терминологических баз данных, технологий взаимодействия с переводческими компаниями и заказчиками, руководителями проектов, с коллегами-переводчиками и т. д.

Модульная технология при обучении отраслевых переводчиков

Важным при создании обучающего контекста является такое качество сетевой коммуникации, как многоканальность, ячеистость, что позволяет охватывать большие пространства и легко его модифицировать. В такой обучающей сети главным связующим узлом выступают не коммуникационные сети, а сам обучающийся как социальный субъект. В подобной образовательной среде новый теоретический и практический материал может быть представлен взаимосвязанными модулями и рассредоточен в рамках курса обучения. Студенты получают его на различных этапах обучения при решении конкретной переводческой задачи, причем на первый план выступает не последовательность появления учебного материала в Сети, а то, как он мотивирует обучаемых искать, классифицировать и использовать нужную информацию. При этом студенты получают общее представление о профессии переводчика, существующих специальностях, сведения о том, как сформировать нужное умение, навык и т. д., как пользоваться различными переводческими программами, выходить в различные профессиональные переводческие сообщества, базы данных и т. п.

В сетевой модели обучения отраслевого переводчика каждый обучающий модуль создан на основе одной из профессиональных задач, стоящих перед ним. Составляющие профессиональной компетентности переводчика последовательно соотнесены с выделенными задачами. В результате получены учебные модули, каждый из которых содержит конкретную макрозадачу, способы ее решения, информационные ресурсы, соответствующие компетенции, банк упражнений, способы проверить уровень сформированности переводческой компетентности, возможность общения с другими учащимися, практикующими переводчиками и преподавателями [1].

Специфика обучения отраслевому переводу студентов неязыковых вузов заключается в том, что они уже обладают определенными компетенциями в области своей основной специальности. Исследователи отмечают, что переводчик, являющийся специалистом предметной области исходного текста, имеет больше предпосылок для его адекватного понимания и интерпретации, так как недостаток лингвистических знаний восполняется предметными. Именно их следует максимально использовать в процессе подготовки студентов неязыковых вузов к сложной деятельности отраслевого переводчика. Такой перенос знаний из одной профессии в другую исследователи определяют через интегративные знания, под которыми понимают обобщенные знания из совокупности учебных дисциплин, которые образуют целостную систему, имеющую междисциплинарную структуру. Для отраслевого переводчика важно уметь мобилизовать эти предметные знания, свои представления о специфике общения профессионалов данной отрасли, привлекать их и использовать в процессе перевода.

Таким образом, формирование профессиональной компетентности отраслевого переводчика должно осуществляться с опорой на профессиональную компетентность обучающихся в области основной специальности.

В заключение отметим, что цель разработанной интегрированной/сетевой модели обучения отраслевому переводу — формирование профессиональной компетентности переводчика, под которой подразумевается готовность и способность осуществлять перевод на профессиональном уровне, используя внутренние (ключевые компетентности) и внешние ресурсы (информационные технологии, словари, базы данных и т. д.). Данный процесс осуществляется поэтапно в ходе освоения выделенных переводческих задач, каждая из которых выступает в качестве основы обучающего модуля. Обучение проводится с опорой на профессиональную компетентность обучающихся в области основной специальности. Представленная модульная технология подготовки отраслевых переводчиков реализуется в Российском университете дружбы народов, а также в рамках обучающей платформы «Дидактика перевода» (www.gavrilenko-nn.ru).

Библиографический список

Литература

1. *Гавриленко Н.Н.* Модульный подход в процессе обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации // Вестник МГЛУ «Инновационные подходы в обучении иностранным языкам». Сер. «Педагогические науки». М.: Рема, 2010. Вып. 12 (591). С. 122–130.
2. *Зимняя И.А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / Зимняя И.А. Авторская версия. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 42 с.
3. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 308 с.
4. *Поршнева Е.Р.* Междисциплинарные основы базовой лингвистической подготовки специалиста-переводчика: дис. ... д-ра. пед. наук. Казань, 2004. 425 с.
5. *Тарева Е.Г.* Оценивание качества подготовки переводчиков (анализ зарубежных подходов) // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: сб. науч. тр. 10-й Междунар. науч.-метод. конф. / под ред. Н.Н. Гавриленко. М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 276–287.
6. *Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высш. шк., 1989. 238 с.
7. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 216 с.
8. *Durieux C.* Fondement didactique de la traduction technique. Paris: La maison du dictionnaire, 2010. 181 p.
9. *Grosbois M.* Didactique des langues et technologies. De l'EAO aux réseaux sociaux. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2013. 177 p.
10. *Ladmiral J.-R.* La traduction: de l'expérience à la réflexion // L'expérience de traduire / Sous la direction de Mohammed Jadir et Jean-René Ladmiral. Paris: Honoré Champion, 2015. P. 71–82.
11. *Plassard F.* Lire pour traduire. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2007. 324 p.

Интернет-ресурсы

12. Синергетика и сетевая реальность / Т.С. Ахромеева [и др.] // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2013. № 34. 32 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2013-34> (дата обращения: 11.01.2016).
13. *Gavrilenko N.N.* Methods to realize competence-building approach while teaching translation // Mathematic Education. Volume 11 Issue 7 (2016). Pp. 2151–2161 [Электронный ресурс]. URL: <http://iejme.com/makale/84> (дата обращения: 10.10.2017).
14. Référentiel de compétences de l'EMT – 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competence_fwk_2017_en_web.pdf (дата обращения: 16.02.2017).

References

Literatura

1. *Gavrilenko N.N.* Modul'ny'j podxod v processe obucheniya perevodu v sfere professional'noj kommunikacii // Vestnik MGLU «Innovacionny'e podxody' v obuchenii inostranny'm yazy'kam». Ser. «Pedagogicheskie nauki». M.: Rema, 2010. Vy'p. 12 (591). S. 122–130.

2. *Zimniaya I.A.* Kliuchevy'e kompetencii kak rezul'tativno-celevaya osnova kompetentnogo podxoda v obrazovanii / Zimniaya I.A. Avtorskaya versiya. M.: Issled. centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2004. 42 s.
3. *Markova A.K.* Psixologiya professionalizma. M.: Znanie, 1996. 308 s.
4. *Porchneva E.R.* Mezhdisciplinarny'e osnovy' bazovoj lingvisticheskoj podgotovki specialista-perevodchika. Kazan', 2004. 425 s.
5. *Tareva E.G.* Ocenivanie kachestva podgotovki perevodchikov (analiz zarubezhny'x podxodov) // Professional'no orientirovanny'j perevod: real'nost i perspektivy': sb. nauch. tr. 10-j Mezhdunar. nauch.-metod. konf. / pod red. N.N. Gavrilenko. M.: Izd-vo RUDN, 2015. S. 276–287.
6. *Xaleeva I.I.* Osnovy' teorii obucheniya ponimaniyu inoyazy'chnoj rechi. M.: Vy'ssch. shk., 1989. 238 s.
7. *Shvejcer A.D.* Teoriya perevoda: status, problemy', aspekty'. M.: Nauka, 1988. 216 s.
8. *Durieux C.* Fondement didactique de la traduction technique. Paris: La maison du dictionnaire, 2010. 181 p.
9. *Grosbois M.* Didactique des langues et technologies. De l'EAO aux réseaux sociaux. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2013. 177 p.
10. *Ladmiral J.-R.* La traduction: de l'expérience à la réflexion // L'expérience de traduire / Sous la direction de Mohammed Jadir et Jean-René Ladmiral. Paris: Honoré Champion, 2015. P. 71–82.
11. *Plassard F.* Lire pour traduire. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2007. 324 p.

Internet-resursy'

12. Sinergetika / T.S. Axromeeva [i dr.] // Preprinty' IPM im. M.V. Keldy'sha. 2013. № 34. 32 s. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2013-34> (data obrashheniya: 11.01.2016).
13. *Gavrilenko N.N.* Methods to realize competence-building approach while teaching translation // Mathematic Education. Volume 11 Issue 7 (2016). Pp. 2151–2161 [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://iejme.com/makale/84> (data obrashheniya: 10.10.2017).
14. Référentiel de compétences de l'EMT – 2017 [E'lektronny'j resurs]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competence_fwk_2017_en_web.pdf (data obrashheniya: 16.02.2017).

N.N. Gavrilenko

Specific Features of Stepwise Industrial Translators' Training

The article regards one of the possible ways of industrial translators' training. It represents the model of translator's competence formation of nonlinguistic universities' students/graduates. The key translator's competences (intercultural communicative, special, social, personal and digital) are identified and tackled. It is suggested to boost the translator's competence per tasks depending on the translator's goals. The distillation is identification of four main stages of training. Each task within these stages forms the basis of the developed training modules.

Keywords: industrial translator; translator's key competences; per-task model of teaching translation.

УДК 81'23; 37.013.77

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.12

И.А. Бубнова

Проблемы современного образования: психолингвистический аспект

В статье с позиции психолингвистики рассматриваются проблемы современного образования, выделяются подходы, объясняющие их причины, анализируются аргументы их сторонников. Доказывается применение манипулятивных методов воздействия на сознание личности, преобразующих его характер и погружающих индивида в виртуальный мир. Аргументируется мнение о взаимосвязи между продвигаемой в российское общество моделью человека и концепцией столкновения цивилизаций. Обсуждаются выходы из создавшегося положения.

Ключевые слова: современное образование; модель человека; манипулировать; виртуальный мир; столкновение цивилизаций.

По мнению многих ведущих психологов и педагогов во всем мире, наиболее важными проблемами, с которыми столкнулось современное образование, являются, во-первых, отсутствие интереса и мотивации к учебе и, во-вторых, непонимание смысла изучаемого материала, который автоматически заучивается, но (что вполне закономерно) не сохраняется в долговременной памяти¹. Эта ситуация, усугубляющаяся в течение нескольких десятилетий, ведет к катастрофическому падению общего уровня знаний, поэтому неудивительно, что феномен функциональной неграмотности — его проявления, причины возникновения, способы преодоления и диагностики — не только является одной из наиболее актуальных тем современных научных исследований [4, 10, 17, 18], но и широко обсуждается в профессиональном научном сообществе.

Эти дискуссии ведутся не один год, и сегодня можно говорить о двух уже четко сформировавшихся позициях, отражающих взгляды их сторонников на существующую проблему.

Значительная часть лингвистов, в том числе и психолингвистов, считает, что создавшаяся ситуация есть результат комплексного воздействия двух основных факторов. Во-первых, она спровоцирована нынешними образовательными стандартами, нацеленными на использование электронной техники,

¹ Сегодня этим проблемам посвящен, например, целый цикл лекций ведущего российского психолога Ю.Б. Гиппенрейтер «Мы даем не то, что надо ребенку» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/yuliya-gippenreyter-myi-daem-ne-to-chto-nado-rebenku> (дата обращения: 20.08.2018).

не позволяющей на начальной ступени обучать школьника сложнейшим когнитивным интегративным навыкам письма и чтения, объединяющим «в единую структуру деятельности все высшие психические познавательные функции — внимание, восприятие, память, мышление и т. п.» [17: с. 1]². Дефекты в развитии этих навыков, обусловленные постоянным использованием компьютера в учебном процессе, делают в дальнейшем невозможным «обучение русскому языку и математике, литературе и природоведению, иностранному языку и другим предметам» [17: с. 1], что, в свою очередь, отражается на психологическом состоянии ученика, его локусе контроля, самооценке, мотивации, уровне тревожности и общем отношении к учебной деятельности [14 и др.].

У этого фактора есть и оборотная сторона: выработанная искусственно привычка с раннего детства в любом случае обращаться к Интернету (с точки зрения бихевиоризма³ это обычная схема «стимул – реакция»), с одной стороны, тормозит и в конечном итоге блокирует развитие памяти, а с другой — не дает формироваться абстрактному мышлению, останавливая его в большинстве случаев на уровне конкретно-предметного (о закономерностях развития психических процессов см.: [1, 5 и др.]). Данный момент весьма интересен не только с точки зрения психологии развития, но и с точки зрения применяемых методов обучения, так как в этом случае происходит намеренная, как можно предполагать, коррекция ведущего полушария, поэтому он требует более подробного рассмотрения.

Еще в XX в. в нейропсихологии было доказано, что двигательнo-пространственные асимметрии существуют не только у человека, но у всех приматов [2], однако в отличие от животных, половина из которых пользуется правой лапой, а половина — левой, человек в 90 % случаев пользовался правой рукой, что было обусловлено именно направленным обучением и закреплением в качестве ведущего левого полушария⁴, а это, в свою очередь, позволяло развивать специфически человеческие интеллектуальные процессы, прежде всего понятийное мышление [3, 6, 15 и др.].

Таким образом, направленная коррекция деятельности полушарий производилась в процессе социализации и в ходе обучения всегда. В XX в. основное внимание уделялось совершенствованию работы левого полушария — «формальному логике», органу рефлексии, который отвечает за различение истинных и ложных высказываний, формирование и развитие сознания, регуляцию

² Детально проблему формирования интеллекта и его связей с навыками письма и чтения исследовал В.Н. Дружинин, см., например: *Дружинин В.Н.* Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: ПЭРСЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2001. 224 с.

³ Наиболее полно этот подход к обучению описан в работе: *Торндайк Э., Уотсон Дж.Б.* Бихевиоризм. Принципы обучения, основанные на психологии. Психология как наука о поведении. М.: АСТ-ЛТД, 1998. 704 с.

⁴ Обзор данных исследований ведущих отечественных психологов представлен, например, в сб.: *Генетика, мозг и психика человека: тенденции и перспективы исследования.* М.: ВИНТИ, 1988. 66 с.

волевых действий и развитие когнитивных функций. Именно в левом полушарии хранится дискретная модель мира, семантическая память, «память духа» (по А. Бергсону), а также осознанные социальные стереотипы, являющиеся руководством к действию. Сегодня акцент смещен на правое полушарие — эмоционально-образное, отвечающее за конкретную информацию, способность к пониманию только самых простых предложений и клишированных сочетаний, произвольную регуляцию поведения [2].

В свете вышесказанного проблемы, связанные с функциональной неграмотностью с точки зрения психолингвистики и психологии развития, уже получают вполне логичное объяснение. Однако существует и второй важный фактор, усугубляющий ситуацию и негативно воздействующий на сферу образования в нашей стране, — отсутствие четко сформулированных требований к качествам выпускника школы и вуза, общей структуре личности, которые должны быть сформированы на выходе. Именно этим Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.⁵ отличается от Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании⁶, так как в последних совершенно конкретно были отражены: а) функция, т. е. основной мотив деятельности образовательных учреждений — формирование/воспитание определенного типа человека с мировоззрением, востребованным государством и обществом; б) общая цель — создание условий для становления целостного человека во всем многообразии его психофизических, социальных и личностных характеристик; в) сферы (профессиональная, общественная, личностная) и соответствующие им характеристики.

Сегодня в программе осталась только цель — создание благоприятных для актуализации творческого потенциала личности условий, все остальные критерии заменила абстрактная фраза о «позитивном потенциале». Однако отсутствие главного компонента образовательной деятельности — мотива, определяющего формируемый тип человека, делает эту цель пустой декларацией: любая цель приобретает смысл только в общей системе деятельности «мотив – цель – действия» (по А.Н. Леонтьеву), где именно мотив определяет цель как действия по его реализации и методы ее воплощения в жизнь.

Реальные действия и методы, описанные выше, дают полное основание предполагать, что мотив, точнее, требования к иерархии смысложизненных ориентаций, тех формируемых у школьников и студентов потребностей, в процессе достижения которых и должен раскрываться «позитивный социальный,

⁵ Полное содержание государственной программы см.: Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-22112012-n-2148-r/gosudarstvennaia-programma-rossiiskoi-federatsii-razvitie/ii/ii.1/> (дата обращения: 28.06.2018).

⁶ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании (19 июля 1973) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.вокабула.рф/энциклопедии/бсэ/народное-образование> (дата обращения: 28.06.2018).

культурный, экономический потенциал» человека, все-таки существуют. Это косвенно подтверждается и исследованиями современного образовательного дискурса, который в настоящий момент причисляется к ведущим «агентам глобализации» [8], что означает трансляцию через образование основных ценностей глобального мира, главными из которых являются ценности потребления и индивидуализма, в совокупности определяющие основополагающее качество человека будущего — метроэтничность [16]. Собственно, образование в этом аспекте разделяет свою воспитательную функцию с другими социальными институтами, прежде всего с массмедиа и рекламой, и результаты этой совместной деятельности мы наблюдаем сегодня.

Таким образом, с точки зрения первой позиции выход из сложившейся ситуации видится в частичном возврате к традиционным методам, особенно на начальном этапе обучения, сбалансированном использовании электронных средств, тщательной предварительной экспертизе материалов, размещаемых в интернет-пространстве и предназначенных для использования в обучении. Но главное, на чем настаивают сторонники этого подхода, — необходимо развивать понятийное мышление, без которого личность не способна планировать свою деятельность в целом, прогнозировать результаты своих действий и действий других, контролировать свои эмоции, соотносить свои поступки с логикой, действовать на основе собственных убеждений, установок, нравственных норм, фиксироваться не только на настоящем реальном времени (как показывают исследования расщепленного мозга, такая фиксация характерна при доминировании правого полушария), но и на будущем, причем неважно, отрицательной или положительной является воспринимаемая информация, главное, что она осознается [9, 15]. Именно такой тип поведения свидетельствует о развитой способности к анализу и нацеленности на события, значимые социально⁷, т. е. в целом о превалировании в жизнедеятельности работы левого полушария, обуславливающего умение мыслить абстрактно, без чего личность не может быть личностью в полном смысле этого слова.

Приверженцы второй позиции также выделяют два основных фактора, которые стали причиной наблюдаемого кризиса образования. Наиболее ясно данная точка зрения изложена известным французским философом М. Серром (подчеркнем, что его взгляды разделяются значительной частью профессионалов и государственных чиновников в нашей стране), называющим в качестве основного источника создавшегося положения современное «общество спектакля», где «изнурительная, гордая своей дикостью конкуренция оттолкнула на задний план школу и университет» [12: с. 13], уступивших образовательную и воспитательную функции рекламе и массмедиа. Вторым, но не менее важным обстоятельством, по мнению М. Серра, послужили радикальные изменения,

⁷ Интереснейшие результаты, полученные в ходе ассоциативных экспериментов во времена перестройки, описаны в кн.: *Еремеева В.Д., Хризман Т.П.* Мальчики и девочки: два разных мира. М.: Линка-Пресс, 1998. 184 с.

происшедшие в мире под воздействием глобализации и современных информационных технологий.

В результате сегодня появилось качественно иное, чем предыдущие, поколение, родился абсолютно новый типа человека — индивид, который, не относя себя ни к какой-либо определенной нации, культуре, коллективу, утратив способность жить даже в паре, приобрел взамен совершенно уникальные возможности и психологические черты. Этот человек, пришедший на смену прежнему, отличается тем, что:

- считает устаревшими и неактуальными ценности и формы общественной жизни, требующие постоянного напряжения и самопожертвования во имя «абстракций», воспеваемых лишь в исторических книгах, но совершенно не нужных в нынешних условиях (понятия, в принципе, должны уступить место частностям, примерам, отдельным вещам);

- предпочитает не заводить друзей, а общаться со всем миром в виртуальном пространстве;

- освобожден от необходимости усердно трудиться, чтобы приобретать знания, в любой момент предоставляемые ему поисковиком.

Но главное его свойство заключается в том, что внутренняя познавательная способность (которая, собственно, и выделяла человека из всех других биологических видов) переместилась вовне, в компьютер, а над пустым местом над шеей, где раньше находилась голова, сегодня, как полагает не только цитируемый М. Серр, но и значительная часть нашего общества, поддерживающая его взгляды, «обитает новый гений, изобретательный ум, чистая познающая субъективность» [12: с. 26–28].

Иначе говоря, с точки зрения данного подхода сегодняшняя ситуация в образовании — это не регресс, не деградация человека, а результат кардинальной смены субъекта мышления, появление которого знаменует окончание эры теоретических знаний и специалистов и делает бессмысленными попытки сохранять традиционные методы преподавания, а также культурные отличия, характерные для образовательных систем разных стран. Такая позиция аргументируется тем, что в наше время повсеместно востребовано лишь то, что отвечает спросу, то, что ищет потребитель, — беспорядочные, легкодоступные, отбираемые серендипным методом сведения, отрицающие научные классификации и рациональность. «Потому что знание, оглашаемое с кафедры, и так у всех уже есть. Под рукой. В сети, в Википедии, доступное, где угодно» [12: с. 34].

Главный вывод состоит в том, что совокупность характеристик нового индивида — это свидетельство вступления человечества в новую эпоху. «С некоторых пор мы живем в цивилизации доступа, — утверждает М. Серр. — Языковым и познавательным выражением этой культуры как раз и становится код... Код — это конкретный живой человек... Из кода рождается новое его» [12: с. 72–74].

Таким образом, сторонники второй точки зрения убеждены, что мир уже стал иным, традиционные культуры уступили свое место новому, *произошла*

смена цивилизации. И, как представляется, именно в этом утверждении раскрывается не только суть происходящих в образовании на протяжении десятилетий перемен, но и тот самый мотив образовательной деятельности, который не эксплицирован, однако реализуется на практике и заключается в создании глобального человека.

Такое предположение не лишено оснований, так как еще в конце XX в. С. Хантингтон писал: «В нарождающемся мире <...> преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. <...> Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики» [19: с. 22]. Но не менее важной в рассматриваемом контексте является еще одна, значительно реже обсуждаемая, мысль: «*Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации*» [19: с. 24] (выделено нами. — И. Б.).

Очевидно, что культурная самоидентификация, определяемая целым рядом объективных факторов — языком, историей и обычаями народа, его религией, политикой, проводимой государством, — не меняется сама по себе. Ее трансформация возможна только тогда, когда в результате поддержки идеи принятия новой идентичности политической и экономической элитой страны реформируются и преобразуются все те вышеперечисленные элементы, которые и влияют на внутреннее самосознание и национальное самоопределение каждой личности. И именно в их ломке либо модифицировании (изменении языка, переписывании истории, появлении новых, связанных с западной культурой, обычаев и т. д.), спровоцированными, с одной стороны, внешним воздействием, а с другой — инициируемыми различными социальными институтами, и заключается смысл войны цивилизаций, имеющей, как отмечает А.С. Панарин [11], своей целью достижение полного и окончательного перехода человеческой личности от ее естественного состояния к существованию универсально всеобщему, что является с точки зрения Запада единственно разумным.

Сегодня, спустя десятилетия после публикации С. Хантингтона, кардинальные перемены, произошедшие в сознании российской молодежи, позволяют сторонникам концепции глобализма утверждать, что в России, как и во всем остальном мире, уже появился новый индивид, не отягощенный национальной самоидентичностью, и этот процесс закономерен и необратим.

Но с точки зрения психолингвистики такое утверждение нельзя признать когерентным.

С одной стороны, закономерность частично достигнутого успеха в создании «человека-кода» существует. Она обеспечивается поддержкой со стороны не только массмедиа и других социальных институтов, но и работой внушительной армии специалистов, использующих многочисленные манипулятивные технологии, с помощью которых для целого поколения подлинная действительность и конкретный опыт замещаются виртуальным миром, симулякрами,

постепенно блокирующими способность индивида воспринимать существующую вокруг реальность и превращающими интенциональное и энтероцептивное сознание человека, сформированное в процессе антропогенеза, в интероцептивное, полностью закрытое от внешнего мира. Причем эти симулякры не дают, как это декларируется, полную свободу личности, они призваны решить иную задачу⁸ — погрузить человека в мир самообмана, чувственного восприятия, освободить его от усилий, связанных с решением реальных жизненных проблем, и, соответственно, снять ограничения, налагаемые моралью и разумом, возвратив его на биологический уровень. Уровень развития современных технологий позволяет сегодня предлагать сенсорные заменители, дающие значительно большее удовлетворение, чем реальный опыт, что и объясняет так волнующую психологов интернет-зависимость молодых людей, растущую популярность не характерных для человека с устойчивой системой смысловых ориентаций развлечений, его полное «раскрепощение» в угоду своим инстинктам, поддерживаемое средствами массовой коммуникации. В ближайшей перспективе, как представляется, противопоставление реального виртуальному, замена накопления (в высшем смысле слова, как сохранения в памяти знаний, опыта, воспоминаний и т. д.) ненасытным потреблением, подмена интереса (именно отсутствие интереса, как отмечалось ранее, и является главной проблемой образования), порождающего мотив жизнедеятельности, сиюминутным желанием, становясь основой формирования дефицитарного образа жизни⁹, приведет (уже привело?) к возникновению метапатологий — ненависти к другим, садизма и жестокости, непризнания законов, цинизма и многого другого, которые станут характерными уже для целого поколения и превратятся в норму, признанную официальной наукой.

С другой стороны, нельзя согласиться с необратимостью этого процесса. Более того, именно система образования, призванная «служить идеологическим камертоном, воздействовать на умы, помогать укреплению и (или) созданию ценностной палитры, способствующей обеспечению безопасности жизни государства и общества, а также человека в системе окружающих его факторов нестабильности и неопределенности» [13: с. 95–96], способна изменить вектор направления развития нашего социума. И если этого не произойдет, то в недалеком будущем мы действительно столкнемся с реальностью, где доминирует тип человека, не отягощенный моралью, сметающий все, мешающее реализации его инстинктивных желаний. А это, в свою очередь, означает, что исход столкновения культур и цивилизаций действительно предопределен.

⁸ Эта задача была сформулирована еще в работе Ж. Делеза, который отмечал: «...проблема касается теперь уже не разграничения сущности-видимости или модели-копии. Симулякр не просто вырожденная копия, в нем кроется позитивная сила, которая отрицает и оригинал и копию, и модель и репродукцию» [*Deleuze G. Logique du Sens. Paris: Les Editions de Minuit, 1969. (392 p.) P. 302*] (выделено нами. — И. Б.).

⁹ Возможные образы жизни — бытийный и дефицитарный — детально описаны в работах А. Маслоу, например: *Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2016. 400 с.*

Иными словами, несмотря на существующие проблемы, выбор у российского общества еще есть. И этот выбор, определяющий само наше существование, зависит от решительности системы образования, представляющей собой совокупного Деятеля, причем сделать его необходимо: как справедливо замечает В.И. Карасик, если сам «выбор часто бывает мучительным», то «бездействие — это худшая альтернатива» [7: с. 85].

Библиографический список

Литература

1. *Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения. М.: Прогресс, 1980. 527 с.
2. *Бианки В.Л.* Механизмы парного мозга. Л.: Наука, 1989. 264 с.
3. *Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.* Функциональные асимметрии мозга. М.: Медицина, 1988. 201 с.
4. *Бубнова И.А.* Школьный учебник как источник современного кризиса социальной идентичности // *Вопр. психолингвистики.* 2017. № 2 (32). С. 36–50.
5. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2004. 1136 с.
6. *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. М.: Мир, 1971. 264 с.
7. *Карасик В.И.* Выбор как сюжетный мотив: ценностные характеристики // *Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование».* 2017. № 1 (25). С. 76–90.
8. *Кирилина А.В.* Концепции языка в эпоху глобализации // *Вестник Московского института лингвистики.* 2013. № 1. С. 17–30.
9. *Костандов Э.А.* Функциональная асимметрия полушарий мозга и неосознаваемое восприятие. М.: Наука, 1983. 172 с.
10. *Мяжкова Е.Ю.* Овладение навыками чтения как основа функциональной грамотности носителя языка // *Вестник ТвГУ. Сер. «Филология».* 2016. № 4. С. 53–59.
11. *Панарин А.С.* Православная цивилизация / сост., предисл. В.Н. Расторгуев; отв. ред. О.В. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 1248 с.
12. *Серр М.* Девочка с пальчик. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 78 с.
13. *Тарева Е.Г.* Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»? // *Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование».* 2016. № 3 (23). С. 95–102.
14. *Charms R. de.* Personal Causation: The internal affective determinants of behavior. N.Y.: Academic Press, 1968. 412 p.
15. *Essels J.C.* Evolution of the brain. Creation of the Self. London and N.Y.: Routledge, 1995. 282 p.
16. *Maher J.C.* Metroethnicities and Metrolanguages // *The Handbook of Language and Globalization / ed. by N. Coupland.* Blackwell Publishing Ltd., 2010. P. 575–591.

Интернет-ресурсы

17. *Безруких М.М.* Психофизиологические механизмы формирования навыков письма и чтения и проблемы трудностей в обучении // *Международная конференция и VII Международный научно-практический семинар «Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI века» (Прага, 11–13 окт. 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=article (дата обращения: 07.08.2018).*

18. Жукова Т.Д. Функциональная неграмотность — бич XXI века? [Электронный ресурс]. URL: <http://geopolitics.by/analytics/funkcionalnaya-negramotnost-bich-xxiveka> (дата обращения: 27.07.2018).

19. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. Summer 1993. P. 22–49. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/anthologies/2015-04-09/clash-civilizations-debate> (дата обращения: 28.08.2018).

References

Literatura

1. Atkinson R. Chelovecheskaya pamyat' i process obucheniya. M.: Progress, 1980. 527 s.
2. Bianki V.L. Mexanizmy' parnogo mozga. L.: Nauka, 1989. 264 s.
3. Bragina N.N., Dobroxotova T.A. Funkcional'ny'e asimmetrii mozga. M.: Medicina, 1988. 201 s.
4. Bubnova I.A. Shkol'ny'j uchebnik kak istochnik sovremennogo krizisa social'noj identichnosti // Vopr. psixolingvistiki. 2017. № 2 (32). S. 36–50.
5. Vy'gotskij L.S. Psixologiya razvitiya cheloveka. M.: Smy'sl, E'ksmo, 2004. 1136 s.
6. Del'gado X. Mozg i soznanie. M.: Mir, 1971. 264 s.
7. Karasik V.I. Vy'bor kak syuzhetny'j motiv: cennostny'e charakteristiki // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2017. № 1 (25). S. 76–90.
8. Kirilina A.V. Konceptii yazy'ka v e'poxu globalizacii // Vestnik Moskovskogo instituta lingvistiki. 2013. № 1. S. 17–30.
9. Kostandov E'.A. Funkcional'naya asimmetriya polusharij mozga i neosoznavаемое vospriyatie. M.: Nauka, 1983. 172 s.
10. Myagkova E. Yu. Ovladenie navy'kami chteniya kak osnova funkcional'noj gramotnosti nositelya yazy'ka // Vestnik TvGU. Ser. «Filologiya». 2016. № 4. S. 53–59.
11. Panarin A.S. Pravoslavnaya civilizaciya / sost., predisl. V.N. Rastorguev; otv. red. O.V. Platonov. M.: In-t rus. civilizacii, 2014. 1248 s.
12. Serr M. Devotchka s pal'chik. M.: Ad Marginem Press, 2016. 72 s.
13. Tareva E.G. Obuchenie yazy'ku i kul'ture: instrument «myagkoj sily'»? // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 3 (23) S. 95–102.
14. Charms R. de. Personal Causation: The internal affective determinants of behavior. N.Y.: Academic Press, 1968. 412 p.
15. Essels J.C. Evolution of the brain. Creation of the Self. London and N.Y.: Routledge, 1995.
16. Maher J.C. Metroethnicities and Metrolanguages // The Handbook of Language and Globalization / ed. by N. Coupland. Blackwell Publishing Ltd., 2010. P. 575–591.

Internet-resursy'

17. Bezrukix M.M. Psixofiziologicheskie mexanizmy' formirovaniya navy'kov pis'ma i chteniya i problemy' trudnostej v obuchenii // Mezhdunarodnaya konferenciya i VII Mezhdunarodny'j nauchno-prakticheskij seminar «Mnogoyazy'chie i mezhkul'turnaya kommunikaciya: vy'zovy' XXI veka» (Praga, 11–13 okt. 2013 g.) [E'lektronny'j resurs]. URL: http://bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=article (data obrashheniya: 07.08.2018).

18. *Zhukova T.D.* Funkcional'naya negramotnost' — bich XXI veka? [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://geopolitics.by/analytics/funkcionalnaya-negramotnost-bich-xxiveka> (data obrashheniya: 27.07.2018).

19. *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. Vol. 72. № 3. Summer 1993. P. 22–49 [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/anthologies/2015-04-09/clash-civilizations-debate> (data obrashheniya: 28.08.2018).

I.A. Bubnova

The Problems of Modern Education: Psycholinguistics Aspect

The article from psycholinguistics point of view discusses the core problems of modern education and two main approaches to them existing in the world now. The author argues that manipulative methods are applied in the process of a «man of future» construction, which makes it possible to transform the nature of individual conscience merging a person into virtual reality. The causal relationship between a promotion of a new human being's model and the theory of civilizations' clash is proved.

Keywords: education; model of a human being; manipulate; virtual reality; civilizations' clash.

А.А. Малюка

Вербальное оскорбление: признаки и методы выявления

В статье рассматриваются методические особенности производства лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Описаны применяемые в экспертной практике подходы, дан их критический анализ.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; судебная экспертиза; оскорбление.

Современные исследования показывают, что язык обладает разнообразным набором средств для осуществления воздействия на адресата [5, 6], в том числе и такого, которое может стать предметом судебного разбирательства [12]. Наряду с прочими [2, 4] таковыми являются дела об оскорблении личности.

На основании анализа экспертной практики можно утверждать, что лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении чаще всего назначается в связи с рассмотрением дел: в административном судопроизводстве по ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление» [1], в уголовном судопроизводстве по ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду», ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего» [3].

Экспертная практика по этим категориям дел достаточно обширна. Но, несмотря на это, специалистами не выработано единого подхода к исследованию текстов, содержащих признаки оскорбления.

Изучением методических подходов к производству лингвистической экспертизы по делам об оскорблении занимались многие ученые, в том числе и А.Н. Баранов, К.И. Бринев, Г.В. Кусов, М.А. Осадчий и др. Они выделяют десять диагностических признаков оскорбления, как то:

- 1) сообщение негативных сведений о лице;
- 2) отнесенность негативных сведений к конкретному лицу;
- 3) фактологический характер негативных сведений;

- 4) публичный характер распространения сведений;
- 5) порочащий характер данных сведений (т. е. выраженное в языковой форме указание на нарушение конкретных моральных норм или законов);
- 6) информационная (а не субъективно-эмоциональная) цель сообщения;
- 7) неприличная (т. е. нецензурная) форма высказывания;
- 8) обобщенность негативной характеристики адресата;
- 9) наличие доказанного умысла на оскорбление;
- 10) несоответствие сообщаемых о лице или организации негативных сведений действительности [13: с. 23].

Отмечается, что «факт оскорбления не усматривается при отсутствии хотя бы некоторых из перечисленных диагностических признаков» [Там же].

Однако некоторые из вышеперечисленных пунктов могут быть оспорены. Например, М.Л. Подкатилина в своей работе подчеркивает, что «трудно увязать речевой акт оскорбления с фактологическим характером негативных сведений (признак 3), поскольку чаще всего высказывания, исследуемые на предмет наличия / отсутствия лингвистических признаков оскорбления, носят не фактологический, а оценочный характер, поэтому включать фактологический характер в перечень обязательных диагностических признаков оскорбления, на наш взгляд, ошибочно» [10: с. 389].

Также может быть подвергнут сомнению признак 9 — «наличие доказанного умысла на оскорбление», — в соответствии с которым эксперт-лингвист может выделить в тексте речевые маркеры намерения, которые говорят об умышленности высказанного оскорбления, а окончательный вывод о наличии умысла принимает суд [13: с. 22]. Данный признак представляется спорным, поскольку маркеры намерения могут указывать на умысел, тогда как при установлении коммуникативного намерения говорящего (интенции) всегда следует учитывать условия речевого акта (в частности, характеристики личности говорящих, их взаимоотношения, ситуация, в которой они находятся, социальный статус и т. д.) и его цели, так как эти параметры взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга. Полагаем, что при установлении коммуникативного намерения автора текста необходимо принимать во внимание не только такие маркеры, как наклонение глагола, перформативные глаголы, интонационный контур, пунктуация, ударение, но и другие составляющие речевого акта.

Признак 10 «несоответствие сообщаемых о лице или организации негативных сведений действительности», на наш взгляд, не может являться квалифицирующим, так как подобной проверке поддаются только те сведения, которые выражены в форме утверждения, а оскорбительные высказывания чаще всего представляют собой оценочные суждения, которые не носят фактологического характера, поэтому установить их правдоподобность невозможно.

Таким образом, встает вопрос о пересмотре обозначенных признаков оскорбления.

Еще один распространенный в экспертной практике подход был предложен членами Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным

спорам (ГЛЭДИС), суть которого состоит в следующем. Негативные оценочные высказывания, характеризующие деятельность конкретного физического лица, могут являться оскорбительными при соблюдении ряда условий, если они: адресованы истцу лично, дают обобщенную характеристику ему как личности, выражены в неприличной форме [7: с. 36].

Ученые выделяют основные категории лексических и фразеологических единиц, которые в определенных контекстах употребления могут носить в адресации к тому или иному лицу оскорбительный для лица характер [7: с. 36–37].

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик*.

2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель*.

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: *нечистоплотность или неблагодарность (свинья), глупость (осел), неповоротливость, неуклюжесть (корова)* и т. п.

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, ханнуть*.

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т. п. без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец*.

7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*.

8. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы, прихватизаторы*.

9. Нецензурные слова в качестве характеристики лица.

Данная классификация является чрезвычайно широкой. Представляется, что, используя приведенную классификацию, практически любые слова, выражающие отрицательную оценку лица, его характеристик и поступков, можно отнести к оскорбительным [11: с. 392].

Существует еще один, относительно новый, подход, предложенный специалистами в области лингвистической экспертизы, при котором, следуя определенной методике, эксперту-лингвисту необходимо выявить лингвистические признаки унижения и неприличной формы [8]. При выявлении компонентов значения «унижение» необходимо исходить из тех общих для лингвистического анализа положений, которые впервые были отражены в методике О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой и Т.Н. Секераж [9].

По аналогии с указанной методикой структуру значения «унижение» ряд авторов описывает через три обязательных компонента [8: с. 93]:

- 1) предмет речи/тематика (о ком и что именно говорится);
- 2) отношение (какое отношение к предмету речи выражено и как оценивается предмет речи);
- 3) цель (зачем сообщается).

По итогам проведенного исследования экспертом-лингвистом возможно установить лингвистические признаки формы выражения высказывания. Однако не вполне понятно, какие действия эксперт-лингвист должен предпринять в случае, если исследуемые лексические единицы будут отсутствовать в словарях.

Хотя в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в статье 11 указано, что государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов [4], анализ разработок в области лингвистической экспертизы по делам об оскорблении показал, что единой методики выявления признаков речевого оскорбления пока не существует. Такое состояние обусловлено разобщенностью разработок, ведущихся различными научно-исследовательскими коллективами экспертных (государственных и негосударственных) и научных учреждений.

Думается, что необходима разработка единого общепринятого научно-методического подхода по установлению признаков вербального оскорбления. Возможно проведение совместных круглых столов, семинаров, конференций и иных мероприятий с участием представителей экспертных учреждений и научных школ в целях обсуждения и апробации уже разработанных методик и рекомендаций по диагностике признаков оскорбления в текстах и их усовершенствования.

Библиографический список

Источники

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Информационное правовое обеспечение «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 24.11.2017).
2. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. М.: Фонд защиты гласности, 2005. № 1 (6). С. 5–18.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Информационное правовое обеспечение «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 24.11.2017).
4. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Информационное правовое обеспечение «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 28.11.2017).

Литература

5. *Борисова Е.Г.* Алгоритмы воздействия. М.: Междунар. ин-т рекламы; Москва, 2005. 140 с.
6. *Борисова Е.Г.* Лексическая номинация в информационных войнах // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 1 (21). С. 61–65.
7. *Галяшина Е.И., Горбаневский М.В., Стернин И.А.* Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. М.: Фонд защиты гласности, 2005. № 1 (6). С. 24–39.
8. *Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М.* Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. 2016. № 1 (41). С. 92–98.
9. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
10. *Подкатилина М.Л.* Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. С. 389–394.
11. *Подкатилина М.Л.* Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: монография / под ред. Е.И. Галяшиной. М.: Юрлитинформ, 2013. 184 с.
12. *Синицына М.А.* Комплексная экспертиза текста как междисциплинарное контекстуальное исследование: постановка вопроса // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 1 (7). С. 114–119.
13. *Стернин И.А.* [и др.] Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.

References

Istochniki

1. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny'x pravonarusheniyax ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ // Informacionnoe pravovoe obespechenie «Garant» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://base.garant.ru/12125267/> (data obrashheniya: 24.11.2017).
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 24 fevralya 2005 g. № 3 // Vzglyad. Ezhekvartal'ny'j analiticheskij byulleten'. M.: Fond zashhity' glasnosti. 2005. № 1 (6). S. 5–18.
3. Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // Informacionnoe pravovoe obespechenie «Garant» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://base.garant.ru/10108000/> (data obrashheniya: 24.11.2017).
4. Federal'ny'j zakon ot 31 maya 2001 g. №73-FZ «O gosudarstvennoj sudebno-e'kspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // Informacionnoe pravovoe obespechenie «Garant» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://base.garant.ru/12123142/> (data obrashheniya: 28.11.2017).

Literatura

5. *Borisova E.G.* Algoritmy' vozdeystvia. M.: Mezhdunar. in-t reklamy'; Moskoviya, 2005. 140 s.
6. *Borisova E.G.* Leksicheskaya nominaciya v informacionny'x vojnax // Vestnik MGPY. Ser. «Fiologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 1 (21). S. 61–65
7. *Galyashina E.I., Gorbanevskij M.V., Sternin I.A.* Lingvisticheskie priznaki diffamacii v teorii i praktike sudebny'x lingvisticheskix e'kspertiz // Vzgljad. Ezhekvar-tal'ny'j analiticheskij byulleten'. M.: Fond zashhity' glasnosti, 2005. № 1 (6). S. 24–39.
8. *Izotova T.M., Kuznecov V.O., Plotnikova A.M.* Metodika provedeniya sudebnoj lingvisticheskoy e'kspertizy' po delam ob oskorblenii // Teoriya i praktika sudebnoj e'kspertizy' v sovremenny'x usloviyax. 2016. № 1 (41). S. 92–98.
9. *Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N.* Metodika provedeniya sudebnoj psixologo-lingvisticheskoy e'kspertizy' materialov po delam, svyazanny'm s protivodejstviem e'kstrimizmu i terrorizmu. M.: FBU RFCSE' pri Minyuste Rossii, 2014. 98 s.
10. *Podkatilina M.L.* Sudebnaya lingvisticheskaya e'kspertiza po delam ob oskorblenii // Izvestiya TulGU. E'konomicheskie i yuridicheskie nauki. Vy'p. 3. CP. II. Yuridicheskie nauki. Tula: Izd-vo TulGU, 2016. S. 389–394.
11. *Podkatilina M.L.* Sudebnaya lingvisticheskaya e'kspertiza ekstrimistskix materialov: monografiya / pod red. E.I. Galyashinoy. M.: Yurlitinform, 2013. 184 s.
12. *Siniczy'na M.A.* Kompleksnaya e'kspertiza teksta kak mezhdisciplinarnoe kontekstyal'noe issledovanie: postanovka voprosa // Vestnik MGPY. Ser. «Fiologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 1 (7). S. 114–119.
13. *Sternin I.A.* [i dr.] Vy'yavlenie priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoj reputacii i oskorbleniya v lingvisticheskoy e'kspertize teksta. Yaroslavl', 2013. 35 s.

A.A. Malyuka

**Verbal Insult:
Characteristics and Methods of Delineation**

The article considers the methodological features of linguistic examination in insult cases. It tackles the peer practice approaches, as well as giving their critical analysis.

Keywords: forensic linguistic expertise; forensic expertise; an insult.

УДК 821.111-2

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.14

Н.Н. Томская

Особенности и функции паузации в тексте пьес британского театра абсурда

В статье рассматривается паузация как фоностилистическое явление, свойственное тексту пьес британского театра абсурда. В силу родовых особенностей драмы в драматургическом тексте отмечаются разные способы фиксации функционально различных пауз, начиная от грамматической паузы и заканчивая длительной паузой — молчанием.

Ключевые слова: театр абсурда; пауза; поток сознания; тире; многоточие.

В пьесе, как ни в каком ином вербальном художественном произведении, максимально реализуются коммуникативные основы речевой деятельности, что отражается в диалогической форме драматургического текста. По сравнению с другими разновидностями литературно-художественного стиля, в которых активно используются различные формы изложения, например повествование, описание, внутренний монолог, перепорученная речь и др., в драматургическом тексте диалогическая речь является ведущей формой передачи содержания. В тексте пьес она наименее условна и максимально приближена к описываемой ситуации, поскольку составляет основу сценического действия. Непосредственно в репликах персонажей раскрываются мотивы происходящего, высвечивается основной конфликт; через диалог прослеживается сюжет, и все это вместе взятое приближает театральное действие к реальной ситуации.

Особую роль в сценическом тексте пьес играет паузация. В спектакле пауза — один из главных речевых (игровых) приемов актера, которому К.С. Станиславский уделял много внимания в своих работах, отмечая, что «интонация и пауза сами по себе, помимо слов, обладают силой эмоционального воздействия на слушателей» [7: URL]. Важно разделять логические и психологические паузы. Логические, или грамматические, паузы предопределены синтаксическим построением предложения. Они означают смысловую завершенность синтагмы или предложения и могут быть выражены знаками препинания.

Наряду с логическим ударением, логические паузы создают тот объективный интонационный рисунок высказывания, который обусловлен нормой литературного языка и в меньшей степени зависит от исполнителя. Однако психологические паузы, или красноречивое молчание, по выражению К.С. Станиславского, имеют свое внутреннее наполнение, которое дополняет и раскрывает основной смысл высказывания [7: URL]. Психологические паузы,

безусловно, несут в себе элемент исполнительской интерпретации, и мастерство владения такими паузами относится к сценической речи. Тем не менее анализ текстов пьес показывает, что драматурги изначально закладывают расстановку пауз в тексте, тем самым, с одной стороны, ограничивают исполнительскую свободу актеров, с другой — облегчают им задачу.

Ключевыми темами пьес театра абсурда являются: отрицание смысла и, как следствие, тотальное отрицание всего, негативизм, как философский, так и лингвистический. В контексте драматических произведений паузы приобретают дополнительную смысловую нагрузку, они представляют собой нечто большее, чем способ создания психологического напряжения. Пауза — это минус-прием или значимое отсутствие, по Ю. Лотману, «последовательный и сознательный, читательски ощутимый отказ» [4: URL]. Это режим акустической тишины, означающий отсутствие как таковое, то самое *nothingness*, которое множественно повторяется и развивается в пьесах С. Беккета (1906–1989), Г. Пинтера (1930–2008), Т. Стоппарда (р. 1937) [6]. Паузы также замедляют общий темп пьесы, способствуя эффекту временной неопределенности и отсутствия действия, которые свойственны произведениям театра абсурда.

Паузы являются просодическими компонентами речи, определяющими ее выразительность, эмоциональное воздействие, семантическую нагрузку и др. Наиболее распространенный способ обозначения паузы (*лат.* *pausa* от *греч.* *pausis* — «прекращение, остановка») в тексте пьесы — ремарка *pause*, сигнализирующая о временной остановке чего-либо, в данном случае — речи. Она неизбежно влияет на просодические характеристики высказывания. В качестве примера можно привести первую реплику пьесы С. Беккета *Endgame* (1957) («Конец игры»), где ремарка *pause* встречается четыре раза. При этом паузы разделяют довольно динамичные и ритмичные синтаксические конструкции, выраженные предложениями с множественными повторами, осложненными нарастающим эффектом градации:

CLOV (fixed gaze, tonelessly): Finished, it's finished, nearly finished, it must be nearly finished. (Pause.) Grain upon grain, one by one, and one day, suddenly, there's a heap, a little heap, the impossible heap. (Pause.) I can't be punished any more. (Pause.) I'll go now to my kitchen, ten feet by ten feet by ten feet, and wait for him to whistle me. (Pause.) Nice dimensions, nice proportions, I'll lean on the table, and look at the wall, and wait for him to whistle me [1: p. 93].

(КЛОВ (неподвижный взгляд, бесцветный голос). Кончено, все кончено, все кончится, все, возможно, кончится. (Пауза.) Зернышко к зернышку, одно за другим, и вдруг, в один прекрасный день, перед вами оказывается куча, небольшая кучка, невозможная куча. (Пауза.) Меня нельзя больше наказать. (Пауза.) Пойду к себе на кухню: три метра на три метра на три метра; буду ждать, пока он мне не свистнет. (Пауза.) Прекрасные габариты для кухни, я облокочусь на стол, буду смотреть на стену, пока он мне не свистнет.) (Пер. С. Исаева).

Первое высказывание начинается с дважды повторяющегося утверждения «finished, it's finished». Далее появляется наречие *nearly*, которое означает почти

полноту (окончание) действия. В конце высказывания с помощью модального глагола *must* выражено предположение «it must be nearly finished», граничащее с уверенностью. Логическое значение слова *finished* усиливается благодаря повторам и достигает кульминации в последней синтагме. Во втором высказывании мы наблюдаем количественную градацию с одновременным повтором слов *grain* (крупинка) и *heap* (куча, ворох, нагромождение). В обоих случаях после наступления кульминации следует пауза и затем речь как-будто откатывается назад, чтобы снова начать восхождение, подобно Сизифу, обреченному толкать камень в гору снова и снова. Так, паузы создают в цитируемой пьесе иллюзию нереализованного действия, потраченного впустую усилия. В каком-то смысле возникающие аудиальные ассоциации согласовываются с одной из главных тем пьесы — мир, по мнению персонажа, близится к своему неизбежному концу, который, однако, не наступает, и все повторяется вновь.

Классический театральный диалог переосмысливается писателями-абсурдистами, поэтому во многих пьесах театра абсурда преобладает монолог. Для организации текста в монологических пьесах, и особенно в монопьесах, предназначенных для исполнения одним актером, используется прием «поток сознания». Существует мнение, что пауза — необходимый его элемент [5]. В условиях отсутствия конъюнкции как средства когезии текста паузы выполняют роль маркеров синтагматических границ. Так, в пьесе С. Беккета *Happy Days* (1961) («Счастливые дни») всего два персонажа — Винни и Вилли, но сценическое действие представляет собой нескончаемый монолог Винни. Как и в пьесе «Конец игры», персонажи находятся в неопределенно-апокалиптическом состоянии. Они тоже буквально лишены действия: в «Конце игры» Клов не может сидеть, Хамм слеп и не может стоять, Нагг и Нелл не имеют ног, а в «Счастливых днях» — Винни сначала по пояс, а во втором акте по шею засыпана песком, т. е. полностью обездвижена. Для нее единственным способом самовыражения является речь. Монологи Винни представляют собой поток сознания, героиня проговаривает все, что приходит ей на ум, вспоминает или рассуждает вслух. Яркой иллюстрацией вышесказанного является фрагмент текста в начале второго акта пьесы:

WINNIE: Hail, holy light. [Long pause. She closes her eyes. Bell rings loudly. She opens eyes at once. Bell stops. She gazes front. Long smile. Smile off. Long pause.] Someone is looking at me still. [Pause.] Caring for me still. [Pause.] That is what I find so wonderful. [Pause.] Eyes on my eyes. [Pause.] What is that unforgettable line? [Pause. Eyes right.] Willie. [Pause. Louder.] Willie. [Pause. Eyes front.] May one still speak of time? [Pause.] Say it is a long time now, Willie, since I saw you. [Pause.] Since I heard you. May one? [Pause.] One does [Smile.] The old style! [Smile off.] There is so little one can speak of. [Pause.] One speaks of it all. [Pause.] All one can. [Pause.] I used to think ... [pause]... I say I used to think that I would learn to talk alone [Pause.] By that I mean to myself, the wilderness. [Smile.] But no. [Smile broader.] No no. [Smile off.] Ergo you are there. [Pause.] Oh no doubt you are dead, like the others, no doubt you have died, or gone away and left me, like the others, it doesn't matter, you are there [1: p. 160].

(ВИННИ. Благословен твой чистый свет! (Долгая пауза. Она закрывает глаза. Громко звонит звонок. Она тут же открывает глаза. Звонок умолкает. Она смотрит перед собой. Долгая улыбка. Улыбки как не бывало. Долгая пауза.) Кто-то по-прежнему смотрит на меня. (Пауза.) По-прежнему помнит обо мне. (Пауза.) Ведь это чудо что такое. (Пауза.) Когда ж взор твой кто-то там ловит. (Пауза.) Незабываемая строчка, как же это там? (Пауза. Взгляд направо.) Вилли. (Пауза. Громче.) Вилли. (Пауза. Взгляд вперед.) Можно ли еще говорить о времени? (Пауза.) Сказать: Вилли, я тебя уйму времени не видела. (Пауза.) И не слышала. (Пауза.) Можно ли? (Пауза.) Да вот говорю же! (Улыбка). По старым меркам. (Улыбки как не бывало.) Так мало о чем можно поговорить. (Пауза.) Что говоришь обо всем. (Пауза.) Обо всем, о чем можно. (Пауза.) Я, бывало, думала... (Пауза.) Я говорю, я, бывало, думала, что смогу говорить одна. (Пауза.) В смысле сама с собой, как в пустыне. (Улыбка.) Но нет. (Расплывается в улыбке.) Не тут-то было. (Улыбки как не бывало.) А значит, ты здесь. (Пауза.) То есть, конечно же, ты мертв, как и все, конечно же, ты умер или ушел и бросил меня, как и все, но это не беда, раз ты здесь.¹).

В приведенном отрывке пауза маркирует момент переноса фокуса внимания на новую тему (*holy light — someone is looking at me*), что свойственно потоку сознания, которое цепляется за новые образы и развивает их.

Пауза также выступает очень точным маркером коммуникативной неудачи: Винни задает вопрос (*What is that unforgettable line? — Незабываемая строчка, как же это там?*), и пауза заполняет момент, где мог бы прозвучать ответ Вилли. Это становится еще более очевидным, когда Винни непосредственно обращается к Вилли (*Willie. [Pause. Louder.] Willie.*), таким образом, не остается сомнений в том, что ее вопрос не был риторическим, и она делает паузу, чтобы услышать ответ. Такая модель высказывания с псевдориторическим вопросом повторяется еще дважды. В условиях отсутствия коммуникации Винни ищет ответы самостоятельно. Так, несостоявшийся драматургический диалог между персонажами превращается в монолог одного действующего лица, поток сознания, обращенный тем не менее к другому. Пауза фиксирует «ассоциативный скачок»: Винни делает переход от неопределенно-личного местоимения *one* (*One does. There is so little one can speak of. One speaks of it all. All one can. — Так мало о чем можно поговорить. Что говоришь обо всем. Обо всем, о чем можно.*) к личному местоимению *I* (*I say I used to think that I would learn to talk alone. — Я говорю, я, бывало, думала, что смогу говорить одна.*), таким образом Винни ассоциативно переходит от общих рассуждений к своему личному опыту. Лексически это выражено в игре слов, основанной на многозначности слова *one*. Фактически из двух действующих лиц говорит одна Винни, и все, что она может делать в предлагаемых обстоятельствах, — это говорить обо всем (*One speaks of it all. All one can. — ... Говоришь обо всем. Обо всем, о чем можно.* Поэтому следующий скачок происходит по ассоциации «говорить — значит жить», и безмолвный Вилли для Винни все равно что

¹ Здесь и далее перевод Л. Беспалова.

мертв (Oh no doubt, you are dead — ...Конечно же, ты умер). Винни недостаточно только мыслить, необходимо озвучить свои мысли, чтобы зафиксировать факт своего существования. Молчание для нее тождественно смерти. Однако ее монологи полны пауз. Это может означать, что смерть, конец, имманентно присутствует в пьесе.

Помимо ремарки *pause*, драматургами используются и другие способы обозначения разных по длительности пауз: ремарки *silence* (молчание, тишина), *hesitates* (колеблется), а также пунктуационные знаки — тире и многоточие.

Словарь Merriam-Webster дает следующие определения лексемы *silence*: 1) *forbearance from speech or noise*, 2) *absence of sound or noise*, 3) *absence of mention* [11]. Очевидно, что ремарка *silence* используется для более длительных пауз, поскольку лексема *silence* лишена семы *temporary* (временный), которая присутствовала в *pause*. Более того, *silence* включает в себя не только речевую паузу, но и отсутствие других звуков, т. е. смысловое наполнение понятия *silence* шире, чем традиционного *pause*. В контексте театра абсурда важна сема *absence* (отсутствие), потому что в таком случае ремарка *silence* актуализирует тот самый минус-прием, о котором говорилось ранее. Воздержание от речи (*forbearance from speech*) и отсутствие упоминания (*absence of mention*), т. е. скрытность, можно назвать коммуникативными стратегиями. Следовательно, в условиях коммуникативной затрудненности, характерной для пьес театра абсурда, ремарка *silence* может служить маркером подобного речевого поведения. Например, ремарка *pause* используется для пауз в рамках одной реплики, а *silence* — между репликами разных персонажей в тексте пьесы С. Беккета *All That Fall* (1956) («Обо всех падающих»). Подобным образом подчеркивается проблемный характер коммуникации: реплики не подхватывают друг друга, сливаясь в связанном диалоге, а возникают только после периода длительной паузы — молчания.

Лексема *hesitate*, согласно словарю Merriam-Webster, содержит такие компоненты, как *doubt* (сомнение) и *indecision* (нерешительность), которые передают внутреннее состояние продуцента речи [11]. Это значит, что ремарка *hesitates* служит в том числе и для характеристики персонажа. Различия в использовании ремарок *hesitates* и *pause* встречаем в тексте пьесы С. Беккета *Krapp's Last Tape* (1958) («Последняя лента Крэппа»). Единственным действующим лицом в этой пьесе является усталый старик Крэпп. Это произведение, как и пьеса «Счастливые дни», создано в технике потока сознания, но здесь этот прием осложнен тем, что Крэпп слушает старые записи собственной речи, которые, в свою очередь, тоже являются своеобразным потоком сознания. Фрагментарность внутренней речи оформляется в тексте пьесы разными видами пауз: ремарка *pause* — для более длительных промедлений; а ремарка *hesitates* — для пауз гезитации, вызванных попытками персонажа что-то вспомнить или найти подходящее слово.

Наиболее частотным знаком препинания, выражающим паузу, является многоточие, которое по правилам пунктуации английского языка ставится в случае пропуска одного или нескольких слов [12]. Этот практически универсальный знак препинания может применяться на месте пропуска легко восстанавливаемого

слова, без потери смысла; или, наоборот, при резком переходе на новую тему, когда предыдущая мысль остается нераскрытой. Многоточие также употребляется при неспешном перечислении или повторах. В пьесах оно часто эксплицирует умолчание (апосиопезу) — намеренный обрыв высказывания, вызванный эмоциями говорящего или определенными мотивами, актуальными для конкретной ситуации. Такое умолчание можно рассматривать как намек, коммуникативную стратегию, направленную на то, чтобы собеседник сам додумал или озвучил конец высказывания. Многоточие, маркирующее молчание, создает многозначность и, как следствие, когнитивный импульс для читателя или слушателя. Также многоточие просодически замедляет темп речи, добавляя ей меланхоличности. Тире, так же как и многоточие, может выражать молчание. Однако тире передает паузу в резко прерванной речи, что бывает вызвано внешними факторами.

Многоточие является основным знаком препинания в пьесе С. Беккета *Not I* (1972) («Не я»), в которой передается очень сумбурная и хаотичная речь героини. Микропауза практически после каждого слова или словосочетания свидетельствует о скачкообразном мышлении персонажа:

MOUTH:out ... into this world ... this world ... tiny little thing ... before its time ... in a godfor- ... what?.. girl?.. yes ... tiny little girl ... into this ... out into this ... before her time ... godforsaken hole called ... called ... no matter ... [1: p. 376].

(РОТ: ...сюда... в этот мир... этот мир... крошечное существо... раньше срока... в прокля-... что?... девочка?... да... крошечная девочка... в этот... сюда в этот... раньше срока... в проклятую дыру под названием... названием... не важно...) (*Пер. Д. Волчека*).

Интересными представляются наблюдения о пунктуационных способах передачи паузы Г. Пинтера, одного из самых влиятельных драматургов своего времени. Пауза стала отличительной чертой авторского стиля Г. Пинтера, названного *pinteresque* по фамилии драматурга. В своем программном выступлении *Writing for the Theatre* на Национальном студенческом театральном фестивале в Бристоле в 1962 г. Г. Пинтер отмечает, что в пьесе *The Birthday Party* (1957) («День рождения») он использовал тире, а в *The Caretaker* (1959) («Сторож») отказался от тире, заменив его многоточием. Любопытно, что «Сторож» имел больший успех, чем «День рождения», и, как заключил Г. Пинтер, «критиков не обманешь. Они могут отличить тире от многоточия, даже если не слышат ни того, ни другого» [10: p. 33]. Вероятно, это объясняется когнитивными особенностями многоточия и тире, о которых было сказано ранее: если тире выражает резкость и фрагментарность речи, то многоточие более многозначно. Иллюстрацией использования многоточия может служить пример диалога из пьесы «Сторож»:

DAVIES (cont.): How long for?

ASTON: Till you... get yourself fixed up.

DAVIES (sitting): Ay well, that...

ASTON: Get yourself sorted out...

DAVIES: Oh I'll be fixed up... pretty soon now... [2: p. 116].

(ДЭВИС: Надолго?

АСТОН. Пока... пока не устроишься.

ДЭВИС (садясь): Да, конечно...

АСТОН: Пока не определишься...

ДЭВИС: Ну, я устроюсь... совсем уж скоро...) (Перевод мой. — *Н. Т.*)

Указанное выше курьезное наблюдение драматурга подтверждает, что паузация — это все-таки авторский стилистический прием, который закладывается на этапе создания текста драматургического произведения и реализуется не только актерами во время исполнения, но и читателем с помощью внутреннего слуха и чувства ритма.

Поскольку акустически паузы различаются прежде всего по длительности, существуют разные способы их фиксации в тексте. Режиссер Питер Холл, друг Г. Пинтера, тоже отметил разницу между текстовыми приемами передачи паузы в пьесах Пинтера. Он ассоциирует ремарку *pause* с мостом, неким переходным моментом в реплике персонажа, или пробелом, который заполняется ретроспективно. Ремарка *silence* появляется там, где противостояние достигает предела и после молчания возможны два варианта: либо градус конфликта понизится, либо произойдет нечто совсем экстремальное. Многоотчие — это очень небольшое колебание, которое, однако, отличается как от точки с запятой, которую Пинтер почти никогда не использует, так и от запятой [9: р. 10]. Как сам драматург объяснял в одном из своих интервью, пауза обусловлена тем, что происходит в сознании персонажа. Она производна от текста и является неотъемлемой частью действия, т. е. при правильной интерпретации текста пьесы пауза неизбежна в определенном месте спектакля. Воплощение ремарки *silence* (молчание), означающей, что произошло нечто, требует от действующих лиц некоторого времени, чтобы восстановиться, прежде чем продолжить общение [8: р. 23].

Как показывает анализ фактического материала, ремарка *silence* часто стоит в кульминационных моментах. Так, в пьесе «День рождения» Г. Пинтера [2: р. 60] персонаж Стенли подвергается вербальной атаке со стороны Голдберга и Макканна. Сначала Стенли сопротивляется и отвечает им лишь встречными вопросами, выражающими удивление: «Yesterday? Me?» («Вчера? Я?»)² Однако его прерывают и не дают ему времени и возможности озвучить полностью его вопросы. Такое грубое, резкое прерывание графически обозначено с помощью тире: «What are you – What the» –. («Что вы – Что за» –.) Вскоре Стенли сдается под натиском Голдберга и Макканна и начинает давать им четкие ответы: «Last year. My feet hurt! I had a headache». («В прошлом году. Ноги болели! Голова болела.») Но на него продолжают сыпаться вопросы, обвинения и оскорбления, и его ответы становятся все менее определенными: «En – An – I have one every – Anything – Neither. Both». («Ин – Ан – Каждый – Никакой. Оба.») Эта вербальная попытка продолжается, и Стенли лишь

² Здесь и далее перевод мой. — *Н. Т.*

повторяет: «He wanted to – He wanted to...» [2: p. 65] («Он хотел – Он хотел...»). При этом в конце его реплик появляется многоточие, т. е. пауза удлиняется, что может говорить о растерянности и колебании Стенли. Наконец, эпизод достигает своей кульминации, звучат сокрушительные слова Голдберга и Макканна, после которых наступает молчание:

MACCANN: You're dead.

GOLDBERG: You're dead. You can't live. You can't think. You can't love. You're dead. You're a plague gone bad. There is no juice in you. You're nothing but an odour!
[Silence] [2: p. 66].

(Макканн: Ты труп.

Гольдберг: Труп. Вы не в состоянии жить, думать, любить. Вы — покойник. Смердящий труп. Вместо жизненных соков — трупный яд!) (Пер. А.Я. Ливергант).

Стенли оставляет свои попытки к общению, уходит в безопасную зону молчания. Пауза-молчание здесь скрывает внутреннюю работу его сознания и создает эффект тревожного ожидания, беспокойства у зрителя или читателя. После паузы герой внезапно дает не вербальный, а физический отпор:

They stand over him. He is crouched in the chair. He looks up slowly and kicks Goldberg in the stomach. Goldberg falls. Stanley stands. McCann seizes a chair and lifts it above his head. Stanley seizes a chair and covers his head with it. McCann and Stanley circle [2: p. 60–66].

(Они стоят над Стэнли. Он скрючился на стуле. Медленно поднимает голову и ударяет ногой Гольдберга в живот. Гольдберг падает. Стэнли встает. Макканн хватается за стул и заносит его над головой. Стэнли поднимает другой стул и прикрывает им голову. Макканн и Стэнли ходят по кругу.) (Пер. А.Я. Ливергант).

Многие ранние пьесы Г. Пинтера, к которым относится и «День рождения», а также некоторые из его поздних работ, критики определяют как комедии угрозы (comedies of menace). Их комичность заключается в использовании абсурдистских техник, таких как фарс, каламбур, плеоназм, тавтология, non sequitur. Угроза, как правило, всегда скрыта, но, как и предчувствие конца в пьесах С. Беккета, неопределенный страх неизменно присутствует во многих пьесах Г. Пинтера. В связи с этим паузы приобретают особое драматическое значение: они наполняют повседневные, заурядные диалоги психологизмом и эмоциональностью. Кроме того, в комедиях угрозы молчание становится неким убежищем героя. Как видно из цитируемого выше примера, молчание — способ скрыться или избежать угрозы. В пьесах, где практически нет действия, а конфликт развивается в большей степени вербально, молчание, отказ от говорения означает выход из игры, удаление в собственную зону комфорта, т. е. зону молчания.

Есть мнение, что существует два типа молчания. В первом случае слова не произносятся вовсе, а во втором, напротив, — используется целый речевой поток [10: p. 37]. Конечно, буквальная паузой — молчанием является только первый тип. Второй тип, по Г. Пинтеру, — это коммуникативное молчание,

речь как непрерывная ссылка на произнесенный смысл, как стремление избежать или скрыть то, о чем молчат. Фактически это избыточное говорение, которое можно рассматривать как определенную манипулятивную речевую стратегию, призванную запутать собеседника отсутствием логики и смысла, что создает псевдопровал коммуникации. Вместе с тем та же стратегия может быть реализована как самовнушение или самообман, когда происходит либо фиксация на определенной теме, либо сознательное избегание ее.

Избыточное говорение, как и коммуникативная неудача (явление схожее, но не тождественное пинтеровскому молчанию), свойственно всем пьесам театра абсурда. Примером может служить фрагмент текста, взятый из второго акта пьесы Т. Стоппарда *Rosencrantz and Guildenstern are Dead* (1966) «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». Розенкранц спрашивает Гильденстерна, представляет ли он себя мертвым, лежащим в гробу. Получив лаконичный отрицательный ответ от Гильденстерна, Розенкранц соглашается, что глупо было бы об этом переживать. Однако далее следует его монолог-рассуждение на тему смерти и вечности. Несмотря на то что Розенкранц не говорит прямо, что он боится смерти, избыточные подробные описания, разделительные вопросы, а также риторические вопросы представляют собой попытку убедить себя в несостоятельности этого скрытого страха. Эти рассуждения, однако, заканчиваются прямо противоположным выводом, сформулированным уже Гильденстерном: «*Death followed by eternity the worst of both worlds. It is a terrible thought*» [3: p. 41]. («Смерть, сопровождаемая вечностью... худшее, что есть в обоих мирах. Это и вправду ужасная мысль»). (Пер. И. Бродского).

Важно, что молчание в прямом смысле (пауза) и молчание в переносном смысле (избыточное, нарочитое говорение, лишенное или избегающее смысла) играют ключевую роль в построении подтекста. Несмотря на то что драматургия театра абсурда использует средства создания алогичного, нелепого, бессмысленного, абсурдистские произведения не лишены смысла, большая его часть скрыта именно в подтексте. Это согласуется с общей установкой литературы XX в. на невыразимость и сомнительный характер реальной действительности, в связи с чем подтекст приобретает особое значение.

Таким образом, пауза в любом художественном тексте наделена целым рядом функций:

- а) имплицативной — имплицитует подтекст, тем самым открывая возможность приращения смысла;
- б) прогностической — создает предпосылки для развития сюжетной линии в разных направлениях;
- в) шифтинговой — смещает фокус речи на иной объект или тему.

Пауза в тексте пьесы маркируется вербально авторской ремаркой. Выбор лексемы значим функционально, поскольку является показателем:

а) авторской рекомендации в инсценировке пьесы (формальная, регулирующая функция);

б) внутреннего эмоционального состояния продуцента речи (функция создания образа, или художественная функция);

в) недосказанности, тем самым создавая эффект ожидания, замедленности (мышления или действия).

Пауза в театральной интерпретации пьесы может:

а) определять внутреннюю интенциональную установку действующего лица;

б) создавать ситуативную напряженность;

в) апеллировать к воображению зрителя;

г) маркировать с помощью различных по долготе пауз переходные моменты в сценах;

д) создавать характерный для театра абсурда замедленный, монотонный ритм пьесы.

Пауза в драматургии абсурдизма является необходимым атрибутом потока сознания: паузы хезитации продуцируют эффект правдоподобия и естественности художественной речи. В контексте философии абсурда пауза отражает идею коммуникативной несостоятельности.

Библиографический список

Источники

1. *Beckett S.* The complete dramatic works. London: Faber and Faber, 2006. 476 p.

2. *Pinter H.* The Essential Pinter. Selections from the work of Harold Pinter. NY: Grove Press, 2006. 404 p.

3. *Stoppard T.* Rosencrantz and Guildenstern are Dead. NY: Grove Press, 1994. 126 p.

Литература

4. *Лотман Ю.* Структура художественного текста [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php (дата обращения: 13.07.2018).

5. *Николаева М.Н.* Поток сознания как способ актуализации связности в художественном тексте // Проблемы современной стилистики: сб. науч. тр. Вып. 459. М.: МГЛУ, 2001. С. 55–67.

6. *Николаева М.Н., Томская Н.Н.* Лингвонегативизм С. Беккета (на примере текста пьесы «В ожидании Годо») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-1 (84). С. 128–135.

7. *Станиславский К.С.* Собр. соч. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/stanislawskij_k_s/ (дата обращения: 13.07.2018).

8. *Gussow M.* Conversations with Pinter. NY: Limelight Editions, 1994. 102 p.

9. Peter Hall to Catherine Itzin and Simon Trussler. Theatre Quarterly. Vol. 4. № 16. 1974/75. P. 4–17.

10. *Pinter H.* Various voices: sixty years of prose, poetry, politics 1948–2008. London: Faber and Faber, 2013. 314 p.

Справочные и информационные издания

11. Merriam-Webster's Unabridged Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 10.08.2018).

12. Rules for Compositors and Readers at the University Press, Oxford [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/stream/rulesforcomposi00bradgoog#page/n50> (дата обращения: 10.08.2018).

References

Istochniki

1. *Beckett S.* The complete dramatic works. London: Faber and Faber, 2006. 476 p.

2. *Pinter H.* The Essential Pinter. Selections from the work of Harold Pinter. NY: Grove Press, 2006. 404 p.

3. *Stoppard T.* Rosencrantz and Guildenstern are Dead. NY: Grove Press, 1994. 126 p.

Literatura

4. *Lotman Yu.* Struktura xudozhestvennogo teksta [E'lektronny'j resurs]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php (data obrashheniya: 13.07.2018).

5. *Nikolaeva M.N.* Potok soznaniya kak sposob aktualizacii svyaznosti v xudozhestvennom tekste // Problemy' sovremennoj stilistiki: sb. nauch. tr. Vy'p. 459. M.: MGLU, 2001. S. 55–67.

6. *Nikolaeva M.N., Tomskaya N.N.* Lingvonegativizm S. Bekketa (na primere teksta p'esy' «V ozhidanii Godo») // Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki. 2018. № 6-1 (84). S. 128–135.

7. *Stanislavskij K.S.* Sobr. soch. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://az.lib.ru/s/stanislavskij_k_s/ (data obrashheniya: 13.07.2018).

8. *Gussow M.* Conversations with Pinter. NY: Limelight Editions, 1994. 102 p.

9. Peter Hall to Catherine Itzin and Simon Trussler. Theatre Quarterly. Vol. 4. № 16. 1974/75. P. 4–17.

10. *Pinter H.* Various voices: sixty years of prose, poetry, politics 1948–2008. London: Faber and Faber, 2013. 314 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. Merriam-Webster's Unabridged Dictionary [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (data obrashheniya: 10.08.2018).

12. Rules for Compositors and Readers at the University Press, Oxford [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://archive.org/stream/rulesforcomposi00bradgoog#page/n50> (data obrashheniya: 10.08.2018).

N.N. Tomskaya

**Peculiarities and Functions of Pausatation
in the Plays of the British Theater of the Absurd**

The article considers pausatation as a phonostylistic phenomenon in the texts of the plays of the British theater of the absurd. Due to generic features of drama there are different ways of fixation of functionally different pauses in the dramatic text, ranging from a grammatical pause to a long «silence» pause.

Keywords: theater of the absurd; pause; stream of consciousness; dash; ellipsis.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

**Рецензия на книгу
«Литературный энциклопедический
словарь Ярославского края
(XII – начало XXI века)»
(сост. и общ. ред. О.Н. Скибинской.
Ярославль: Академия 76, 2018. 680 с.)**

Словарно-справочная литература, несмотря на специфику содержания, отбора, подачи и оформления материала, всегда пользовалась повышенным спросом не только у специалистов, но и у широкого круга читателей. Не удивительно поэтому, что в последнюю четверть XX в. в России количество словарей, справочников, энциклопедий по разным областям гуманитарного знания, в частности литературоведения, неизмеримо выросло. Этапами в развитии науки о литературе стали универсальные и специальные литературоведческие энциклопедии и словари, освещающие историю и современные достижения теории литературы, такие как «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (М., 2001), энциклопедия «Западное литературоведение XX века» (М., 2004), «Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель» (М., 2010).

Все больше становится персональных по характеру информации словарей и энциклопедий. Одной из первых явилась «Лермонтовская энциклопедия» (М., 1981). В наши дни о них можно говорить только во множественном числе: читатели располагают аналогичными персональными изданиями, посвященными А.П. Чехову (2011), А.Н. Островскому (2012), М.А. Шолохову (2012), Л. Толстому (2009) и др. Исследователи, входящие в творческие коллективы этих изданий, стремятся не только обобщить и систематизировать накопленный историко-литературный и теоретический материал, но и расставить логические акценты, обусловленные временем. Поэтому материалы, казалось бы, хорошо известные, освещающие достижения прошлого, воспринимаются по-иному в контексте целого. Но особую ценность представляют результаты

современных изысканий. В этих книгах много историко-литературных открытий и уточнений, способствующих возникновению новых интерпретаций.

Эту традицию продолжает «Литературный энциклопедический словарь Ярославского края (XII – начало XXI века)». Как утверждает составитель и редактор книги, прозаик, публицист, литературовед, краевед, педагог О.Н. Скибинская, это первая попытка в истории отечественной культуры высветить развитие русской литературы на определенном пространстве, определить влияние этого пространства на литературный процесс. К этому можно добавить, что сама концепция глубинных связей культуры с географическими условиями возникла в русле давней традиции, в частности, развитой в трудах по литературному краеведению в XIX–XX вв. Но она значительно отличается от исследований по истории областных культурных гнезд, подчеркивающих местную специфику литературных явлений.

Концепция издания основывается на том, что русская литература развивалась на всем пространстве страны. Ярославль (город и окрестные поселения), природа, архитектура, жители, их жизненный уклад так или иначе влияли на известных и малозаметных в исторической перспективе литераторов. Не только ярославцы по рождению, но и уроженцы столиц и провинций, писатели и поэты волею судеб оказывались на Ярославщине, восхищаясь ее природой, людьми, воспроизводили их в своих сочинениях. Так, местные, ярославские реалии входили в общерусскую культуру. В то же время произведения, созданные в других уголках страны, интенсивно функционировали в Ярославском крае. Эти процессы можно рассматривать как одну из особенностей национального своеобразия русской литературы.

Ярославль знаменит тем, что хранит книжные редкости. Здесь в Спасском монастыре (по одной из версий) был найден единственный список «Слова о полку Игореве». В личной библиотеке ярославских купцов Лыткиных сохранилось «Сказание» келаря Авраамия Палицына, писателя XVI в., с пометками владельцев, как предполагают ученые, свидетелей исторических событий Смутного времени.

Большинство статей в словаре библиографического характера. Все перечислить в рецензии невозможно — их около пятисот. На широкий круг читателей рассчитаны материалы о классиках русской литературы. С Ярославлем связаны эпизоды из жизни Ф.И. Тютчева, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, А. Толстого и др. Но центральная фигура — Н.А. Некрасов. Статья о нем показательна в плане отбора материала. Ее автор С. Смирнов, обзорно представив творческий путь поэта, стремился выполнить литературно-краеведческую задачу, показал, как увековечена память о поэте в Ярославском крае. Отсылки к десяти другим статьям книги («Аббакумцево», «Ашукин Н.С.», «Грешнево», «Карабиха», «Красильников Г.В.», «Мельгунов Б.В.», «Островский А.Н.», «Пайков Н.Н.» «Праволамский Петр», «Филимонов Н.Н.» и др.), обогащают представление читателей о ярославских связях Некрасова.

Запечатлено в памяти ярославцев и имя поэта-самоучки И.З. Сурикова. Специальная областная ярославская премия его имени за достижения в литературе поддерживает талантливых писателей в наши дни. Этой премии посвящена отдельная статья.

Подробности жизни и творчества известных литераторов неизменно привлекают внимание историков. Например, казалось бы, в хорошо изученной биографии поэта, представителя «органической критики» Ап. Григорьева факт посещения Ярославля подразумевается в контексте его поездки в Оренбург. Автор статьи (М. Александровская) выделяет ярославский эпизод его жизни, о котором поэт писал своему другу Н.Н. Страхову и отзывался о Ярославле как о «настоящей столице Поволжья, с даровитым, умным, хоть и ерническим народом...» (с. 136).

Биографические детали некогда известных, но ныне перешедших во «второй ряд» писателей XIX в., представляют особый интерес. И здесь авторы словаря вносят уточнения. Так, не отмечается в известных словарях факт из жизни М.В. Авдеева, который с 1849 по 1851 г. служил чиновником Ярославской строительной комиссии. Как раз в это время к нему пришел успех: в «Современнике» была опубликована повесть «Варенька» (1949, № 3), «Записки Тамарина» (1850, № 1–2), «Иванов» (1851, № 9), составившие роман-трилогию «Тамарин» (автор статьи — Е. Ермолин).

Актуально звучат статьи, посвященные недавнему прошлому — литературной жизни XX в. Здесь привлекают внимание обзорные материалы (автор член Союза писателей России О. Скибинская): «Союз писателей СССР», где на фоне общей информации рассказано о Ярославском отделении этой организации, и «Союз писателей России», в которой говорится о достижениях писателей, членов Ярославского отделения.

Журналисты, критики, переводчики, поэты, прозаики, издатели — нет такой области литературного творчества, представители которой не имели бы отношения к Ярославской земле. Так или иначе связаны с ней В. Маяковский, М.М. Пришвин, А.М. Ремизов, В.С. Розов, Ю.Н. Тынянов, А. Фадеев, Е. Шварц и мн. др. Творчески причастен к ярославской земле Ф. Абрамов. Окрестности деревни Опольнево Борисоглебского района, где он бывал в период с 1967 по 1979 г., запечатлены в ряде его произведений. Жители деревни (семья Чаловых) стали прототипами его произведений (рассказ «Бабилей»). Ю. Кублановский родился в г. Рыбинске, здесь была выпущена его книга «Чужбинное», здесь же поэту присвоено звание почетного гражданина Рыбинска.

Подчеркивая значение ярославского края в российской культуре, авторы не сглаживают противоречий. Так, рассказывая о ярославских страницах жизни А.И. Солженицына, авторы статьи В. Рябой, О. Скибинская отмечают, что в Ярославле, где писатель остановился на несколько дней, возвращаясь на родину в 1994 г., на встречу с ним пришли несколько тысяч человек, но большинство членов ярославского отделения Союза писателей мероприятие проигнорировали.

Намечена в словаре и литературная перспектива: представлены новые имена, в частности, молодых авторов, чья жизнь связана с Ярославлем. Это поэт, прозаик, драматург Н.Н. Кудричева; педагог, издатель, прозаик М.А. Нянковский; поэт Л.А. Серикова, прозаик А.А. Серов, драматург Ю.Л. Черняк и многие другие.

По большому счету, авторы словаря пишут о единстве творческого сознания, переплавлявшего впечатления, полученные в разных уголках страны; о единстве литературного процесса, объединяющего творчество писателей из разных городов, о единстве русской литературы, произведения которой написаны не только в столицах. Именно в этом видится главный итог и достоинство издания.

Г.И. Романова

Рецензия на книгу В.И. Новикова
«Любовь лингвиста»
(М.: Изд-во «Э», 2018. 512 с.)

Все, что написано Владимиром Ивановичем Новиковым, всегда событие, которого ждешь. Таким значительным явлением были биографии В.С. Высоцкого, А.А. Блока, А.С. Пушкина, «Словарь модных слов», «Роман с языком» и «Роман с литературой». Новая книга В.И. Новикова, профессора Московского университета, известного филолога и популяризатора бренда «филологический роман», — это признание в любви лингвистике как науке. На обложке — предупреждающий знак о том, что стоит за текстом: «Как научиться пробовать друг друга на язык, дегустировать, чувствительно и осознанно наслаждаться общением, утолять вкус, не доходя до пресыщения».

Книга, вышедшая в серии «Филологический нон-фикшн», отличается жанровым многообразием. Это, во-первых, «Сентиментальный дискурс. Роман с языком», затем профессор экспериментирует и с мемуарно-биографическим жанром — «Повесть о Михаиле Панове», и завершает книгу цикл эссе «Пятьдесят свиданий с русской речью». Три части книги связаны с именем Панова: первая часть — начало разговора о жизни филолога, вторая часть — его документальный портрет на фоне близкого круга, а третья — духовное послание автора своему учителю, попытка смотреть на мир слов, как на мир людей, которые подвластны изменениям.

Владимир Иванович отходит от канона серии «Жизнь замечательных людей», пишет повесть, воспроизводящую естественный ход жизни знаменитого ученого. Тут и его детское чтение с приоритетом поэзии, и его общение с природой, что в дальнейшем поможет оригинально рисовать образно-ассоциативные портреты русских поэтов, пользуясь «красками растительными, водными и лучистыми». Поэзия для Панова — движение эстетических форм. В.И. Новиков настаивает, что Панов был эстетиком, т. е. тем, кто чувствует, и для автора важно, что эстетическое переживание — фактор исторического движения искусства.

Каждый из эрудитов помнит завет Платона — знать свои корни, поэтому интересно читать о родителях профессора: В.А. Пановой — художнице и поэтессе, Викторе Васильевиче — офицере царской армии, впоследствии специалисте по текстилю, людях созидательного склада.

Скрупулезная работа с рукописями Панова, исследование его спецкурсов, стихотворных текстов вызывает как у автора, так и у читателя много вопросов. Невольно В.И. Новиков выводит новую формулу верлибра: квинтэссенция поэтичности. Он делится собственными наблюдениями за методом мышления учителя, системой его оригинальных приемов и подходов к изучению языка и литературы.

Заслуживает внимания рассуждение о том, что такое учительство. По Панову, это непрерывное общение с предметом исследования, постоянная провокация на самостоятельное открытие нового. Постепенно при чтении «Повести» вырастает образ ученого с собственным речевым стилем, который оперирует архитектурными категориями. По словам Новикова, язык он уподоблял многоэтажному зданию, выстроил собственное мироздание филологической науки. Повесть о филологе — философское размышление о том, что такие люди, как Панов, — российский феномен, у таких ярких исследователей нет границы между жизнью и книгой, их педагогика пронизана игровым остроумием. Известно, что игра с языком — высшее проявление владения им. Панов умел делать это даже с лингвистическими терминами. Самый главный термин, вокруг которого строилось учение Панова, — фонема. Она — основа основ, в известном школьном словаре лингвистических терминов толкование этой категории давал Панов по просьбе самого составителя Д.И. Розенталя. Пожалуй, только он мог так возвысить фонему, возвести ее на пьедестал, и минимальная звуковая единица вошла в сознание всех языковедов, не только тех, кто посещал лекции Панова в МГУ. А для автора повести Панов «сам чем-то похож на фонему» — уже, видимо, тем, что в нем было сразу несколько ипостасей: языковед, литературовед, критик, поэт.

Увлекательная повесть о филологе изобилует рассуждениями литературоведческого и лингвистического толка. Например, терминология. Называя Панова *эссенциалистом*, профессор дает блестящее толкование этому слову: «То есть он сосредоточен на сущностях, свободен от фетишизма частных и мелочей. Не любит мнимых сущностей и нарочитых терминов» (с. 305).

Теперь о стиле автора. Стиль В.И. Новикова узнаваем и неповторим: пристальное внимание к слову, латинские изречения, украшающие текст, риторические вопросы, как в римской риторике, — завораживают и увлекают читателя, который находится в постоянном поиске ответов на серьезные вопросы. В «Повести о Михаиле Панове» дан образец оригинального разбора поэтического текста, для студента-филолога он будет прекрасным поводом для собственных смелых описаний стихотворных картин. В тексте, помимо жизнеописания, выведена идеальная формула восприятия художественных произведений: «переживание вступает в резонанс с переживанием художника» (с. 258).

Читая «Повесть о Михаиле Панове», можно собрать россыпь афоризмов и самого автора и героя: «Умеющий дружить и с мужчиной, и с женщиной —

это дважды человек, дважды личность» (с. 297), «Писателя судят по его “верхам”, а читателя по его “низам”» (с. 339). Трудно определить, кто же из них победитель: оба виртуозно цитируют классику, оба оригинальны в своих выводах, поэтому читателю интересен как герой, так и повествователь. Это одно из эстетических удовольствий от чтения филологической прозы. Даже философские темы автором рассматриваются в филологическом аспекте: «Ищем мы Бога, а Бог в это время ищет нас. И длится этот диалог до самого последнего мгновения, и уже после прощания с близкими последнюю реплику человека слышит только его вечный Собеседник» (с. 343).

Если задаться целью перечислить всех поэтов, филологов, переводчиков, упоминаемых в тексте, то труд Владимира Ивановича может соперничать по содержательности со справочником С. Чупринина «Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям»: Пушкин, Блок, Достоевский, Хлебников, Пастернак, Синявский и Даниэль, Окуджава, Высоцкий...

Новиков научился у М.В. Панова в первую очередь системности, умению не останавливаться и идти вперед, поклонению языку, как божеству. С любовью им собраны фразы Панова, фрагменты из разговоров, они поражают подлинностью и афористичностью, например: «читая стихи, наслаждайся непониманием» (с. 340). А письмо Панова, адресованное семье Новиковых, оценивается как увлекательное вихревание научных мыслей.

Михаил Викторович Панов не герой из Зазеркалья, он наш современник, его метания понятны сегодняшнему читателю даже больше, чем тем, кто был рядом, потому что он, по словам автора, личность философского масштаба, может, поэтому предыдущий «Роман с языком» (2001), в котором прототипом героя был Панов, не выдержал такой колоссальной нагрузки. И в рецензируемой книге «Любовь лингвиста» В.И. Новиков дает объемный портрет Панова, создает научно-художественное произведение с философскими вопросами и философскими противоречиями. Автору непременно нужно было показать Панова как «многоцветного человека, с которым нестерпимо хочется сдружить читателей» (с. 251).

И если мир вокруг героя не менялся, доставляя ему боль и страдания, то после прочтения филологической прозы В.И. Новикова читатель невольно меняется сам: любовь к лингвисту оказывается заразительна.

О.Ф. Ладохина

**Взаимодействие языков и культур:
интегральность, диалогичность
или мифологизация?**

**Информационно-аналитический
обзор материалов Международной
научной конференции
(Челябинск, 28–30 мая 2018 г.)**

Конференция, организованная Южно-Уральским государственным университетом (Национальным исследовательским университетом) и Тяньцзиньским университетом иностранных языков (КНР) в рамках договора о сотрудничестве и приуроченная к 75-летию уральского вуза, проходила на базе Института лингвистики и международных коммуникаций ЮУрГУ (НИУ). Московский городской педагогический университет на форуме представляли д-р филол. наук Л.Г. Викулова и канд. филол. наук С.А. Герасимова.

Организация такого мероприятия в рамках многопрофильного вуза основана на том, что ученые, представлявшие разные научные школы, обратились к актуальным проблемам социогуманитарного знания, остро проявляющим себя в межкультурной коммуникации. Конференция объединила тех, кто работает в высшей школе, где научные изыскания в области лингвистики и лингводидактики, как и практика образовательной деятельности, способствуют повышению уровня профессиональной подготовки будущих специалистов. Согласимся с авторитетным мнением В.Е. Чернявской в том, что коммуникация в науке — это часть информационного общества и социологии науки, характеризующая особенности формальной и неформальной коммуникации среди ученых в зависимости от их функциональных ролей в сообществе (теоретик, методолог, эксперт, руководитель научной школы, представитель административной страты) <...> в продвижении научного знания и обеспечении заметности и влияния результата [5: с. 12].

К теме, заявленной в названии конференции, — измерению феноменов диалог культур и культура диалога — ученые обращались неоднократно. Пример полидисциплинарной трактовки вопросов межкультурной коммуникации с позиции антропологической научной парадигмы, вписывающей человека в сложный мир окружающей действительности, находим в коллективной монографии «Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности», где полемично заостряются вопросы интегральности, диалогичности и даже мифологизации такого явления, как диалог культур [4].

Встречи ученых, представлявших доклады на пленарных и секционных заседаниях, мастер-классах, а также на круглых столах, были нацелены на обсуждение таких проблем, как взаимодействие культур в евразийском пространстве и времени, национальные языки в условиях глобализации, национальные литературные языки и языки художественной литературы, языковая политика и др. По результатам конференции вышел двухтомный сборник, содержащий материалы докладов, посвященных лингвокультурным ценностям, языковой политике и межкультурной лингводидактике [1, 2].

На четырех пленарных заседаниях конференции прозвучали актуальные выступления российских ученых. Доклад проф. В.И. Карасика (Волгоград) был посвящен рассмотрению аксиологии сюжетных мотивов как квантов нарратива; в составе таких коммуникативных образований выделяются речевые, жанровые и скриптовые уровни их описания. При этом скриптовое объяснение сюжетных мотивов предполагает, по мнению автора, выделение норм и рекомендаций, составляющих ценностную картину мира [1: с. 50–54].

К активно развивающемуся научному направлению, связанному с коммуникацией в большом городе, обратилась проф. О.А. Леонтович (Волгоград), предложив термин «медиаурбанистика». Анализ семиотических характеристик городского пространства позволил автору рассматривать город как сложную коммуникативную систему [1: с. 89–91]. Актуальность данной проблемы перекликается с проблематикой языкового плюрализма в рамках города в докладе Н.С. Соловьевой и Д.В. Пятина (Магнитогорск) «Языковая политика в российском региональном городе (на примере г. Магнитогорска)» [2: с. 118–121]. Проблематика языкового плюрализма в рамках города как средоточия цивилизационных достижений была в свое время рассмотрена на материале мультилингвальных текстов, функционирующих в открытом городском пространстве в эпоху глобализации [3]. Лингвокреативный аспект поликодового текста (на материале логотипов городов) рассмотрен И.В. Степановой (Челябинск). Показано, что логотип как поликодовый текст направлен на популяризацию имиджа определенного города [1: с. 245–250].

В докладе проф. Г.Г. Слышкина (Москва) представлена проблема языковой политики с позиции аксиологии и праксиологии как инструментов формирования ценностной картины мира социума. Обоснована целесообразность

введения в научный оборот понятия «лингвокоммуникативная политика» [2: с. 115–117]. С темой языковой политики перекликался доклад проф. В.А. Жилиной (Магнитогорск) «Полиязычие vs поликультура» [2: с. 17–20]. В этом же направлении работала секция «Языковая политика и национальные языки» под руководством проф. Е.В. Харченко, в рамках которой приняли участие ведущие преподаватели Института лингвистики и международных коммуникаций, аспиранты и магистранты, приехавшие в ЮУрГУ на обучение из-за рубежа. Научный старт для молодежи в формате международной конференции с участием ведущих ученых России стал хорошей школой академического общения.

Рассматривая лингвокультурные ценности в историческом дискурсе, проф. А.П. Миньяр-Белоручева (Москва) отметила в пленарном докладе, что ценности как ментальные образования развиваются на основе исторически сложившихся традиций и идеологий, а в историческом дискурсе они проявляются в оценке исторических событий и личностей [1: с. 103–106].

Интересным представляется пленарный доклад проф. А.П. Чудинова (Екатеринбург) по сравнительной метафорологии, перспективному направлению современной когнитивной лингвистики. Выделены ее варианты, определяемые смысловой сферой функционирования (политическая, педагогическая, медицинская, медийная, экономическая, рекламная и другие сферы). Рассмотрена специфика сопоставления метафор в различных дискурсах, в том числе в национальных, социумных, профессиональных, личностных, гендерных, исторических и др. [1: с. 171–174].

Особый интерес представляла дискуссия ученых, посвященная национальным языкам и культурам в условиях глобализации. В частности, интерес вызвали доклад проф. Т.А. Воронцовой (Челябинск) «Лексика удмуртского языка в интернет-коммуникации» [2: с. 9–13], проф. И.А. Пушкаревой (Новокузнецк) «Этническая тема как краеведческая доминанта регионального медиадискурса (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий»)» [2: с. 51–55], проф. Л.П. Юздовой (Челябинск) «Ойконимы Челябинской области как отражение процессов когнитивистики» [2: с. 78–81].

Тема развития политического туризма на Южном Урале как элемента гуманитарного сотрудничества России и КНР в рамках евразийского пространства прозвучала в докладе канд. техн. наук, доц. Л.И. Шестаковой (Челябинск) [2: с. 143–146].

Важным представляется участие в международной конференции китайских коллег из Института европейских языков и культур Тяньцзиньского университета иностранных языков. В докладах лингвокультурологического характера было акцентировано внимание на сравнении китайской и русской культур на примере концепта «благородство» (проф. Ли Инин, директор института) и сравнении образов природы в творчестве китайских и русских поэтов XX в. (доц. Ван Вэнцзянь, декан факультета русского языка).

Результаты конференции показывают важность организации академических площадок в научно-образовательной среде, позволяющих обозначить ориентиры будущих научных дискуссий, в том числе по дискурсивной лингвистике. Так, пленарный доклад проф. О.А. Турбиной (Челябинск) был посвящен механизмам актуализации единиц языка в речевом акте в рамках лингвистической дискурсологии [2: с. 251–254]. Ставились вопросы об интегральности лингвистики дискурса (проф. Т.Н. Хомутова, Челябинск) [1: с. 262–265], политическом медиадискурсе (проф. О.Ф. Русакова, Екатеринбург) [1: с. 237–239], речевых жанрах (проф. В.В. Дементьев, Саратов) [1: с. 215–216] и др.

Работа конференции отражает продуктивность академического диалога ученых, представлявших научные школы Москвы, Волгограда, Екатеринбурга, Саратова, Челябинска, Магнитогорска, Новокузнецка и других регионов, с учеными ближнего и дальнего зарубежья. В ходе работы пленарных и секционных заседаний в фокусе научной мысли были актуальные междисциплинарные проблемы диалога культур, межкультурного подхода к подготовке студенчества к межкультурной коммуникации, перевода как межкультурного процесса.

Л.Г. Викулова

Библиографический список

Литература

1. Взаимодействие языков и культур: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. О.А. Турбиной. Т. 1. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2018. 283 с.
2. Взаимодействие языков и культур: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. О.А. Турбиной. Т. 2. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2018. 250 с.
3. *Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф.* Городское пространство как новая коммуникативная среда эпохи глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: междунар. конф.; доклады и сообщения; ИЯ РАН, НИЦ по национально-языковым отношениям; [отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко]. М.: Тезаурус – Языки Народов Мира, 2014. С. 302–309.
4. Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: колл. монография / отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: Неолит, 2017. 424 с.
5. *Чернявская В.Е.* Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: Ленанд, 2017. 144 с.

References

Literatura

1. Vzaimodejstvie yazy'kov i kul'tur: materialy' Mezhdunar. nauch. konf. / pod red. O.A. Turbinov. T. 1. Chelyabinsk: Izd. centr YUUrGU, 2018. 283 s.

2. Vzaimodejstvie yazy'kov i kul'tur: materialy' Mezhdunar. nauch. konf. / pod red. O.A. Turbinov. T. 2. Chelyabinsk: Izd. centr YUUrGU, 2018. 250 s.
3. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Gorodskoe prostranstvo kak novaya kommunikativnaya sreda e'poxi globalizacii // *Yazy'kovaya politika i yazy'kovy'e konflikty' v sovremennom mire: mezhdunar. konf.; doklady' i soobshheniya; IYa RAN, NICz po nacional'no-yazy'kovy'm otnosheniyam; [otv. red. A.N. Bitkeeva, V.Yu. Mihal'chenko]. M.: Tezaurus – Yazy'ki Narodov Mira, 2014. S. 302–309.*
4. Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: Chelovek i novy'e sociogumanitarny'e cennosti: koll. monografiya / otv. red. L.G. Vikulova, E.G. Tareva. M.: Neolit, 2017. 424 s.
5. *Chernyavskaya V.E.* Nauchny'j diskurs: Vy'dvizhenie rezul'tata kak kommunika-tivnaya i yazy'kovaya problema. M.: Lenand, 2017. 144 s.

Поздравляем с юбилеем Ольгу Васильевну Афанасьеву

Доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета Ольга Васильевна Афанасьева принадлежит к людям одаренным, ярким и запоминающимся.

Она всегда была одной из самых талантливых — среди учениц в школе, которую закончила с золотой медалью, неординарная студентка, аспирант, преподаватель. Выросшая в семье научной интеллигенции, Ольга Васильевна с детства мечтала о профессии учителя. В последние школьные годы эта мечта стала более конкретной — она захотела стать студенткой педагогического вуза, чтобы получить профессию учителя английского языка. Поступила в Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, блестяще закончила факультет английского языка и начала писать кандидатскую диссертацию в аспирантуре. Исследовательской работой Ольга Васильевна занималась под руководством известного отечественного лингвиста и методиста Владимира Дмитриевича Аракина, который был одним из главных учителей в ее жизни и навсегда остался для нее образцом ученого. Она достойно продолжила его дело.

После окончания аспирантуры, защитив кандидатскую диссертацию, Ольга Васильевна много лет трудилась в стенах родного вуза, сначала ассистентом, старшим преподавателем, а затем доцентом и профессором. Ее многочисленные ученики работают в сотнях школ и университетов России. Лучшие из них получили от Ольги Васильевны бесценный дар — увлеченность своей профессией, стремление к знаниям и отличное владение английским языком. Для многих она стала любимым учителем — и в этом нет ничего удивительного. Она любит и умеет щедро делиться с другими всем тем, что знает и умеет сама.

За годы работы Ольга Васильевна преподавала такие предметы, как практика устной и письменной речи, грамматика, лексикология и типология английского языка, страноведение. Она одинаково профессиональна и в роли лектора, и в роли преподавателя, ведущего практические занятия.

Отдавая много времени преподавательской работе, Ольга Васильевна никогда не переставала заниматься лингвистической наукой. Она автор научных статей, монографии, блестяще защищенной в 1994 г. в Институте

языкознания РАН докторской диссертации, написанной под руководством выдающегося отечественного лингвиста Елены Самойловны Кубряковой.

В 1995 г. Ольга Васильевна возглавила кафедру в созданном в столице Московском городском педагогическом университете и вскоре стала деканом факультета английской филологии. Ей удалось собрать не просто коллектив преподавателей, а команду увлеченных своим делом единомышленников. После реорганизации университета, упразднения факультета и учреждения Института иностранных языков в составе вуза О.В. Афанасьева до сентября 2018 г. возглавляла кафедру английской филологии, на которой всегда царила атмосфера творчества и взаимного уважения, в чем ее немалая заслуга.

Вот уже около 25 лет институт готовит кадры для школ и вузов Москвы. Его выпускники могли бы сделать честь самым лучшим университетам страны. Большинство из них работает в сфере столичного образования. Российские учителя знают и уважают Ольгу Васильевну Афанасьеву как одного из авторов популярных серий учебников и учебных пособий по английскому языку для средних общеобразовательных учреждений. Это серия учебно-методических комплектов (УМК) по английскому языку English для школ с углубленным изучением языка для 4–11-х классов (в соавторстве с И.Н. Верещагиной и И.В. Михеевой), получившая гриф Министерства образования РФ и премию Правительства Российской Федерации в области образования; а также серии учебно-методических комплектов для общеобразовательных средних учебных заведений РФ: 1) «Новый курс английского языка для российских школ» (в соавторстве с И.В. Михеевой); 2) «Spotlight. Английский в фокусе» для 10–11-х классов (в соавторстве с И.В. Михеевой и рядом зарубежных авторов); 3) Rainbow English (в соавторстве с И.В. Михеевой и К.М. Барановой). Тысячи учеников по всей России изучают английский язык по этим современным УМК. Человек удивительной энергии и целеустремленности, Ольга Васильевна охотно берется за новые, столь нужные сегодня проекты.

Талантливый филолог и методист, она является автором более 600 научных и методических публикаций по лексикологии, типологии, грамматике английского языка и методике его преподавания, когнитивной лингвистике, литературоведению.

Вместе с тем трудно переоценить вклад Ольги Васильевны в сферу высшего образования, что было отмечено Министерством образования РФ, которое в 2008 г. присвоило О.В. Афанасьевой почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», с вручением нагрудного знака.

У Ольги Васильевны Афанасьевой много преданных коллег, учеников, друзей, любящая семья, а еще у нее масса идей и планов на будущее. Мы желаем ей доброго здоровья, радости, благополучия, творческих удач и вдохновения! Пусть сбудутся все желания и планы этой удивительной женщины!

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2018, № 4 (32)**

Бирюкова Евгения Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой германистики и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: evb1303@rambler.ru

Богданова Виктория Равильевна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: 5bogdanova_victoria@mail.ru

Бубнова Ирина Александровна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: aribubnova@gmail.com

Бузинова Людмила Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского международного университета.

E-mail: rluda@mail.ru

Викулова Лариса Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, заместитель директора ИИЯ МГПУ по научной работе и международной деятельности; профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: vikulovalg@mail.ru

Гавриленко Наталия Николаевна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Инженерной академии РУДН.

E-mail: nngavrilenko@narod.ru

Гришина Дарья Дмитриевна — аспирант кафедры германистики и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: grischina-d@yandex.ru

Грушевская Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета.

E-mail: kff-kubsu@yandex.ru

Кольцова Наталья Зиновьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: koltsovaru1@yandex.ru

Ладохина Ольга Фоминична — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: ladohina@list.ru

Малюка Анна Алексеевна — аспирант кафедры германистики и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: anna.m.lingvist@gmail.com

Меркулова Майя Геннадьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: merculovamaya@mail.ru

Романова Галина Ивановна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: galinroma@mail.ru

Рыжова Людмила Павловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: lpryjova@rambler.ru

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Тимашева Оксана Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: Timacheva@list.ru

Тищенко Мария Владимировна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: machyn@bk.ru

Томская Наталья Николаевна — аспирант кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: natalie_tomskaya@mail.ru

Фесенко Эмилия Яковлевна — кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка, ведущий научный

сотрудник Гуманитарного института — филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова в Северодвинске.

E-mail: e.fesenko@narfu.ru

Шестакова Юлия Юрьевна — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: yulia-shestacova@yandex.ru

Шишкина Ольга Владимировна — соискатель кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ, центр образования «Интеллект».

E-mail: olgavladsh@mail.ru

Ярыгина Елена Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин ИГН МГПУ.

E-mail: es1957@mail.ru

**Authors of «MCU Vestnik»,
Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»,
2018, № 4 (32)**

Biryukova Evgeniia Viktorovna — Doctor of Philology, docent, full professor, head of Germanic Studies and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: evb1303@rambler.ru

Bogdanova Victoria Ravily'evna — postgraduate student of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: 5bogdanova_victoria@mail.ru

Bubnova Irina Alexandrovna — Doctor of Philology, docent, head of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: aribubnova@gmail.com

Buzinova Liudmila Mikhailovna — PhD (Philology), associate professor of Foreign Languages Department, Moscow International University.

E-mail: rluda@mail.ru

Vikulova Larissa Georgievna — Doctor of Philology, full professor, Science and International Relations Vice-director of Institute of Foreign Languages, MCU; professor of Roman Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: vikulovalg@mail.ru

Gavrilenko Nataliya Nikolayevna — Doctor of Pedagogics, full professor, professor of Foreign Languages department, Engineering Academy, Peoples' Friendship University of Russia.

E-mail: nngavrilenko@narod.ru

Grishina Daria Dmitrievna — postgraduate of Germanic Studies and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: grischina-d@yandex.ru

Grushevskaya Elena Sergeevna — PhD (Philology), associate professor of English Philology department, Kuban State University.

E-mail: kff-kubsu@yandex.ru

Koltsova Nataliya Zinovjevna — PhD (Philology), associate professor of the department of History of the Newest Russian Literature and Modern Literary Process, Philological faculty, MSU named after M.V. Lomonosov.

E-mail: koltsovaru1@yandex.ru

Ladokhina Olga Fominichna — PhD (Philology), associate professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: ladokhina@list.ru

Malyuka Anna Alekseevna — postgraduate of Germanic Studies and Linguistics department, Institute of Foreign languages, MCU.

E-mail: anna.m.lingvist@gmail.com

Merkulova Maya Gennad'evna — Doctor of Philology, docent, professor of English Philology department, Institute of Foreign languages, MCU.

E-mail: merkulovamaya@mail.ru

Romanova Galina Ivanovna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: galinroma@mail.ru

R'izhova Lyudmila Pavlovna — Doctor of Philology, docent, professor of Roman Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: lpryjova@rambler.ru

Smirnova Alfia Islamovna — Doctor of Philology, full professor, head of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

Timasheva Oksana Vladimirovna — Doctor of Philology, full professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: Timacheva@list.ru

Tishchenko Mariya Vladimirovna — postgraduate of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: machyn@bk.ru

Tomskaya Natalia Nikolaevna — postgraduate student of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: natalie_tomskaya@mail.ru

Fesenko Emilia Yakovlevna — Ph.D. (Philology), full professor, professor of Russian Language and Literature department, leading researcher of Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Severodvinsk branch).

E-mail: e.fesenko@narfu.ru

Shestakova Yuliya Yurjevna — postgraduate of the department of History of the Newest Russian Literature and Modern Literary Process, Philological faculty, MSU named after M.V. Lomonosov.

E-mail: yulia-shestacova@yandex.ru

Shishkina Ol'ga Vladimirovna — applicant of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU; educational center «Intellect».

E-mail: olgavladsh@mail.ru

Yarygina Elena Sergeevna — Doctor of Philology, full professor, professor of the department of Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: es1957@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещается аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указывается автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка». Также приводится транслитерация библиографического списка в соответствии с ГОСТ 7.79–2000.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов), отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей), заверенный печатью и подписью.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на официальном сайте журнала: vestnik.mgpu.ru.

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Ларисе Георгиевне Викуловой* (Москва, Малый Казенный пер., 5б, каб. 444).

Телефон редакции: (495) 607-76-37.

E-mail: VikulovaLG@mgpu.ru

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
2018, № 4 (32)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4

Телефон: 8-499-181-50-36

Сайт: vestnik.mgpu.ru

Подписано в печать: 24.12.2018 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.